

959

И. Г. Кизрин

Курская парторганизация
в эпоху Октября
и гражданской войны

Воронеж

1933 г.

788с58.

О Б К О М Д В К П (б) Ц Ч О

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИЙ
ВКП(б) ЦЧО**

И. Г. КИЗРИН

КУРСКАЯ ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ

**В ЭПОХУ ОКТЯБРЯ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

9

3

3

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „КОММУНА“

Отв. редактор *В. Н. Алексеев.*

Техредактор *А. Г. Тамбовский.*

ОТ ИСПАРТА.

Выпуском работы И. Кизрина Истпарт Обкома ВКП(б) ЦЧО кладет начало публикации очерков по истории большевистских организаций ЦЧО.

Изучению истории парторганизаций до последнего времени не уделялось того места в плане работ Истпарта, которое могло бы обеспечить выполнение основной задачи Истпарта—составление научной истории нашей партии.

Истпарт сейчас приступил к практическому осуществлению этой большой работы. Первым ее этапом является издание очерков по истории отдельных губернских организаций эпохи Октября и гражданской войны.

Следующие за работой т. Кизрина три тома включают в себя историю Воронежской, Тамбовской и Орловской организаций того же периода, затем вторым этапом работы будет составление и выпуск очерков в одном томе по истории парторганизаций более раннего периода от зарождения с.-д. кружков до 1914 г. и, наконец, составление полной библиографии по истории партии и выпуск хроник и партийной жизни.

Вся эта работа, включая сюда еще и описание истории отдельных заводских ячеек и публикацию партдокументов, наиболее широко и полно осветит путь борьбы и побед большевистских парторганизаций с момента их возникновения до наших дней победы социализма.

Истпарт Обкома ВКП(б) ЦЧО.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

До сих пор история местных партийных организаций чрезвычайно мало разработана. Истпартовские сборники документов, воспоминания и отдельные книги и брошюры по всему Советскому союзу, за небольшим исключением, еще далеки от требований науки, да и количество их далеко недостаточно. Архивный материал, как правило, очень мало выявлен. А между тем в наше время уже нельзя писать общей истории партии без самого тщательного анализа истории местных парторганизаций, ибо последние—составные части нашей партии. Их история неотъемлемая часть истории ВКП(б).

Будучи обусловлена закономерностями всего историко-партийного процесса, история местных партийных организаций (областных, губернских) имеет и свои специфические особенности, которые в какой-то, хотя бы очень незначительной доле все же не могут не сказываться на всем ходе истории нашей партии. Поэтому недоучет последнего обстоятельства, помимо неполноты, непременно сказывается в некотором совершенно нежелательном искажении всей исторической перспективы. Вот почему необходимо отбросить существующее предубеждение у историков центральных научно-исследовательских учреждений к местным, якобы, краеведческим темам.

Получается действительно странное положение. Какую-нибудь деталь из истории революции 1905 г. или 1917 г. в Москве или Петербурге (ныне Ленинграде) иногда обсасывают со всех сторон, а история революции в целых областях остается подчас совершенно нетронутой. Это, разумеется, совершенно не означает того, что не нужно изучать детали истории революции или партийной организации в центральных городах. Всякому понятно ведущее значение столиц и крупных промышленных центров для всей страны, которое делает преимущественное внимание к последним совершенно необходимым. Но нельзя же забывать также и тем, связанных с более глубинными территориями. Ибо задача всестороннего изучения истории борьбы пролетариата за социализм во всей конкретно-исторической обстановке требуют этого.

Возьмем конкретный пример. После знаменитого письма т. Сталина в редакцию „Пролетарской революции“ вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую естественно приобрел особенную остроту. Довольно много устных и печатных слов было сказано на эту

тему. Однако, всей конкретно-исторической картины процесса перерастания, которую должны были дать прежде всего историки на основе учения Ленина и Сталина, до сих пор не дано. Мы, историки, очень часто ограничиваемся цитированием наших учителей, а между тем наша задача сводится не только к механическому повторению тех или иных совершенно правильных цитат, но еще к тому, чтобы, исходя из указаний Ленина и Сталина, разгромить антиленинские трактовки вопроса, опираясь на показ конкретной истории. В дополнение к истории революции на решающих территориях, история борьбы большевизма на местах дает, в частности по проблеме перерастания, богатейший материал. Этот материал иллюстрирует процесс перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в крупных городах, уездных городишках, в деревне, т. е. позволяет представить картину перерастания, начиная от сердца революции, кончая самыми отдаленными уголками гигантской страны. И так по всем узловым историческим вопросам.

Историкам партии центральных исследовательских пунктов СССР (Москвы, Ленинграда) пора уже заинтересоваться той тематикой работы, над которой сидят областные и городские истпарты, пора самим взяться за некоторые, наиболее важные „местные“ темы, и конкретным (на своих работах) показом, между прочим, помочь своим большей частью менее квалифицированным товарищам в том деле, без которого не может обойтись историко-партийная работа.

Смысл своей работы автор настоящих строк усматривает в том, чтобы на фоне основных моментов истории ВКП(б) показать борьбу партии за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, за разгром вооруженной контрреволюции в гражданской войне, за социалистическое строительство первых годов пролетарской революции на определенном территориальном участке (б. Курская губ.) и таким образом прибавить несколько конкретных штрихов к многокрасочной картине борьбы нашей партии за великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Предлагаемая вниманию читателя работа в двух своих основных главах основана преимущественно на архивных материалах—первоисточнике, извлеченном в Партархиве ЦЧО. К сожалению, огромное количество чрезвычайно важного материала (большое количество протоколов губпартконференций), повидимому, уже погибло для историографии, или, в лучшем случае, находится там, откуда не скоро попадет в распоряжение заинтересованного исследователя. Много документального материала погибло в бесчисленных эвакуациях и реэвакуациях губернских и уездных партийных и советских организаций в период гражданской войны. Естественно, что пробелы архивного первоисточника в полной мере не могли быть восполнены уже имеющимися печатными материалами (сборники документов, статей,

воспоминаний, отдельные книжки и брошюры и т. п.). Однако там, где это было необходимо, автор всегда прибегал и к этому виду источника.

Некоторая часть протокольного материала по уездным конференциям за 1918 год, использованного в работе, принадлежит тт. Крошицкому и Панкиной, которые представили в распоряжение автора подобранные для своей темы документы. С согласия т. Глебова, в работе использована его чрезвычайно содержательная, с точки зрения фактического материала, рукопись о советах и гражданской войне в Курском крае.

Пользуюсь случаем поблагодарить за товарищескую помощь в работе в деле подбора материала или советом зав. Партархивом ЦЧО т. Крошицкого, тт. Комарова и Глебова.

Настоящая работа написана по поручению Истпарта Обкома ВКП(б) ЦЧО.

К книжке не прилагается весь перечень использованных источников, т. к. главные из них интересующийся легко может установить по тщательно сделанным подстрочным примечаниям. Кстати, в некоторых ссылках не указаны номера листов архивных дел. Это получилось потому, что листы большого количества дел в архиве, к сожалению, не пронумерованы.

Автор.

ОТ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ К ПРОЛЕТАРСКОЙ (1905-1917).

1. Рабочее и крестьянское революционное движение.

Буржуазно-демократическая революция 1905 г. застала в Курске немногочисленную, но уже сложившуюся социал-демократическую организацию. По словам одного из активных работников Курской организации А. Аристархова, начало партийной работы относится еще к 1902 году, когда группа политических ссыльнопоселенцев—сам Аристархов с женой С. Л. Левитской, высланный из Москвы А. А. Блюм, московский рабочий И. Е. Кольцов, М. И. Богомазов и некоторые другие товарищи первыми начали вести социал-демократическую работу.

Одновременно с кружком социал-демократов возникла небольшая (10-15 чел.) группа социалистов-революционеров, во главе с сыном известного в дореволюционное время чаепитовца, А. Высоцким.

„Организовались,—пишет в своих воспоминаниях Аристархов,—два кружка—социал-демократов и эсеров“¹⁾.—Следовательно, с самого начала социал-демократам нужно было вести борьбу за влияние в среде революционно-настроенных рабочих и интеллигенции с эсерами. Последнее обстоятельство в известной мере обостряло необходимость идейно-политического самоопределения с-д. группы. С другой стороны, воздействие „Искры“ и „Зари“ окончательно укрепляло марксистское мировоззрение молодых социал-демократов. А регулярное получение названных газеты и журнала наладилось довольно рано.

„Еще в конце 1902 г. удалось наладить регулярное получение „Искры“ и „Зари“,—говорит только что цитированный автор,—и наша группа стала на искровскую платформу“²⁾.

Преобразование курских социал-демократов в большевиков прошло не без внутренней борьбы. Первоначально значительная часть социал-демократов, по свидетельству Аристархова, находилась под влиянием Богомазова, который упорно стремился перетянуть группу на меньшевистские позиции. Однако, несмотря на то, что доклад о II съезде делал приехавший из Харькова меньшевик, вкупе с Богомазовым старавшийся изобразить сто-

¹⁾ А. Аристархов. „Летопись рев. борьбы в Курской губ.“ Курск, 1923 г. стр. 10.

²⁾ Там же, стр. 11.

ронников В. И. Ленина выгодными для оппортунистов красками, организация не пошла за меньшевиками. Большевистская „Искра“ сделала свое дело. И к ноябрю 1903 г., ко времени приезда в Курск виднейшего московского большевика Иннокентия Дубровинского, курская организация как большевистская вполне определилась и окрепла.

Победа большевиков оказалась сравнительно легкой, потому что одновременно с идейно-политическим оформлением группы происходило ее организационное оформление.

Еще весной 1903 г. образовалось ядро организации из Аристархова (Андрей), С. Л. Левитской-Аристарховой (Анна), местного рабочего-гравера И. В. Паневина (Герман), А. П. Афонского (Антон), московского рабочего Н. Кольцова и др. Это ядро и развернулось потом в законченную большевистскую организацию. Таким образом, ленинский принцип, обязывающий к непременному организационному закреплению идейных побед, уже приводил к положительным результатам.

„В 1904 г.,—сообщает Аристархов в своих воспоминаниях,—наша организация настолько оформилась и окрепла, что была утверждена партийным центром, как полноправная единица партии с решающим голосом на съездах. Был организован Курский комитет партии“ (стр. 13).

Утверждение Курской организации в качестве полноправной партийной единицы, с комитетом во главе, сразу вводило ее в орбиту общепартийной работы всех большевистских организаций. Курские большевики как идейно-политически, так и организационно начали питаться не только возможностями провинциальных условий парторботы, но и опытом передовых промышленных партийных организаций. Превратившись в звено общепартийной цепи во всероссийском масштабе, Курская организация испытала на себе влияние всех объективно-исторических условий, в которых развивался большевизм вообще с начала его возникновения. Следовательно, наличием или отсутствием пролетариата с его классовой революционной борьбой только в Курской губернии, обывательским окружением или революционной средой, свойственной курским большевикам, мощным или слабым движением курского крестьянства,—словом, объективными условиями, присущими только Курской губернии, в которых жила изучаемая парторганизация, процессов ее развития объяснить нельзя.

Курская парторганизация, как и всякая провинциальная организация, развивалась под воздействием следующих основных факторов:

- 1) Руководство общепартийного центра, которое преломляло в себе весь комплекс объективно-исторических условий, влиявших на развитие нашей партии, и которое ставило перед партией те или иные стратегические или тактические задачи, соответствующие конкретно-исторической обстановке по крайней мере в масштабе всей старой России.

2) Конкретные исторические условия и особенности, свойственные самой Курской губернии: здесь и состояние рабочего и крестьянского революционного движения, здесь и местные конкретные условия развития капитализма, борьба с крепостническими пережитками, здесь и взаимодействия с другими политическими партиями и т. д. и т. п.

3) Непосредственное руководство местной Курской парт-организации, преломлявшее директивы общепартийного центра и местных конкретных исторических условий¹⁾. Это руководство отражалось всей практикой революционной борьбы курских большевиков.

К революции 1905 года изучаемая парторганизация значительно окрепла. Ее состав пополнился заметным количеством местных рабочих. К именам: Семенычева, Сергеева, Серикова, Гуляева, Седых, Каширцева, Минакова, Ламонова, Руцкого можно было прибавить еще ряд партийных товарищей из рабочих, которые еще не успели выделиться по своей политической зрелости так, как выделились перечисленные товарищи. Правильно взятая курскими большевиками линия на развертывание партийной агитации и пропаганды среди рабочих давала ощутительные результаты, прежде всего, численным ростом рабочего ядра парторганизации.

Увеличилось и количество интеллигентов. Уже в 1904 году в списках большевистской группы встречаются имена двух сестер Бобовниковых, Брянцевой, Прокопова, Бернашевского, Пискуновой, Арнольд и т. д., частью приехавших из других мест, частью—работников местных школ, контор и больниц²⁾.

Пополнение организации и ее качественный рост позволил курским большевикам выступать не только устно, но и с листовками и прокламациями. А участие на III съезде РСДРП (весной 1905 г.,—состоявшем, как известно, только из большевиков) лидера курской организации Аристархова внесло еще большую политическую ясность во всю партийную работу в условиях уже разгоравшейся революции 1905 г., которая и сама по себе послужила огромным стимулом идейно-политического самоопределения трудящихся масс и роста парторганизаций.

Курские социал-демократы в первой русской революции боролись как большевики.

Основной экономической предпосылкой революции 1905 г., по Ленину, было глубочайшее противоречие между относительно развитым промышленным капитализмом и полукрепостническим

1) Если исходить из учета перечисленных (главнейших) факторов, становится понятно, сколь недостаточны краеведческие масштабы, ибо они, как правило, не учитывают, что на историю, к примеру, изучаемой парт-организации в какой-то, хотя бы микроскопической, мере, оказывают влияние те или иные события отдаленных Читы или Красноярска.

2) Фамилии как рабочих, так и интеллигентов взяты из кн. Аристархова «Летопись революц. борьбы».

строем страны. Это противоречие выражалось: в существовании самодержавной дворянской власти (царизм), когда экономически окрепший класс—буржуазия сама стремилась к власти, а пролетариат ставил самостоятельные политические задачи в революционной борьбе; оно выражалось в том, что крепостнические пережитки мешали развитию относительно прогрессивного капитализма.

Политическая форма уже не соответствовала развивавшимся производственным отношениям.

Отчаянное безземелье, отработочная система, огромные выкупные платежи за те лоскуты земли, которые оставались в пользовании крестьян после реформы 1861 года, тяжкие налоги, непомерно высокие цены на промышленные товары (правительство, в интересах капиталистов, поддерживало эти монопольные цены),—словом, двойной гнет и крепостнических пережитков и развивающегося капитализма толкал крестьянство на упорную борьбу с самодержавием и помещиками за землю. Будучи решительным сторонником американского типа развития капитализма, возможного лишь при революционных способах разрешения аграрного вопроса, русское крестьянство в 1904, 05 и 06 гг. развернуло подлинную войну за землю.

Курское крестьянство находилось на „передовых позициях“ этой войны, поскольку крепостнические пережитки в губернии были живучи. Из губерний ЦЧО, где крепостничество царило более, нежели в каком-либо другом районе России, Курская—хоть и имела несколько менее крепостнической кабалы, чем Тамбовская,—все же описанный двойной гнет крепостничества и капитализма относился и к ней. Вот почему крестьянское движение ЦЧО, в том числе Курской губ., было исключительно сильно. На ЦЧО в продолжении 1905-1907 гг. приходилось, как известно, около трети всех крестьянских выступлений.

Под влиянием рабочих стачек, последовавших за кровавыми январскими днями 1905 г., волна крестьянского движения охватила Курскую губернию одной из самых первых. Уже 13 февраля в Дмитриевском уезде началась, распространяясь чрезвычайно быстро на другие уезды, острая борьба против помещиков. Эта борьба, усиливаясь, с небольшими интервалами происходила в течение всего пятого года и в начале шестого. Движение в губернии оказалось столь могучим, что не на шутку встревожило правительство. В секретной телеграмме, специально адресованной курскому губернатору, Дурново в начале 1906 г. предлагал провести исключительно зверские меры подавления крестьянства: „чтобы покончить с беспорядками,—писал Дурново,—примите самые суровые меры; деревню бунтовщиков полезно стереть с лица земли, а их самих истреблять без снисхождения (подчеркн. мною—И. К.) силою оружия“¹⁾.

¹⁾ Материалы и документы. „Аграрн. движ. в 1905-1907 гг.“, состав. С. Дубровский и Б. Граве, Гиз, 1925 г., стр. 248.

Бесчеловечные зверства карательных экспедиций, которым предписывалось стирать с лица земли целые деревни с детьми и стариками, вызывали омерзение даже у некоторых помещиков. Лучше всего охарактеризовать эту беспримерную вакханалию словами одного из курских помещиков, майора Беренца.

„Ваше высокопревосходительство,—писал он в письме к министру внутр. дел,—неужели в XX веке половина сумасшедших в сенате, что дали право убивать народ зря, без всякого суда?... 56 человек расстреляны, а что несчастных крестьян зря бьют, насилуют жен, девиц по всей России! Такое зверство, и этим вооружают весь народ“¹⁾.

Классовый инстинкт помещика правильно подсказал автору письма мысль о том, что расстрелы, насилия над женщинами и другие репрессии только окончательно и бесповоротно убедили крестьян в безнадежности ждать решения земельного вопроса от царского правительства. „Вечно нищие“—по выражению того же Беренца—крестьяне, уступив силе в 1906 году, повторили свои методы и средства борьбы, уже более успешно, позднее.

Что касается рабочего класса, то экономической основой его движения был тот же двойной гнет капитализма и крепостничества. Выросши с развитием капитализма более чем до двух миллионов человек (в ЦЧО число рабочих с 1880 по 1904 г. увеличилось в 2 раза), пролетариат к революции 1905 года смог создать в лице большевиков свою последовательно-революционную партию, которая успешно отбрасывала на своем пути к овладению руководством в рабочем движении всякие оппортунистические течения экономистов, меньшевиков и т. п. Сила и организованность рабочего класса угрожала как помещичьему господству, так и промышленной буржуазии.

Беспримерная эксплуатация, нищенская заработная плата, продолжительность рабочего дня, доходившая до 16 часов в сутки, большие вычеты и штрафы, грубое обращение администрации и полное политическое бесправие издавна толкали рабочий класс на решительную борьбу с капиталистами и царским самодержавием. А так как объективно исторической задачей пролетариата, вытекающей из его классового антагонизма к буржуазии, является не только ниспровержение крепостнического самодержавия, но и борьба за социализм, путем разрушения капитализма, то этот эксплуатируемый капиталистами и помещиками и политически бесправный класс был заинтересован в полном завершении буржуазно-демократического переворота не только ради него самого, но и ради социалистической революции. Будучи поэтому единственным до конца революционным классом, при наличии своей партии и при указанной объективно-исторической задаче, пролетариат стал гегемоном буржуазно-демократической революции, а не только ее активным участником.

¹⁾ Материалы и документы „Аграрн. движ. в 1905-1907 гг.“, состав. С. Дубровский и Б. Граве. Гиз, 1925 г., стр. 249.

В соответствии с этим понятно, почему Ленину уже в 1905 году поставил задачей борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Она вытекала из всей объективно-исторической обстановки.

Революция 1905 года, таким образом, была грандиозным эпизодом борьбы за перерастание, которая увенчалась полным успехом только в октябре 1917 года.

Неуклонное от этапа к этапу повышение рабочего движения свидетельствовало о субъективной готовности российского рабочего класса к борьбе сначала за завершение буржуазно-демократической революции, а в ходе этой борьбы и к боям за революцию социалистическую. Вместе с этим тот факт, что за январским выступлением питерских рабочих, за майско-июньскими боями польских рабочих, за Октябрьской всеобщей политической стачкой и, наконец, за декабрьским вооруженным восстанием следовали все повышающиеся волны крестьянского движения,—этот факт демонстрировал наглядно правильность ленинского утверждения о гегемонии пролетариата в демократическом движении.

Курская типично-крестьянская губерния не отличалась, как известно, большим удельным весом рабочего класса. Накануне революции 1905 года в самом Курске было „не больше трех тысяч рабочих. Сюда входили рабочие: депо и вагонных мастерских Московско-Курской и Киево-Воронежской железных дорог, несколько небольших чугунолитейных и механических заводов (Мертенса; Каменева, Степанова, Воронина), свечного завода, пивоваренного завода Вильма, двух кожевенных заводов, паровых мельниц, трамвая, станций электрического освещения, водопровода, нескольких типографий, большого казенного винного склада и затем ремесленные рабочие—портные, заготовщики и прочие“¹⁾.

Несмотря, однако, на малочисленность и низкую концентрированность (заводы были все небольшие, как видно из простого перечня их), курские рабочие приняли в революционном движении активное участие.

Общеизвестны факты, что в январские дни бастовали рабочие Курского свечного завода.

В феврале (это было еще откликом на январские дни)—„Частично забастовки и волнения происходили на Московско-Киево-Воронежской железной дороге... Вспыхнула также забастовка и в Управлении М. К. В. ж. д. (стало быть, в революционную борьбу были втянуты и служащие—И. К.). Управленцев поддержало депо ст. Курск II, частично Курск I, телеграф и движение“²⁾.

¹⁾ Аристархов. „Лет. рев. борьбы в Курск. губ.“, цит. изд., стр. 12.

²⁾ Ив. Марута. „Очерки по истор. рев. и проф. движения на М. К. В. ж. д. 1905 г.“, изд. Дорпрофсожа, Курск, 1925 г., стр. 34.

Хотя февральская забастовка втянула сравнительно мало рабочих и не отличалась организованностью, все же для мещанского Курска она имела большое значение. Летом 1905 г. боролись также железнодорожники.

В Октябрьской всеобщей стачке участвовали, главным образом, рабочие Московско-Курской, Московско-Киево-Воронежской ж. д. и некоторых других предприятий. Причем, готовность и воля к борьбе у трудящихся отчетливо обнаружилась в следующем любопытном эпизоде. В первый же день забастовки (10 октября), после многолюдного митинга рабочие и служащие М.-К.-В. ж. д. двинулись снимать с работы служащих М.-К. и южных дорог.

„Депо М.-К. дороги, наоборот, пришлось снимать оставшихся работать в депо М.-К.-В. ж. д.“¹⁾. Следовательно, и те и другие не боялись взять на себя даже инициативу выступления. Стачка продолжалась около 10 дней и закончилась организованно по призыву Московского центра.

Наконец, в ноябре было известное восстание в гарнизоне, а в декабре опять вели борьбу железнодорожники, в которую была втянута и молодежь. „Например, в 1905 г. организовавшиеся молодые машинисты депо Курск II активно участвовали в декабрьской забастовке, являясь ее инициаторами“²⁾. К ним присоединились рабочие ст. Курск II и, частично, телеграф. На протяжении всего 1905 года заметно было рабочее движение и в уездных городах (например, в Белгороде).

Революция 1905-07 гг. не увенчалась успехом.

После того, как московское декабрьское вооруженное восстание, поддержанное революционным движением во всей стране, потерпело неудачу, революция пошла по линии нисходящего развития.

В течение 1906 и 1907 годов движение заметно пошло на убыль, пока, наконец, под ударами восторжествовавшей реакции почти совсем замерло.

Либеральная буржуазия, отличавшаяся на всем протяжении революции трусливой половинчатой тактикой, после пресловутого манифеста от 17 октября, возвестившего куцые „свободы“, окончательно отошла в союз с крепостническим самодержавием. Это обстоятельство позволило царизму еще более усилить борьбу против какого бы то ни было революционного движения. В то же время западно-европейская буржуазия помогла укрепиться реакции займами. Рабочий класс и крестьянство попрежнему оставались единственными социальными силами, на долю которых выпадала задача разрушить до основания все феодальные пережитки вместе с самодержавием, чтобы потом сделать возможным уничтожение и самого капитализма.

¹⁾ Изв. Марута. „Очерки по истор. рев. и проф. движ. на М.-К.-В. ж. д. 1905 г.“, стр. 43.

²⁾ В. Анучин „Комсомол ЦЧО в борьбе за Октябрь“. Воронеж, 1931 г., стр. 30.

Хотя революция 1905 года потерпела поражение даже в буржуазно-демократическом содержании, т. е. не были достигнуты ни революционно демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, ни Учредительное собрание, ни Временное революционное правительство, ни демократические свободы, ни земля крестьянами, ни восьмичасовой рабочий день рабочими и самодержавие попрежнему увенчивало государственно-политический строй России, однако рабочий класс и трудящееся крестьянство получили в революции величайший исторический опыт непосредственной и решительной борьбы со своими эксплуататорами. Они прошли школу гражданской войны, послужившей, по выражению Владимира Ильича, „генеральной репетицией“ Октября.

Рабочее движение возродилось не скоро. Только со второй половины 1910 года наметились признаки его оживления, а крестьянское движение начало усиливаться еще позднее. Что же касается собственно Курской губернии, то она разделяла судьбу всей России с той лишь маленькой разницей, что разбитые в первой схватке с государственным аппаратом самодержавия курские рабочие и трудящиеся крестьяне вступили в новый тур обостренной революционной борьбы еще позднее, нежели в промышленных центрах.

2. Большевики в борьбе за руководство массами.

(От 1905 к 1917 году).

Революционное движение пролетариата, которое кратко очерчивалась выше, составляло объективную социальную основу роста и укрепления политической партии этого класса. В свою очередь, факт существования самостоятельной, последовательно революционной партии пролетариата—большевиков—накладывал глубокий отпечаток на массовое движение, ибо большевизм отчетливо определил этому движению стратегическую цель борьбы, дал конкретные лозунги этапов революции, организационно возглавил массовую революционную борьбу вплоть до подготовки и проведения вооруженного восстания, словом, не плелся в хвосте исторических событий, но организовывал революцию.

Если меньшевики, в противовес большевикам, оппортунистически толковали лишь о „развязывании“ революции, то Ленин ориентировал партию на то, чтобы „организовать“ ее, т. е. определить, исходя из конкретно исторической обстановки, стратегическую цель борьбы, дать лозунги этапов и систематически непосредственно руководить как крупными, так и мелкими боями рабочего класса.

Если меньшевики не только возражали против вооруженного восстания, но и самую постановку вопроса о его подго-

товке считали принципиально недопустимой (речи Мартова и Аксельрода на Стокгольмском и Лондонском съездах), то партия Ленина, идейно и технически подготовив восстание, провела его. Меншевистскому блоку с кадетствующими либералами большевики противопоставили революционный рабоче-крестьянский блок под гегемонией пролетариата. Они разоблачили полуменьшевистский характер теории „перманентной революции“ Троцкого-Парвуса, отрицавшей революционность крестьянства даже на буржуазно-демократическом этапе революции, так как эта теория направлена против единого фронта рабочих и крестьян в борьбе за доведение до конца демократического переворота и против рабоче-крестьянского союза вообще.

Таким образом, одни лишь большевики от начала до конца идейно и практически возглавляли пролетариат в революции 1905 года.

Одновременно с руководством пролетарской борьбой, ленинская партия упорно боролась за руководство крестьянским движением. Систематически разоблачая эсеровские повторения реакционных по своему характеру народнических задов о социализации земли на основе общинного землевладения, о крестьянстве как социалистическом классе и т. п., Ленин формулировал на III съезде РСДРП боевую программу крестьянского движения—программу борьбы за конфискацию всех помещичьих земель через посредство революционных крестьянских комитетов при самостоятельной организации сельскохозяйственного пролетариата.

Эта программа была рассчитана на революционный способ разрешения основного для всего крестьянства аграрного вопроса таким образом, чтобы в ходе этого разрешения не дать кулачеству воспользоваться землей, отстоять интересы беднейшего крестьянства и отдифференцировать внутри деревни социальные силы борьбы за социалистическую революцию. Именно для этого была необходима самостоятельная организация деревенского пролетариата. Батрачество служило в деревне естественным оплотом борьбы за социализм. Вокруг него должна была объединиться беднота, как опора рабочего класса. Следовательно, уже в недрах общедемократического движения всего крестьянства против крепостнического самодержавия и за американский путь капиталистического развития деревни нарастала борьба батрацко-бедняцкого слоя против капитализма, ради которой (борьбы) этот слой вслед за промышленным пролетариатом и боролся за полное завершение буржуазно-демократической революции.

Опираясь, стало быть, на рабочий класс, батрачество и деревенскую бедноту, ведя за собой крестьянство, большевики хотя и ставили в конечном счете социалистические цели, но в первую очередь должны были привести массы к уничтожению всех остатков крепостничества как в экономике, так и в поли-

тической форме. Вот почему главными лозунгами революции 1905-07 гг. были такие общедемократические требования, как свержение царизма, установление демократической республики, Временное революционное правительство, долженствующее послужить формой революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, Учредительное собрание, всеобщее избирательное право, политические свободы, конфискация земли и 8-часовой рабочий день. Под этими лозунгами Ленин и большевистский ЦК РСДРП мобилизовал массы в революцию 1905 года, овладевая в процессе борьбы руководством над массовым революционным движением.

Как же боролась Курская парторганизация в период буржуазно-демократической революции?

Курские большевики в 1905-1907 гг. боролись под теми же идейно-политическими лозунгами, под какими шла вся большевистская партия, и в практике работы стремилась выполнить общепартийные требования как в смысле овладения руководством в массовом революционном движении, так и в осуществлении организационных принципов.

Курская организация РСДРП, в соответствии с ленинской установкой, смело разоблачала половинчатую, а позже предательскую тактику либеральной буржуазии. Когда, например, летом 1905 г. местные кадеты устроили приезд в Курск известного лидера кадетской партии Милюкова, то после его лекции в прениях социал-демократы дали форменный бой кадетам. По свидетельству Аристархова, от социал-демократов выступали: Я. В. Бляхер, В. П. Милютин (студент), сам Аристархов и А. С. Воробьев. Что эти выступления против кадетствующей буржуазии доходили до ума и сердца рабочих, показывали горячие аплодисменты, которыми награждались ораторы РСДРП со стороны многочисленных рабочих, присутствовавших на диспуте. Организация отпора кадету Милюкову на публичном диспуте являлась примером одного из методов борьбы за массы.

Борьба за массы велась разнообразными методами, начиная с празднования 1 мая, организованного в 1904 году. Маевки, как форма этой борьбы, за следующее трехлетие „стали обычным явлением“. Социал-демократы развертывают упорную работу по организации профсоюзов. „Был организован ряд профессиональных союзов: маталлистов, железнодорожников, рабочих свечного завода, работников иглы, печатников и др. Союзы примыкали к партии и были всецело под нашим влиянием“¹⁾. Это влияние, разумеется, могло создасться только при том условии, если большевики повседневно были в массах и боролись за их экономические и политические нужды. Так они и делали.

¹⁾ Аристархов. „Лет. рев. борьбы в Курск. г.“ цит. изд., стр. 21, 18.

Курской парторганизацией руководилось несколько забастовок, в большинстве случаев с удачным исходом, на свечном заводе, на М. К. и южных дорогах (в октябре), где во главе стачечного комитета „стояли члены Курской организации“¹⁾ и т. д. У железнодорожников, поскольку здесь имелась наибольшая концентрация рабочих, работа велась особенно интенсивно, в частности, самими железнодорожниками—большевиками (Рогов, Богданов, Бутов, Руцкой, Семенычев и др.). Задаче завоевания рабочих Курская парторганизация подчинила свою организационную структуру. Были созданы два района—городской и Ямской. Последний организовался специально в расчете на приближение партийного руководства к массе ж.д. рабочих, населяющих Ямскую слободу.

Не менее энергично велась работа среди вооруженного оплота царского самодержавия—солдат, причем дело отнюдь не ограничивалось только агитацией или пропагандой. Организация настойчиво распространяла свои опорные пункты работы—низовые ячейки в курском гарнизоне—и небезуспешно. „В пятом и шестом годах,—свидетельствует Аристархов,—мы имели ячейки во всех частях гарнизона и устраивали в лагерях большие митинги“²⁾. Отсюда совершенно очевидно, что ноябрьские волнения в гарнизоне г. Курска происходили не без влияния курских социал-демократов. Вскоре, к сожалению важнейшая, с большевистской точки зрения, партийная работа в войсках. в результате провокации Куприянского (в 1907 г.), провалилась. Любопытно отметить, что до провала эта работа находила поддержку не среди офицеров, а среди солдат. Завязанные с офицерским союзом связи, по словам лидера курских большевиков, быстро распались. Совершенно очевидно, что социальная природа офицерства была чужда социал-демократическому воздействию.

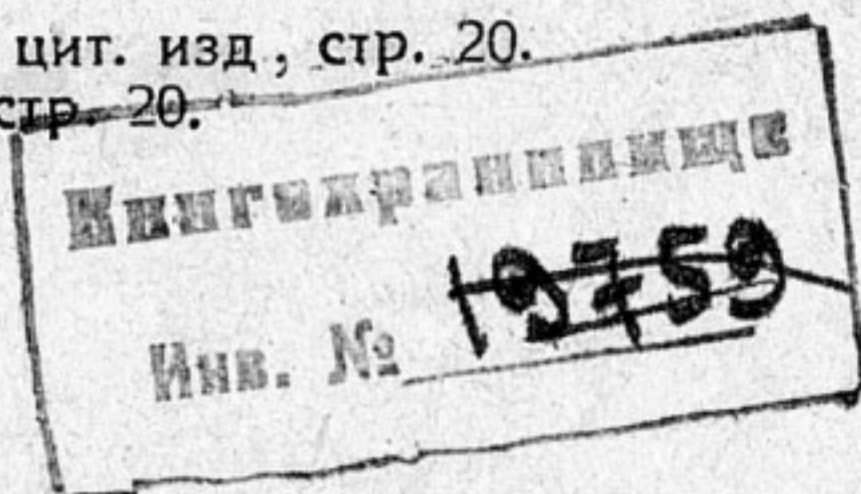
Из об'ектов революционной пропаганды в городе следует отметить еще учащуюся молодежь различных учебных заведений Курска (землемерного училища, фельдшерской школы, духовной семинарии, реального училища, городских школ и женских гимназий). Результаты этой пропаганды и работа среди учащейся молодежи прекрасно иллюстрируются одним тем, что организация учащихся в 1905-06 гг. охватывала до 250 человек³⁾. Цифра для Курска не малая. Хотя провокатор нашелся и в юношеской организации, но столько вреда, сколько принесла провокация в военке, здесь он все-таки не нанес.

Подытоживая массовую работу Курской парторганизации в городе, следует добавить, что в порядке реализации своего влияния социал-демократы попытались вывести массы и на

1) Ив. Марута. „Очерки по ист. рев. и проф. движ. на М.-К.-В. ж. д. 1905 г.“, цит. изд., стр. 43.

2) Аристархов. „Лет. рев. борьбы“, цит. изд., стр. 20.

3) Аристархов „Лет. рев. борьбы“, стр. 20.

улицу. Демонстрация состоялась по поводу манифеста 17 октября под охраной специально организованной дружины самообороны. Правда, она не была удачной, ибо гвардия Маркова 2-го, пьяные черносотенцы—со своей стороны тоже подготовились и рассчитывали произвести нападение с двух сторон. Только дружина самообороны, отстреливаясь револьверным огнем, предотвратила кровавую кашу. Руководители быстро повернули демонстрацию назад, и дело ограничилось паникой. Зато черносотенцы отвели „русскую душу“ в двухдневном еврейском погроме, начавшемся в тот же вечер ¹⁾.

Неудача уличного выступления не могла, разумеется, сильно ослабить большие достижения парторганизации. Систематическая работа среди рабочих с проведением маеток, руководством стачек и т. п., пропаганда в войсках, объединение учащейся молодежи, проведение общих митингов и другие формы завоевания масс послужили главным условием быстрого численного роста курских большевиков и придавали всей партийной работе массовый характер.

„В 1905-6-7 годах организация непрерывно росла и развивалась. Число членов в 7-м году превышало пять сот человек (не считая, конечно учащихся), что для того времени и для такой губернии, как Курская, было довольно крупной цифрой“ ²⁾.

Задачи революционной борьбы и массовое революционное движение заставляли, а численный рост организации, происходивший на этой основе, позволял выйти парторганизации за пределы губернского города. При непосредственной помощи губернского центра создаются уездные с.-д. группы. Неоднократно цитированный участник революционной борьбы в Курской губернии так описывает расширение территориального круга парторганизации:

„Мы создали ряд уездных организаций, отчасти завязав прочные связи на местах, отчасти перебросив часть наших сил из Курска. Своей работой мы охватили, главным образом, юго-западные уезды, расположенные по Харьковской и Киево-Воронежской железным дорогам: Путивльский, Суджанский, Рыльский, Обоянский, Львовский, Курский. Южные уезды Белгородский и др. были связаны с Харьковом... В Путивле была одна из лучших наших организаций...“

Для нашей цели нет необходимости перечислять именной состав уездных групп. Достаточно констатировать, что „все уездные организации объединялись в окружной комитет“ ³⁾.

Разветвленная по уездам и объединенная в три района (городской, Ямской и окружной) полутысячная партийная организация представляла собой очень внушительную силу.

Насколько хорошо поставлено было руководство в ней, показывает тот факт, что ливенская уездная (из Орловской г.)

¹⁾ События с демонстрацией подробно описаны в воспоминаниях Аристархова.

²⁾ Аристархов. „Лет. рев. борьбы“, цит. изд., стр. 21. (Подчеркн. мною—И. К.).

³⁾ Там же, стр. 17.

группа курское партруководство предпочла орловскому—и присоединилась к Курску. Социал-демократическая литература распространялась кроме перечисленных уездов еще в Фатежском и Щигровском.

Количественный и качественный рост партийных сил и организационное закрепление влияния парторганизации в рабочих массах дополняется довольно широко развернутой агитацией и пропагандой через печать. Правда, конспиративно заготавливаемые бюллетени, листовки и прокламации Курской организации количественно уступали с.-д. печати некоторых соседних губерний (Воронежской и Орловской, например), но тиражами они превосходили листовки последних и качественно, в смысле четкости и последовательности выражаемых взглядов, были на высоком уровне.

В настоящее время, примерно, половина всей подпольной печати, приходившейся на Курскую губернию, уже опубликована Истпартом ЦЧО¹⁾.

Из этих публикаций и из списка „неразысканных изданий“ видно, что изготовление и распространение подпольной печати было налажено в трех городах: Курске, Путивле и Белгороде. Как количество (15 из 18 опубликованных), так и идейное качество подпольных изданий лучше всего обеспечивала Курская организация, которая одно время имела подпольную типографию. Превосходство последней совершенно понятно, потому что в Курске сосредотачивались все лучшие силы социал-демократов, точно так же, как и техника могла быть организована лучше.

Когда наиболее интенсивно развивалась агитация и пропаганда посредством подпольной печати, лучше всего рисует таблица изданий по годам²⁾. (См. табл. на стр. 16).

Достаточно беглого взгляда на приведенную таблицу, чтобы убедиться, что почти все (33 из 36) подпольные печатные издания Курской организации связаны с революцией 1905-1907 гг., причем если две прокламации носят путанный и экономистский характер (одна из них прямо подписана Курским комитетом „Раб. знамени“), то все остальные, в особенности изданные в Курске и подписанные Курским комитетом РСДРП, имеют определенно выраженный большевистский характер.

Адресованы подпольные издания и к рабочим, и к солдатам, и к крестьянам, и к мелким служащим—приказчикам, булочникам и т. п.

¹⁾ „Подпольная печать групп и комитетов РСДРП ЦЧО (1901—1916)“. Составили Комаров и Крошицкий. Воронеж, 1931 г.

²⁾ На стр. 312 сборн. Комарова и Крошицкого в отношении опубликованных изданий есть таблица по годам, но типографскими опечатками она совершенно испорчена. Приводимая ниже таблица основана на новом пересчете имеющихся в книге Комарова и Крошицкого данных.

Название организации	Годы изданий								
	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908-1916	Итого
Курская (из опубликованных) .	2	—	—	1	6	4	2	—	15
„ по списку неразыск. изд.	—	—	—	—	6	6	1	—	13
Путивльская (из опубликованных)	—	—	—	—	—	2	1	—	3
„ по списку неразыск. изд.	—	—	—	—	1	1	—	—	2
Белгородская (из опубликованных)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ по списку неразыск. изданий .	—	—	—	—	1	—	2	—	3
Итого	2	—	—	1	14	13	6	—	36

По своему содержанию надо отметить три прокламации, приуроченные к 1 мая (1905-6-7 гг.). В них рассказывается не только о смысле пролетарского праздника, но сообщаются основные лозунги борьбы социал-демократии, применительно к конкретному моменту. Так, в прокламации, изданной к 1 мая 1905 г., даются сведения о Гурийском движении с изложением позиции социал-демократов, а в такой же прокламации к 1 мая 1906 г., вскрывая смысл закона о Думе, Курский комитет вновь ярко подчеркивает основные большевистские лозунги момента. В двух „Бюллетенях“ рабочие осведомляются о ходе стачек по городам в январе и феврале 1905 г., связанных с „кровавым воскресеньем“. В „Бюллетенях“, как и в некоторых других листовках, говорится о революционных событиях в самом Курске.

Чтобы наглядно показать качества издаваемых листовок, позволю себе процитировать два образца, взятые из них. 1-й из прокламации общеполитического характера, выпущенной в апреле 1905 г.

„Долго ли мы будем оставаться бесправными, голодными, обманутыми? Долго ли мы будем нести двойной гнет царского самодержавия и капиталистов? (Подчеркн мною. Яркое выражение ленинская мысль о двойном гнете крепостничества и капитализма—И. К.).

Поймите, товарищи, что гнуть спины мы будем до тех пор, пока законы будет издавать царь, а не сам народ, пока чиновников, наблюдающих за исполнением законов, будет назначать царь, а не сам народ; мы будем рабами, пока не будет у нас демократической республики. Итак—долой самодержавие!

Мы будем страдать, пока будет жива частная собственность. Рабочие, Российская с.-д. рабочая партия, организующая борьбу рабочих за лучшую долю, за социализм (подчеркн мною—И. К.), зовет вас в свои ряды“¹⁾.

Совершенно очевидно, что перед нами простая, понятная, вполне политически зрелая и выдержанная прокламация, что для провинциальных организаций встречается далеко не часто. Другая цитата взята из листовки от 1 ноября 1906 г. по поводу разгона Государственной думы и созыва новой—на основе закона от 20/II 1906 г. (Кстати говоря, несколько листовок о думах особенно хороши).

„Мы, социал-демократы,—говорится в этой листовке—не верим в царскую конституцию. Мы убеждены, что не Дума, а лишь Всенародное учредительное собрание сможет выполнить волю народа.

Не исправлять царское самодержавие, а с корнем уничтожать его стремимся мы. Мы пойдем в Гос. думу, чтобы превратить ее в набатный колокол революции; (это, пожалуй, слишком сильно сказано—И. К.), чтобы на каждом шагу выяснять самодержавное нутро нашей конституции; чтобы толкать на борьбу за Всенародное учредительное собрание колеблющихся и неуверенных для того, чтобы осветить светом пролетарского мировоззрения самые темные и отсталые уголки России.

... Не успокаивать и умиротворять идем мы в Думу, а бороться, бороться открыто, бороться беспощадно со всеми народными палачами и угнетателями и со всеми его половинчатыми и лицемерными защитниками“²⁾.

Таким образом, основной ленинский лозунг о борьбе с конституционными иллюзиями прокламируется достаточно четко.

Тиражи некоторых прокламаций доходили до 7000 экз. В 1907 году Курский комитет издает в семитысячном тираже „Избирательную платформу РСДРП“, в которой подробно излагаются позиции революционной социал-демократии. Она написана также простым и ясным языком с перечислением 10 основных требований последней: Учредительного собрания, на основе всеобщего избирательного права, избираемости и смещаемости народом чиновников, выборов в местные органы, равных политических прав, свободы слова, печати, собраний и союзов, всеобщего вооружения народа, самоопределения наций, конфискации земли, бесплатного обязательного всеобщего обучения, государственной помощи безработным и амнистии политзаключенным, а вместе с этими общедемократическими требованиями со-

1) „Подпольная печать ЦЧО“, цитир. изд., стр. 102.

2) Там же, стр. 110.

циал-демократы в своей прокламации заявляли, что они будут добиваться: восьмичасового рабочего дня, полной свободы профсоюзов, 42-часового еженедельного отдыха, государственного страхования рабочих, запрещения сверхурочных работ, выборности фабрично-заводской инспекции и вообще „всех законодательных мер, которые могут улучшить теперь же положение наемных рабочих и облегчить им борьбу против эксплуататоров“¹⁾).

Значительно менее совершенными как в техническом, так и в идеологическом смысле были прокламации Путивльской организации, тем не менее наиболее понятные требования Учредительного собрания и конфискации земли подчеркивались и там довольно четко.

В свете всей проводимой, несомненно, огромной работы влияние Курской парторганизации в городах среди рабочих является совершенно понятным, но в деревне среди крестьянства это влияние было явно недостаточным.

Единственным достижением Курской парторганизации в деревне было то, что в числе выборщиков во 2-ю Государственную думу были и крестьяне, однако этого было слишком мало, тем более, что крестьяне-отходники, бывавшие в рабочих районах и служившие бродилом крестьянского движения, являлись естественным и благодатным объектом социал-демократической работы. В деревне господствовали эсеры.

Что касается меньшевиков, то они до 1916 года включительно неизменно были значительно слабее большевиков. В 1905 году курские меньшевики, судя по всем материалам, не пользовались никаким влиянием. Наиболее влиятельный из них, Богомазов, в 1906 году переехал в уездный город Суджу, где и пытался создать погубернский центр меньшевизма, однако переехавшие туда большевики Афонский и Сидоренко успешно боролись с ним. В результате всей большевистской деятельности на IV съезде партии поехал Аристархов, бывший участником III съезда, а меньшевики при выборах даже не осмелились выставить своего кандидата.

Единственно, когда меньшевики вступили в упорную борьбу с большевиками,—это перед V съездом в 1907 году. Благодаря переезду в Курскую губернию ряда крупных меньшевиков (Павлов В. В. и др.) и переходу на их сторону трех авторитетных в рабочих районах большевиков, последние во время выборов на V съезд начали было одерживать победу, но рабочий Ямской район, 2-й городской район и уезды поддерживали большевиков. В конечном результате, Аристархов 17 голосами против 9, голосовавших за Павлова, при одном воздержавшемся, был все-таки избран. И на Лондонском съезде Курскую организацию РСДРП попрежнему представлял большевик.

¹⁾ „Подпольная печать ЦЧО“, стр. 118.

Реакция, последовавшая за неудачей революции 1905 г., разрушила Курскую парторганизацию до основания. Если до 1908 года в ней не было массовых крупных провалов, то начиная с 1908 года социал-демократы один за другим либо отправлялись в ссылку или тюрьму, либо заблаговременно переезжали в другие города, где пролетариат был наиболее многочисленен. Под ударами реакции процесс распада, начавшись с периферии, дойдя до губернского центра, уничтожил организацию. Свидетель этого разрушения Аристархов в своих воспоминаниях так описывает его:

„Наша организация стала разваливаться. Процесс начался с периферии. Сперва медленно, затем все быстрее организация стала таять с краев, и роковая граница все ближе подходила к самой сердцевине. Все усилия активных работников остановить разложение оставались тщетными. Перестали посещаться массовки, за ними стали рассыпаться кружки. Массовая работа стала невозможной.“ (стр. 29).

„Чтобы использовать политическое затишье для будущего, я организовал зимою 1907-08 года подпольную школу рабочих пропагандистов. В первую группу вошли: Ф. И. Рогов (Аркадий), П. Н. Моржавин (Гед), П. Е. Лотарев (Аскольд), А. В. Руцкой (Чернец), сестры А. Г. и П. Г. Бобовниковы, (Перовская и Лидия). Вторую группу составили М. Т. Бутов, И. И. Чернышев, Арсений, П. С. Козликов и др.“ (стр. 29-30).

„В 1910 г. составила третья группа из С. С. Акинина, А. Ф. Бутова и др., но она вскоре распалась, т. к. члены ее перестали собираться по разным причинам. Четвертую группу мне, несмотря на все усилия, составить уже не удалось, т. к. не находилось желающих учиться.

Это был самый глухой период“ (стр. 30).

Усиленный полицейский режим не давал что-либо сделать. Сначала наиболее слабая часть группы—интеллигенция, а потом и некоторые рабочие начали отходить. Вскоре организационные связи порвались, и Курская парторганизация превратилась в небольшое число социал-демократических одиночек, живущих смутными слухами о своих вождях и, в лучшем случае, в ожидании лучших времен, занимавшихся пока индивидуальной обработкой. Непролетарский характер губернии несомненно сказывался как в быстроте, так и в глубине разрушения организации.

Местные большевики Е. М. Брянцева и Ив. Марута (первая была одним из старейших членов организации) утверждают, что „Разгромленная в годы реакции Курская организация не возродилась ни в 1912 г., во время подъема рабочего движения, ни в годы империалистической войны. Оставшиеся одиночки-большевики потеряли связь с центром и даже не имели возможности следить в легальной печати за партийной жизнью“¹⁾. Материалов, свидетельствующих против этого утверждения, нет, следовательно, почти на десять лет замерла революционно-большевистская деятельность когда-то крупной парторганизации.

Реакция восторжествовала, добившись, казалось бы, исключительно большой победы, но предотвратить непоколебимой поступи истории она все-таки не могла.

¹⁾ „Из истории Курской парторганизации ВКП(б)“ ст. в сборнике „Курск в революции“ Истпарта губкома ВКП(б). Курск, 1927 г., стр. 42.

3. Предпосылки и развитие Февральской революции.

Государственный переворот 3 июня 1907 года, сводившийся к резкому сокращению избирательных прав трудящихся и значительному увеличению удельного веса крупной буржуазии, открыл полосу сращивания промышленной буржуазии с дворянским самодержавием. Социальная структура самодержавия несколько изменилась, однако классовая природа царизма в основном оставалась помещичьей.

Столыпинская аграрная реформа приоткрыла клапан более интенсивного проникновения капиталистических отношений в деревню, позволила зажиточному крестьянству несколько увеличить свои земельные наделы, внесла с хуторами и отрубями больший темп дифференциации деревни, но земельного голода крестьян она не утолила, американского пути развития капитализма, за который боролся крестьянин, не внесла.

Самодержавие дало пресловутые „думы“, тем не менее никакого намека на развитие демократических порядков в России не было, ликвидации политического бесправия рабочего класса и крестьянства не произошло.

Словом, не было решено ни одной коренной задачи даже буржуазной революции. Вот почему объективно историческая основа буржуазно-демократической революции в России вплоть до 1917 года оставалась прежней. Именно поэтому революционное преобразование России не могло быть снято с повестки дня, а могучему рабочему и крестьянскому движению, несмотря на временный спад революционной волны, предстояло развернуться с еще большей силой.

Переживши полосу спада революции 1905-1907 гг., когда перед ленинской частью социал-демократии стояла в качестве основной—задача борьбы с конституционными иллюзиями, сохранив в период реакции нелегальный партийный аппарат в ожесточенной борьбе с ликвидаторами, большевистская партия не растеряла массы. Использование всех легальных возможностей, вопреки ликвидаторам слева (отзовистам, бойкотистам и ультиматистам), давало партии возможность тысячами нитей связываться с рабочим классом, а сохранение нелегального партийного аппарата сравнительно немногочисленную когорту большевиков, держало все время в боевой готовности вплоть до нового подъема рабочего движения, когда Ленин вновь призвал партию к выходу в широкое массовое рабочее движение для того, чтобы возглавить его на новом этапе.

Главными лозунгами, рассчитанными на руководство единым рабоче-крестьянским фронтом в борьбе против царизма и срастающейся с ним буржуазии, были: демократическая республика, 8-часовой рабочий день и конфискация земли („три кита“). Они означали прежнюю линию большевизма на то, чтобы завершить буржуазно-демократический переворот ради социалистической

революции, они являлись самыми действенными лозунгами по объединению революционных сил рабочего класса против самодержавия и капитализма. И революционное движение, начиная со 2-й половины 1910 года, к 1914 году поднялось настолько, что в Питере перед самым началом империалистической войны дело дошло, как известно, до баррикад.

Партия Ленина оказалась единственной партией, которая подготовилась к новому подъему рабочего движения и дала ему соответствующие периоду лозунги борьбы („три кита“). Напротив, в противовес Пражской большевистской конференции, принявшей эти лозунги, Троцкий вместе с бундовцами и грузинскими меньшевиками пытался сколотить антибольшевистский ликвидаторский блок. Герои августа 1912 года ничего не могли придумать, кроме повторения ликвидаторских либеральных задов. Полновластная Государственная дума („хлев“—по Ленину), свобода коалиций (типичный либеральный лозунг), пересмотр аграрного законодательства (под каким углом зрения—неизвестно) и улучшение положения солдат (благочестивое пожелание)—вот и все, что высидела в качестве лозунгов августовская конференция ликвидаторов, кроме обычных потоков клеветы по поводу, якобы, „разложения“ большевизма, „фальсификаторства“ Ленина и т. п. лжи. Мудрено ли после этого, что массы не пошли за троцкистами-ликвидаторами, и августовский блок развалился.

Империалистическая война поставила перед большевиками новые задачи. Крах II Интернационала воочию подчеркнул международную значимость большевизма. Разоблачая социал-шовинизм героев 4 августа, Ленин показывал исторические корни их предательства и боролся против всяких разновидностей оппортунизма, от правого центризма Каутского до левых радикалов-люксембургянцев. Русские ликвидаторы превратились в оборонцев, призывавших к защите отечества помещиков и буржуазии. Подавляющее большинство меньшевиков-партийцев, вплоть до Плеханова, оказалось в лагере открытого оборончества, а другие прикрывали оборонцев мнимым интернационализмом (Мартов).

Ленин в самом начале войны дал единственно правильные и последовательно революционные лозунги: превращение империалистической войны в гражданскую, как генерализующий лозунг эпохи, поражение своему отечеству—как наименьшее зло, самоопределение наций, разоблачение полного предательства и краха II Интернационала и построение Интернационала подлинно революционного, лозунг братания и др., которые в сочетании с лозунгами периода нового подъема рабочего движения (демократическая республика, 8-часовой рабочий день и конфискация земли), в сочетании с учением о неравномерном развитии капитализма и возможности прорыва империалистического фронта в его наиболее слабом звене в своей совокупности являлись идейной основой большевистской политической борьбы.

Внутри большевизма Ленин боролся с каменевским ограничением предстоящей революции в России только буржуазно-демократическими задачами—с одной стороны, а с другой—вскрывал социал-демократическую суть возражения Бухарина, Пятакова и др. против лозунга самоопределения наций, боролся против бухаринского отрицания лозунга поражения, против центристского лозунга—демократического мира, а также против стремления Бухарина и его единомышленников к объединению с троцкистской группой „Наше слово“.

Мобилизация масс рабочего класса под большевистскими лозунгами, наряду с борьбой против всяческих разновидностей оппортунизма как вне большевистской партии, так и внутри ее, была лучшей формой подготовки Февральской революции, которая являлась, по выражению Владимира Ильича, первым днем превращения империалистической войны в гражданскую. Уже только по одному этому ясно, что шляпниковское утверждение о неподготовленности большевиков к Февралю и о стихийности Февральской революции не имеет ничего общего с исторической истиной.

Выше уже говорилось, что перед Февралем стояли в первую очередь буржуазно-демократические задачи, т. к. ни уничтожения крепостнических пережитков в стране, ни самых элементарных демократических свобод, ни ликвидации тяжелого материального положения трудящихся, ни свержения абсолютизма еще не было достигнуто. Возвращаясь к изучаемой губернии, необходимо хоть в самой сжатой форме изложить предпосылки Февральской революции на конкретном материале этой территории.

Беря вопрос о крепостнических пережитках в общей форме, нетрудно сделать вывод, что они чувствовались особенно остро в б. Курской губернии, т. к. последняя является типично крестьянской. Из всего населения губернии на города приходилось в дореволюционное время только 13,6% жителей, но и в самих городах 30% населения занимались сельским хозяйством. Если сопоставить эти соотношения со средними по СССР (городское население составляет 20,1% всего населения, а процент городских жителей, занимающихся земледелием, равен 10), то крестьянский характер губернии становится очевидным¹⁾.

Пролетариат составлял к массе населения всего лишь 2-3%, как и накануне 1905 г. Правда, за время между двумя революциями в Курске, например, „прибавились две табачные фабрики, несколько небольших гильзовых и конфетная, а еще позже фабрика готовой обуви“²⁾; а общий подъем промышленности в

¹⁾ Цифры взяты из книжки И. Д. Балашова „Аграрн. движ. в ЦЧО в 1917 г.“. Воронеж, 1930 г., стр. 13, 14.

²⁾ Аристархов. „Летопись рев. борьбы в Курск. г.“, цит. изд., стр. 12.

1911 году отразился и на б. Курской губернии, но значительного изменения в составе пролетариата все-таки не произошло. Рабочих попрежнему было мало и разбросаны они были по мелким фабрикам.

Для наглядности из цифр, приводимых Пальгуновым в „Экономическом обзоре Курской г.“¹⁾, можно составить следующую табличку о составе и движении рабочего класса по годам:

Годы	Число пром заведений	Число занят. рабоч.	В среднем на 1 предпр.
1912	6071	24760	4,1 чел.
1915	6846	31200	4,6 „

Цифры наглядно рисуют, что предприятия в изучаемой губернии карликовые, в среднем по 4-5 рабочих на каждое. Это преимущественно: 46 винокуренных заводов, где были сосредоточены 949 рабочих, 468 круподраночных предприятий с 949 рабочими, 5 крупчатых мельниц с 99 рабочими, 53 паровых маслобойных завода с 573 рабочими, 1 суконная фабрика с 302 рабочими, 589 конных маслобойных заводов с 1135 рабочими, 23 сахарных завода с 14416 рабочими (наиболее крупные предприятия, по 627 чел. в среднем на завод), 764 кирпичных заводов с 2288 рабочими. Дальше пойдут такие же и еще меньшие заводы и мастерские, шерстомойки, мельницы и т. п.²⁾

Если взять даже такой передовой отряд пролетариата, как металлисты, то по концентрированности и у них была такая же картина³⁾, как показывает ниже приводимая таблица.

Годы	Заводы чугунолитейные		Заводы слесарно-механические		Заводы землед. машин и орудий	
	Число заводов	Число рабочих	Число заводов	Число рабочих	Число заводов	Число рабочих
1912	8	135	32	64	3	28
1915	8	143	34	71	2	20

¹⁾ „Курск в революции“, сбор. Истпарта Курс. губкома ВКП(б) 1927 г. стр. 22.

²⁾ Там же, стр. 23.

³⁾ Брянцева и Марута—ст. „Из истории Курской организации ВКП(б)“ в сборн. „Курск в революции“, стр. 41.

По всем чугунно-литейным и слесарно-механическим заводам самое большое среднее число рабочих, приходившихся на одно предприятие, равно 18. Удельный вес металлистов среди всех других рабочих также ничтожен.

Совершенно очевидно, что разбросанные по таким карликовым предприятиям рабочие не могли так быстро организоваться и так успешно вести борьбу за свои интересы, как в районах с высокой концентрацией пролетариата.

В непосредственной связи с этим стоят и вопросы заработной платы, которая была крайне низкой. Средняя годовая зарплата рабочих по б. Курской губернии колебалась так: в 1913 г.—114 р. 40 к., в 1914 г.—100 р., в 1915 г.—160 р. 25 к.¹⁾ т. е. от 9 рублей до 13 р. 50 к. в месяц.

Совершенно очевидно также и то, что огромное количество рабочих на сахарных, кирпичных заводах, мельницах и т. д. были сезонными.

Несколько особо стоит железнодорожный пролетариат. Через территорию б. Курской губернии проходят пять ж.-д. линий общей протяженностью в 1363 километра. Общее количество рабочих на них не удалось установить, но на одной Московско-Киево-Воронежской ж. д. (самой большой из всех пяти), по данным Брянцевой и Маруты, в 1917 году было 6472 служащих и 1862 рабочих. Следовательно, всего ж.-д. рабочих в губернии было, повидимому, тысяч 5-7. Они составляли значительную базу для социал-демократического движения как в первой русской революции, так и в 1917 г., хотя концентрацией, за исключением депокских рабочих, железнодорожники тоже не выделяются и кроме того последние в большой степени связаны с сельским хозяйством.

Во всяком случае, к общему количеству пролетариата б. Курской г. железнодорожники составляли солидную прибавку.

Зарплата последних не отличалась высотой. В 1906 г. барьерные сторожа зарабатывали от 3 р. 25 к. до 3 р. 75 к. в месяц, путевые—около 12 рублей, старшие рабочие пути—от 22 р. до 22 р. 50 к., стрелочники около 12-13 р. и лишь машинисты получали, примерно, 40-45 р. в месяц²⁾.

Таким образом, зарплата промышленных и ж.-д. рабочих средней квалификации в предфевральский период колебалась от 10 до 25 рублей в месяц. Сельскохозяйственные рабочие находились, примерно, в таком же положении. Размер поденной платы в период весенних работ пешему рабочему на своих харчах колебался от 50 к. (1905 г.) до 1 р. 08 к. (1914 г.)³⁾.

¹⁾ Пальгунов—ст. „Экономич. обзор Курск. г.“ в сб. „Курск в революции“, стр. 24.

²⁾ Ив. Марута. „Очерки по ист. рев. и проф. движ. на М.-К.-В. ж. д.“ изд. Дорпрофсожа М.-К.-В. ж. д. Курск, 1925 г., стр. 13.

³⁾ Пальгунов. „Экономич. обзор Курск. губ.“ в сб. „Курск в революции“, стр. 25.

Зимой, разумеется, у них положение значительно ухудшалось, за неимением работ. Подросток же в помещичьих и кулацких хозяйствах зарабатывал всего лишь около 3 р. в месяц в период весенних полевых работ¹⁾.

Вывод из всего материала о положении рабочего класса один: политическое бесправие и крайне тяжелое материальное положение рабочих толкало их на решительную борьбу против существующего экономического и политического строя, но общая малочисленность, распыленность по отдельным мелким предприятиям, широко распространенная сезонность производства, прочная связь с деревней не могли не отразиться на политической организации пролетариата. Описанное положение облегчало влияние на рабочих со стороны различных мелкобуржуазных демократов, эсеров и т. п., а также затрудняло их борьбу за свои интересы. Это положение, несомненно, сказалось, в частности, в факте очень позднего выделения в 1917 г. из объединенной социал-демократической организации большевиков в самостоятельную организацию и в относительной слабости последней на протяжении всего 1917 года и первой половины 1918.

Что касается сельского хозяйства, то здесь прежде всего бросается в глаза крестьянское малоземелье—первый признак крепостнических пережитков при наличии крупного помещичьего землевладения, причем малоземелье с течением времени все увеличивалось. Если в 1860 г. на ревизскую душу мужского пола приходилось 3,4 га, то в 1917 г. осталось только 1,9 га²⁾. Соотношение между мелким и крупным землевладением в б. Курской г. рисуется следующей таблицей³⁾:

Группы владений	Владений	У них земли
До 10 десятин	74,8%	39,9%
10-20 „	23,1%	28,4%
20-500 „	2,0%	15,7%
Свыше 500 „	0,1%	16,0%
Всего	100%	100%

Тот факт, что 75% домохозяев имели лишь 40% наделной и собственной земли, в то время, как 2% землевладельцев владели 32 % земельной площади, достаточно отчетливо показывает, насколько был велик удельный вес крупного помещичьего землевладения. Правда, дифференциация по земле-

¹⁾ Днучин. „Комсомол ЦЧО в боях за Октябрь“, цитир. изд., стр. 21.

²⁾ Балашов. „Аграрное движ. в ЦЧО в 1917 г.“, указ. изд., стр. 23.

³⁾ Там же, стр. 58.

владению, имевшая место в 1905 году, в Курской губернии, уступает дифференциации Тамбовской, например, губернии, но все же она достаточно велика, чтобы сделать аграрный вопрос для курского крестьянина и ненависть его к помещикам чрезвычайными острыми, тем более, что из 369 267 крестьянских дворов (в 1907 г.) 14 758 дворов были совсем безземельными, а 90 386 дворов имели всего лишь до одной десятины на мужскую душу¹⁾.

Земельная теснота, естественно, вела к росту арендных цен на землю, вследствие чего землевладельцы избегали долгосрочной аренды. Та же самая земельная теснота гнала вверх и цены на землю. Если в 1908 году продавали одну десятину, по оценке Крестьянского поземельного банка, за 181 руб., то в 1915 г. десятина стоила уже 340 руб., т. е. цена земли выросла почти в 2 раза. В свете такого бешеного роста цен неудивительно, что после столыпинской реформы сколько-нибудь заметного увеличения крестьянских земель не произошло. Через Крестьянский банк перешло из рук в руки в порядке покупки за 1908-1915 годы всего лишь около 100 тыс. десятин, которые к общему губернскому земельному фонду без малого в 4 миллиона десятин составляли ничтожный процент. Единственно, что получила деревня от реформы Столыпина, это некоторое увеличение кулацкого сектора и повышение темпа дифференциации крестьянства, т. к. малоземельный по столь высоким ценам не мог купить себе земли.

Хотя революция 1905 года заставила царское правительство отказаться от выкупных платежей, но это совсем не означает, что налоговой гнет по отношению к крестьянству ослаб, т. к. общие налоги увеличились почти вдвое. Так, если в 1906 году оклада на курское крестьянство было исчислено в сумме 4 759 932,47 руб., то в 1915 году эта сумма возросла до 7 274 657,39 руб., а недоимки с 945 616 руб. на 1 января 1906 года увеличились до 1 022 770 руб. на 1 января 1915 г. Ко всем этим цифрам надо еще прибавить взносы по обязательному страхованию, продовольственным ссудам и т. д., тогда налоговый гнет представится в еще более кошмарном свете.

Задавленному малоземельем и тяжестью налогов, курскому крестьянству оставался один выход — идти в отхожие промыслы, что он и практиковал, сравнительно с другими губерниями, в большом размере. Наличие в губернии большого количества сахарных заводов и близко расположенного Донбасса облегчало отхожие промыслы.

Насколько бедны были курские крестьяне и насколько глубоко простирался упадок сельского хозяйства, показывает и состоя-

¹⁾ Цифры о количестве безземельных и малоземельных дворов, как и все последующие (до новой ссылки) взяты у Пальгунова из указывавшегося „Экономического обзора“.

ние скотоводства. Третья часть крестьянских дворов (31 %) не имела лошадей, бескормица являлась хроническим явлением на протяжении всех межреволюционных 10 лет. Общий культурный уровень сельского хозяйства был крайне низкий, господствовало трехполье и плодородные поля черноземья на крестьянских наделах не давали более 65 пудов с десятины ржи и 80 пудов пшеницы, тогда как даже отдельные помещичьи хозяйства собирали с десятины 80-90 пудов ржи и около 100 пудов пшеницы. Машины применялись чрезвычайно мало, так как их не на что было купить. Даже на имевшихся 76 зерноочистительных пунктах загрузка была „далеко не полной“ (Пальгунов).

„Отрезки“, являвшиеся одним из обстоятельств, обуславливающих крепостническую отработочную систему, в б. Курской г. имели большое распространение. Проф. Першин по 8 уездам губернии насчитывает до 60 общин, которые были „буквально отрезаны от своей земли“, в то же время по 11 уездам из 262 общин не было совсем прогона в 96 случаях¹⁾. Вкрапывание помещичьей земли в крестьянскую по ряду уездов являлось чрезвычайно распространенным. Все это были самые настоящие показатели еще гнездившихся в порах сельского хозяйства пережитков крепостничества.

Что же касается самих помещичьих хозяйств, то они, как правило, велись экстенсивно и в этом отношении служили ярким образцом уходящего в прошлое способа производства. Правда, встречались и передовые хозяйства с исключительно наемными рабочими, с высокой с.-х. техникой и культурой, как было, например, в пяти экономиях Терещенко, расположенных в Путивльском уезде, но таких было мало.

Приведенные показатели в отношении крестьянского малоземелья, нищеты, соотношения между крестьянским и крупным помещичьим землевладением, отрезков и помещичьих экономий достаточно ярко свидетельствует о том, что все задачи, стоявшие перед революцией 1905 года, оставались неразрешенными. Их предстояло разрешить новой революцией. Крестьянская борьба за землю и разрушение до конца остатков феодальных отношений в Курской губернии имело более чем солидную экономическую основу, вплоть до Октябрьской революции. Только война 1914-1917 гг., снявшая с крестьянских полей на поля фронтовые наиболее активную часть мужского населения, вместе со всем полицейским гнетом военного времени, не давала развернуться массовому крестьянскому движению. Оно трансформировалось, если можно так выразиться, в армию, где под руководством пролетариата приняло специфические антивоенные формы. Война, в свою очередь, создала дополнитель-

¹⁾ Першин.—„Земельное устройство дореволюционной деревни“ стр. 184.

ные тяготы и разорение крестьянству, за исключением его кулацкого сектора, который наживался на повышенных ценах на с.-х. товары.

В полном соответствии с малочисленностью и культурной слабостью пролетариата, всяческими пережитками крепостнических отношений в экономике края, а также на основе бескультурья в крестьянстве под эгидой самодержавия распространялось по губернии всякого рода мракобесие. То „чудотворная“ икона в Курске, то „мощи“ Иосафа, то изъятие из библиотек таких книг, как „Овод“ Войнича, то запрещение учительству читать даже „Русское слово“ (Щигровский у.), — все это пускалось в ход губернской администрацией Маркова 2-го для того чтобы укрепить твердость престола, незыблемость самодержавия и возможность беспредельной эксплуатации трудящихся. Однако, усиленный полицейский режим, религиозное мракобесие и даже специальная организация черносотенных кадров, вроде союза „Михаила Архангела“, не могли остановить роста народного возмущения.

Приближение Февральской революции чувствуется определенно уже в 1916-1917 году. Недаром курский губернатор Багговут — „озабочиваясь предотвращением беспорядков на почве дороговизны и по другим побуждениям“ еще 9 августа 1916 г. писал курскому полицмейстеру и исправникам: „предписываю начальникам полиции возможно чаще доносить мне о настроении населения и о возможности возникновения беспорядков, незамедлительно принимая меры к энергичному отпору таких беспорядков“¹⁾.

Губернатор имел основание беспокоиться, т. к. уже в 1916 году с мест поступали тревожные сигналы. Так, например, 3 декабря 1916 г. новооскольский уездный исправник рапортовал о недовольстве крестьян, особенно, кустарей, на недостаток керосина и сахара (стр. 34), а старооскольский исправник, хотя и доносил, что настроение вверенного ему уезда „мирное“, тем не менее в этом же донесении говорил о недовольстве крестьян реквизицией скота для нужд армии.

Недовольство простиралось до того, что в приемные комиссии скот был „доставлен принудительно“ (стр. 34). 19 февраля 1917 г. вице-губернатор писал в департамент полиции, что когда уполномоченный по заготовке хлеба в Грайворонском уезде Клевенский в с. Новостроеве (17 февраля 1917 г.) прибегнул к помощи исправника, явившегося с небольшим отрядом стражи, то „толпа, состоящая преимущественно из баб и стариков, вооруженных кольями, повела себя настолько угрожающе, что отобрание хлеба пришлось по необходимости отложить до водворения порядка“ (стр. 34).

¹⁾ Цитирую по документу, опубликованному А. А. Комаровым в № 3 „Известий курского об-ва краеведения“ за 1927 г., стр. 31. Нижеизложенные факты взяты из той же публикации документов. В тексте в скобках указаны страницы „Известий“ № 3.

Недовольство крестьян отсутствием предметов первой необходимости, сопротивление изъятию скота и хлеба на нужды армии, а также отказы проливать на войне свою кровь за благополучие карманов помещиков и буржуазии свидетельствовали о приближении конца ненавистного самодержавия. Стало быть, не зря Багговут предлагал расследовать дела „сего рода без всякого промедления“. Почва под ногами самодержавия заколебалась.

Чтобы задуть нарастающее революционное движение, самодержавие увеличивало штаты полиции: учреждало должности приставов там, где их раньше не было, приставам давало помощников и письмоводителей, увеличивало количество надзирателей и повышало их жалование. Однако все это не позволяло властям успокоиться. Накануне революции, 3 февраля 1917 года, курский губернатор, в целях поощрения бдительности полиции, обращается с длиннейшим письмом к полицмейстеру и исправникам, в котором сильное беспокойство губернского начальства сквозит в каждой строчке.

„Ввиду всего изложенного, — писал губернатор, — напоминая об увеличении штатов и повышении жалования полиции, — считаю необходимым поставить в известность гг. уездных исправников, курского полицмейстера, всех станowych и городских приставов и их помощников, а равно и полицейских надзирателей, что служебные требования будут отныне повышены на 100%: 1) все прежние отговорки о крайне скудном содержании и невозможности существовать при необходимости оплачивать письмоводителей, ныне отпадают, 2) точно также отпадают отговорки о значительном пространстве станов и трудности частого их посещения, в настоящее время весьма многие станы заключают в себе не более 2 волостей, т. е. такую территорию, которую можно обехать в двое суток, если не меньше, 3) значительное увеличение жалованья господ приставов устранило ныне в значительной степени прежнее сетование на неимение средств держать и содержать или же нанимать лошадей. А посему я предупреждаю гг. исправников и гг. приставов, что если они будут продолжать отсиживаться в местах своего жительства и редко ездить в пределах своих уездов и станов, то я им буду без всяких предупреждений предлагать оставить службу“. (Стр. 32).

Приведенная выдержка лучшим образом свидетельствует не только о подготовлении аппарата самодержавия к отпору революционного движения, но и о самом нарастании последнего, ибо в противном случае были бы бессмысленны: увеличение служебных требований на 100 %, суровый угрожающий тон губернатора, повышение жалования, увеличение штатов полиции и требование непременно раз'езжать по вверенным, уменьшенным по своей территории, участкам. Кстати, последнее настойчиво повторяется в письме несколько раз. Такие раз'езды в обстановке накаливающейся атмосферы классовой ненависти были, повидимому, небезопасны. Во всяком случае факт столкновения солдаток с уполномоченным центра по продовольствию, Раппом, показывал, что страх у народа перед властью уже проходил.

Семовских в своей статье „Февральские дни“ так рассказывает об этом столкновении:

„Солдатки не во-время получали пайки и, указывая, что их дети чахнут, просили Раппа о выдаче пайков. Рапп ответил: „Ну и пусть подымают ваши дети“. Возмущение солдаток было столь велико, что они дождались выезда Раппа и забросали его карету камнями“¹⁾.

Описанное столкновение, ставши хорошо известным в рабочих кругах, разумеется, вызвало большое возмущение, которое в свою очередь не могли не использовать сознательные элементы рабочего класса. К сожалению, не было революционной партийной организации, которая могла бы оформить это возмущение в определенное политическое выступление.

Близились дни Февраля. Понемногу начала восстанавливаться социал-демократическая работа, но до такой мощной парторганизации в Курске, какая была накануне даже 1905 года, было еще далеко. От индивидуальной обработки и групповой агитации и пропаганды, возможной в условиях предвоенного периода, только с 1915 года и в особенности с 1916 года, одиночки социал-демократы начинают переходить к возобновлению порванных эпохой реакции связей. Хотя социал-демократическая работа началась еще до 1917 года, однако оформления большевистской организации не произошло.

В Февральскую революцию Курская губерния вступила без самостоятельной большевистской организации. Последнее обстоятельство наложило весьма своеобразный отпечаток на весь ход революции 1917 года на изучаемой территории. Свержение самодержавия, произведенное в столице объединенными усилиями фабрично-заводских рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, по Курской губернии, как и по всей России, сопровождалось переходом власти к всевозможным буржуазным комитетам, причем самый аппарат самодержавия разрушен не был. Буржуазная революция, в отличие от социалистического переворота, ограничивается лишь переходом власти из рук одного класса — помещиков — в руки другого класса — буржуазии.

Курская городская дума, следуя примеру столиц, выделила Временный исполнительный комитет во главе с кадетом Лоскутовым. Последний Временным правительством был утвержден губернским комиссаром. „В уездах также были созданы Врем. исп. комитеты, состав которых всюду был буржуазно-помещичьим“²⁾. Процесс формирования новой власти проходил, как правило, тихо, вплоть до того, что в некоторых уездах избегалось, в расчете на скорый контрреволюционный переворот, ставить в известность о случившемся широкие массы населения.

„Про революцию 1917 г. у нас,—говорится в корреспонденции крестьянина Грайворонского у., П. С. Бабичева—узнали месяца через полтора, потому что это скрывалось нашими вла-

1). „Курск в революции“, стр. 28.

2) Там же, из ст. Семовских „Февральские дни“, стр. 33.

стями" ¹⁾. Так сильно боялась революции пришедшая к власти крепко связанная с помещиками русская буржуазия.

Само собой разумеется, что попытка скрыть революцию от народных масс со стороны старого черносотенного губернского аппарата власти, состоявшего из ставленников Маркова 2-го, как и со стороны пришедших к власти представителей промышленной буржуазии, не могла увенчаться успехом, ибо достаточно крепкими были классовые связи пролетариата, достаточно острой была ненависть к помещикам со стороны крестьянства и сохранились еще в губернии социал-демократические одиночки, в том числе из большевиков. Провинциальные отряды пролетариата, служившего гегемоном Февральской революции, откликнулись первыми на события в столице, а большевики помогли рабочим организовано показать свое отношение к революции.

В Курске „первый митинг железнодорожников был созван по инициативе большевиков, в Северной вагонной мастерской“ ¹⁾. На этом митинге выносится постановление о разоружении железнодорожной жандармерии. Через два-три дня, по свидетельству Брянцевой и Маруты, из Ямской слободы по направлению к Курску устраивается манифестация тех же железнодорожных рабочих. Во Льгове вестниками революции явились также ж.-д. рабочие, собравшиеся 1 марта (ст. ст.) на городской площади и созвавшие набатным звоном городское трудящееся население. Составивши ядро демонстрации, железнодорожники вместе с собравшимися двинулись к винзаводу, где и устроен был многолюдный митинг. На другой день митинг происходил уже с участием съехавшихся из деревень крестьян ²⁾.

Железнодорожные рабочие манифестировали в Ст. Осколе. Вести о революции быстро проникали всюду через газеты, письма, живых людей и т. д. Тот факт, что пролетарский слой в изучаемой губернии являлся крайне тонким, определил обызательское отношение к революции в ряде бывших уездных городов, где спорили о преимуществах царя или президента, республики или монархии, но еще далеко не понимали того, что Февральская революция была, по выражению Ленина, первым днем превращения империалистической войны в гражданскую и послужила, применительно к 1917 году, исходным моментом к борьбе пролетариата и беднейшего крестьянства за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Типичную для большинства уездных городов картину Февральского переворота рисует В. М. Рождественская, описывая в своих воспоминаниях события в Ст. Осколе:

„Телеграммы Петроградского телефонного агентства от 4 марта 1917 года. „Манифест об отречении государя от престола.“

¹⁾ „1917 г. в деревне“ под ред. Яковлева, Гиз, М.-Л. 1929 г., стр. 36.

²⁾ Сб. „Курск в революции“, цит. изд., стр. 43.

³⁾ Рукопись В. Федорова „Льгов в революции“, стр. 6.

Общий энтузиазм. Слезы. Привычно творит рука обывателя крестьянское знамя. Группа железнодорожников, прихватив по дороге горожан, манифестировала тогда же вечером. (Красное знамя еще не парадное, а из чего-то старого). У дома священника Тихонова (либерал 1905 г.) и гражданина Шепилова (депутат Курского губ. со в 1906-11 гг.) митинги. В интеллигентских кругах агитация, споры, предложения: „республика с президентом или без него?“ Если президент кто?? Милюков??? С президентом прочнее“. В ближайшие после переворота дни выборы во Временный исполнительный комитет¹⁾.

Если немногочисленные рабочие и беднейшее население мелкобуржуазных социальных слоев Курской губернии реагировали на происшедший переворот митингами, демонстрациями, разоружением жандармерии и полиции, то либеральная буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция в бесконечных речах восторгалась перспективами общедемократических свобод. В то же самое время формирующаяся новая власть принимала все меры к тому, чтобы представителям самодержавного государственного аппарата не было причинено никаких неприятностей. В документах, опубликованных и комментированных т. Комаровым, превосходно рисуются заботы нового губернского комиссара Лоскутова о том, чтобы бывший губернатор Багговут, получивший предусмотрительно посланное ему Лоскутовым жалование, не заезжал в Курск и проследовал во избежание неприятностей дальше. Через коменданта станции Багговут, ехавший на юг, был предупрежден о событиях в губернском городе и приехал прямо в Петроград, а в столице министр-председатель Лавров вежливо освободил его от службы, „согласно прошению“. В то же самое время вице-губернатор Штюмер по документу, выданному губкомиссаром, под предлогом необходимости увидеться с больным отцом, спокойно выезжает в Питер. Так заботились друг о друге близкие люди по классу.

В итоге Февральского переворота установилась следующая структура власти. Во главе губернии стал губернский комиссар Н. Лоскутов, кадет по партийности, крупный торговец по социальной принадлежности, и. д. Курского городского головы по занятиям. (С июня губкомиссаром был энес А. Марков-Донской, а с половины октября Н. Рождественский, бывший при Маркове помощником губкомиссара.)

Во главе уездов стали уездные комиссары, которые по своим политическим взглядам и классовой принадлежности напоминали губернских комиссаров. Помимо правительственных комиссаров существовали буржуазно-помещичьи Временные исполнительные комитеты, выделенные Городскими думами. Наконец, губернский и уездные продовольственные комитеты, губернский и уездные земельные комитеты и ряд других организаций, представлявших собою прямо или косвенно правительственный периферийный аппарат.

¹⁾ „Известия Курск. губ. об-ва краеведения“ № 5 за 1927 г., стр. 48.

В соответствии с установившимся двоевластием в центре, параллельно правительственному аппарату в Курской губернии возникли советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Правда, процесс создания советов затянулся, но в августе 1917 года советы по уездным городам уже существовали. По инициативе социал-демократов 18 апреля возник Курский совет р. и с. д., летом оформился Старооскольский, 5 августа создан Рыльский. Примерно, в эти же месяцы возникали советы и в других городах. Кстати, самыми первыми в губернии, появившимися ранее Курского совета, были Льговский ¹⁾ и Белгородский советы. Сеть советов крестьянских депутатов по уездным городам и некоторым волостям раскинулась, по данным Семовских, в мае месяце. До их возникновения в некоторых местах были уже созданы крестьянские союзы, но „все они были реорганизованы в советы“ ²⁾.

К 15 августа 1917 г. оформился Совет крестьянских депутатов в губернском городе Курске ³⁾. Таким образом, организация всей системы советских органов, обычных для всей провинциальной России, завершилась. Однако в изучаемой губернии мы встречаемся еще и с необычной для других мест формой власти. Этой специфической формой был так называемый Губернский народный совет и его исполком.

Губнарсовет сформировался из всего состава временного исполнительного комитета городской думы, дополненного представителями всех общественных организаций города Курска, в апреле (н. ст.) 1917 г. Вскоре, 20 (7) мая состоялась 1-я сессия губнарсовета, которая избрала исполнительный комитет и утвердила „конституцию“, определявшую задачи и систему выборов народного совета. Последний во главе со своим исполкомом просуществовал вплоть до 14 (1) декабря 1917 г., когда им было принято решение о самоликвидации. За время существования губнарсовета собиралась, кроме упомянутой первой сессии, еще одна (10 июля) сессия. Вторая сессия не внесла никаких изменений в политическую линию народного совета и руководство оставила прежнее, лишь несколько расширив исполком.

Что собой представлял этот специфический „советский“ орган, видно из его состава, системы выборов, положения между другими учреждениями власти и, наконец, из политической линии.

¹⁾ Т. Семовских не прав, относя возникновение Льговского совета к 17 мая. („Курск в революции“). Федоров в своей рукописи о революции в Льгове указывает, что совет был организован вскоре после переворота, а пишущий эти строки установил, что уже 15 марта в адрес Льговского совета р. д. поступило отношение от исп. к-та при Льговском сахзаводе (Парт-архив, д. № 5 Льговского сов. р. д. за 1917 г.). Следовательно, совет возник действительно в первой половине марта 17 г., иначе он не мог бы принимать деловые бумаги уже 15 марта.

²⁾ „Курск в революцию“, стр. 37.

³⁾ „Известия Курск. губ. об-ва краевед.“ № 5 за 1927 г.

По своему составу губнарсовет концентрировал представителей городского и сельского населения через советы, кооперативы, фабрично-заводские комитеты, продовольственный и земельные комитеты и военные организации. Система выборов была двух, трех и четырехстепенная ¹⁾. Следовательно, в состав народного совета могли пройти только те представители, которые работали в перечисленных выборных организациях и только того социального направления, какое было свойственно руководству их.

По своему положению губнарсовет стоял между представителем Временного правительства—губернским комиссаром и советами р. с. и кр. д. Он избирал комиссара, но его решения не были обязательны для последнего. Он являлся высшим органом губернии и тем самым смазывал роль советов с одной стороны, а с другой—сглаживал противоречия между рабоче-крестьянскими советами и буржуазными городскими думами или продовольственными комитетами.

Таким образом, губнарсовет объективно играл роль буфера спасающего государственный аппарат Временного правительства от крушения под ударами левеющих рабоче-крестьянских масс. Он играл роль цепкого тормоза перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую на изучаемом территориальном участке. Надо прямо сказать, что это изобретение соглашательского разума послужило далеко не последней причиной того, что вплоть до самого конца 1917 года говорить об „Октябре“ на территории Курской губернии было нельзя.

Возникши по инициативе резко поправевшего, ставшего меньшевиком активного участника создания Курской большевистской организации, Аристархова, ставшего в 1917 г. лидером объединенной социал-демократической группы, Курский губнарсовет за все время своего существования проводил явно соглашательскую политику. Недаром руководился он правым эсером Пьяных (председатель), с.-д. объединенцем Аристарховым (зампред), либеральным попом Ломакиным, энесом подполковником Фирсовым и другими энесами, эсерами и меньшевиками.

Руководство во всех советах принадлежало эсеровско-меньшевистскому блоку. Из 20 членов первого исполкома Курского совета р. д., партийность которых установлена, 8 ч. принадлежало к меньшевикам, 8—к эсерам и лишь 4—к большевикам. Президиум (Афонский, Григорьев, Ахун) состоял целиком из представителей двух первых партий и возглавлялся объединенцем Аристарховым. Среди 70 членов совета с. д. значительное число приходилось на офицерство, а руководили исполкомом энесы: подполковник Фирсов (пред.), полковник Баранов, поручик Да-

¹⁾ Положение о губнарсовете опубликовано полностью Комаровым в „Извест. Курск. губ. об-ва краевед.“ № 5. 1927 г.

нилов и доктор Медведев. Советом кр. д. безраздельно владели эсеры (Власов—пред., Румянцев, Беланов, Праведников, Колпаков, Локтионов и др. ¹⁾).

На протяжении почти всего 1917 года во всех советах губернского города господствовал соглашательский блок. Менялись иногда фамилии среди членов исполкомов или президиумов, но сохранялась прежняя политическая линия советов от этапа к этапу нарастающей революции.

В самом деле, основным лозунгом губнарсовета было „в единении сила“, а люди делились лишь на „две партии—любящих родину и не любящих ее“. Однако, эта трогательная забота об единении не мешала социал-предателям с остервенением бороться против действительных представителей рабочего класса—большевиков. На второй своей сессии (23-28 июля) губнарсовет осудил, якобы, анархистские выступления рабочих и солдат в июльские дни, высказался за поддержку коалиционного правительства и призвал к воссозданию армии, т. е. целиком и полностью разделил предательство по отношению к пролетариату Всероссийского ЦИКа и столичных советов. И еще раньше, возвратившись с Всероссийского съезда советов и докладывая о нем, председатель Курского совета раб. депутат Аристархов пугал слушателей „грозным призраком гражданской войны“, доказывал ошибочность большевистской тактики и ратовал за совместную работу народников и марксистов ²⁾).

Нет необходимости растолковывать смысл политической ориентации докладчика. Вскоре она была достаточно отчетливо расшифрована практическими мероприятиями советов по поводу июльских событий. Двадцатого (7) июля совет с. д. по докладу об июльском выступлении рабочего класса принял резолюцию не только о том, чтобы сплотиться вокруг бонапартистского Временного правительства, но и об образовании реальных сил реакции—специальных „команд спасения революции“ ³⁾. А на объединенном заседании исполкома губернского народного совета, советов р. и с. д., земельного и продовольственного комитетов постановили создать „Комитет спасения революции“, в который, кроме перечисленных организаций, вошли: губкомиссар со своими помощниками, представители гор. думы, губземуправы и гор. продкома. Надо ли более ясное выражение трогательного единения соглашательских советов с губернским правительственным аппаратом! Охраняя порядок, Комитет спасения призван был спасти не революцию, а спасти буржуазию от революции. Правда, на второй день такое же объединенное собрание осуждало „дезорганизаторские выступления“ как слева, так справа, но жест вправо служил таким же прикрытием вызревающего

¹⁾ „Известия Курск. губ. об-ва краеведения“, № 5 за 1927 г.

²⁾ Рукопись А. Комарова Материалы к „Хронике 1917 г.“.

³⁾ Сб. „Курск в революции“. Хроника событий.

бонапортизма Керенского, какими были соответствующие жесты у Чхеидзе, Чернова и К⁰ в центре.

Корниловщина, под прикрытием мнимо революционных деклараций мелкобуржуазных демократов, продолжала укрепляться, а резолюции о воссоздании и укреплении дисциплины в войсках, об отправлении маршевых рот на фронт и о подвозе хлеба для армии, равно как и начавшаяся травля большевиков, являлись прекрасной соглашательской помощью Корнилову. Объединение курских эсеров-меньшевистско-энесовских советов с правительственными комиссарами в Комитете спасения лишний раз подтверждало указание Ленина на то, что если 9 мая создание коалиционного правительства привязало соглашателей к буржуазии канатом, то июньское наступление на фронтах и июльские дни скрепили их цепью. В полной капитуляции перед буржуазными элементами курские демократы копировали своих столичных руководителей.

Корниловское восстание, обнаружившее воочию цели контрреволюционных буржуазно-помещичьих элементов, заставило эсеровско-меньшевистский блок взять несколько влево, т. к. массы отходили от него все более и более решительно. Такого рода крен замечен и по документам курских соглашателей. Эсеровский совет кр. д. в резолюции, принятой 13 (1) сентября под живым впечатлением от контрреволюционного восстания, отмечая, что с победой над Корниловым еще не побеждена корниловщина, ожидает, что „Временное правительство: 1) со всей решительностью подавит военно-буржуазный заговор, разгонит и уничтожит все контрреволюционные центры... 2) Решительно и неуклонно поведет внешнюю политику к скорейшему миру без аннексий и контрибуций, 3) немедленно установит Рос. Демокр. Республику, 4) подготовит своими мероприятиями передачу земли в руки трудового народа, 5) проведет в жизнь меры по борьбе со всевластием капитала“¹⁾ и т. д. Тогда же исполком совета кр. д. выносит решение о создании боевой дружины, которая должна была быть передана в распоряжение Комитета общественной безопасности, и ассигновал 1 000 р. на покупку револьверов и патронов²⁾.

В том, что эсеры заговорили, наконец, более или менее вразумительным языком на счет „скорейшего мира“, „немедленного“ установления демократической республики, передачи земли крестьянам и борьбы „со всевластием капитала“ (признались ненароком), несомненно сказалось огромное полевание народных масс и желание во что бы то ни стало удержать руководство ими за собой. Это не помешало, однако, главноначальствующему губернии генералу Щеголеву запретить (15-IX) всякие митинги и уличные собрания³⁾. Совершенно очевидно, что на

1) „Изв. Курск. губ. об-ва краевед.“, № 5 за 1927 г., стр. 20.

2) Материалы к хронике 1917 г. Рукопись А. Комарова.

3) Там же.

одни левые фразы своих слуг хозяева уже не могли положитьсь. Вот почему они спешили запретить митинги и собрания, на которых рабочие и солдаты смогли бы поднять свой голос.

В конце сентября, собравшийся в Курске губернский съезд советов р. и. с. д. занял примерно такую же линию, что и совет кр. деп. Съезд требовал роспуска Гос. думы и Гос. совета, борьбы с союзом земельных собственников, твердых цен на предметы широкого потребления, контроля над производством и потреблением, принятия мер к ликвидации войны, сохранения демократических организаций и перехода всех земель в распоряжение земельных комитетов ¹⁾. Левый маневр этот, как и аналогичная декларация, оглашенная Чхеидзе на Московском совещании 14 августа, а затем пресловутое Демократическое совещание, не остановил начавшегося поворота масс к большевизму. Правда, процесс полевения рабочих и солдат в крестьянской Курской губернии шел значительно медленнее, нежели в столицах и промышленных центрах, тем не менее тот факт, что земельный вопрос оставался неразрешенным, ненавистная война продолжалась, а рабочие не получили удовлетворения своих классовых интересов, делал свое дело и в провинциальном захолустье.

✓ Ни губнарсовет, ни совет р. д. ничего не дали рабочим. Первый занимался преимущественно общими политическими вопросами или заслушиванием отчетов различных общественных организаций, а второй—либо обсуждал политические вопросы, либо путался в мелочах. Больше того, в августе месяце ставился вопрос о неработоспособности Курского совета р. д. Настолько сумели выхолостить мелкобуржуазные демократы прекрасную политическую форму. И даже тогда, когда совету приходилось заниматься делами рабочих, соглашательское руководство делало работу безрезультатной. Хороший пример в этом отношении мы находим в неоднократно упоминавшейся статье Комарова. У рабочих на бараках за Горелым лесом возникла забастовка из-за зарплаты. Совет, обсудивши вопрос, признал требование рабочих о повышении зарплаты справедливым, но повышение ее поставил в зависимость от смет военного ведомства, на которые как раз и ссылались предприниматели в оправдание своей позиции. В данном случае, как и всегда, совет не помог рабочим. Лишь некоторые советы уездных городов (Льгов) выносили постановления о повышении зарплаты, да и то под давлением далеко опережавшей всякие решения дороговизны.

Совет с. д. также обслуживал больше интересы буржуазно-помещичьего командования, чем интересы рабоче-крестьянской солдатской массы. Занимаясь такими вопросами, как: о покупке мануфактуры, о бесплатных местах в садах и театрах, о привлечении лиц к писарской работе и т. п., совет, руководимый энесами в полковничьих погонах, терял политические свя-

¹⁾ „Известия Курск. губ. об-ва краеведения“ № 5, 1927 г., стр. 13.

зи с солдатскими низами. Именно поэтому мортирная батарея выразила ему недоверие. Хотя совет отнес это недоверие только к представителям батареи, тем не менее 3 августа приказом № 83 членам совета предлагалось держать связь со своими выборщиками путем докладов, бесед и т. д. Приказ выдавал угрою связей совета с избирателями, иначе не было бы смысла в его появлении.

Что касается совета кр. д. и губ. крестьянского комитета, то и они, подобно советам р. и с. д., вследствие эсеровского руководства, стремились ослабить борьбу крестьянства за землю. Исполком совета кр. д. почти в полном составе, за исключением двух большевиков, твердо держался того мнения, что аграрный вопрос может быть разрешен только Учредительным собранием, а губземкомитет дальше оформления земельных сделок между помещикам и крестьянами да академических рассуждений на тему о подготовке аграрной реформы не шел. На состоявшемся в августе месяце губс'езде советов кр. д., происходившем совместно с губернской конференцией эсеров, земельный вопрос даже не обсуждался. С'езд ограничился лишь обсуждением эсеровских кандидатов в Учредительное собрание.

И совет кр. д., и земельный комитет тщательно выполняли директивы как правительственного, так и демократического центра, которые с первых дней революции пуще всего боялись самочинного разрешения аграрного вопроса, а сами откладывали его до систематически оттягивавшегося Учредительного собрания. Уже в конце марта инструкция Петроградского совета р. и с. д., адресованная всем советам, рекомендовала „раз'яснить крестьянам, что... всякое самоуправство, особенно же уничтожение и захват имущества (сиречь—земли—И. К.) является недопустимым и вредит делу революции“¹⁾. А апрельское демократическое совещание, подчеркивая, что „разрешение земельного вопроса принадлежит Учредительному собранию“ и высказываясь за создание для урегулирования всяких аграрных недоразумений местных комитетов, вместе с тем возлагало „на местные комитеты обязанность бороться со всякими попытками самочинного разрешения на местах земельного вопроса“²⁾. В полном соответствии с этими установками, циркуляром от 20 апреля губернский комиссар Лоскутов предлагал уездным комиссарам бороться с „самопроизвольным разрешением земельного вопроса“³⁾. Наконец, уже после июльских дней, министр „социалист“ Церетелли в своем циркуляре от 19 июля громил „самочинные захваты имущества и земель“⁴⁾.

1) „Организация и строительство советов р. д. в 1917 г.“. Сб. док. под ред. Горина. Изд. Ком. Акад. Москва 1918 г., стр. 55.

2) Центархив „Всер. совещ. советов р. и с. д.“. Стеногр. отч. ГИЗ М. Л. 1927 г., стр. 311, 312.

3) Партархив ЦЧО. Д. Львовского сов. р, с и кр. д., № 5 1917 г., л. 4.

4) Там же, л. 271.

В целях урегулирования аграрных отношений, рассчитанного на оттяжку решения земельного вопроса, писались не только циркуляры, но и пускалась в ход, как известно, вооруженная сила. Однако, потушить крестьянское движение ни циркуляры, ни пули не могли.

Напротив, в огне крестьянской борьбы за землю вместе с помещичьими имениями сгорал авторитет той партии, которая считала себя крестьянской, один представитель которой руководил правительством (Керенский), а другой некоторое время был министром земледелия (Чернов).

За время с марта по октябрь, по далеко неполным данным, в Курской губернии было 209 крестьянских выступлений (март—3, апрель—10, май—30, июнь—44, июль—40, август—30, сентябрь—14, октябрь—38¹⁾). Вопреки Балашову, надо заметить, что кривая движения, за исключением сентября, неизменно держится высоко, а не падает. Правда, по сравнению с Тамбовской и Воронежской губерниями, по цифрам Балашова, курское крестьянство дало меньше выступлений, однако, этот вывод далеко еще нельзя считать окончательным. В обзоре деятельности аграрного отдела ВЦИКа (на 21/VII-17 г.) Курская губерния по высоте крестьянского движения относится к числу самых неблагоприятных губерний (Бессарабская, Псковская, Подольская—IV гр.), причем наиболее развитыми аграрные „беспорядки“ были в Ст.-Оскольском, Льговском и Суджанском уездах. „Положение в этих губерниях надо признать угрожающим“,—говорится в обзоре²⁾.

По формам и видам борьбы встречаются самые разнообразные случаи: захваты земель, самовольные выпасы, порубка леса, установление минимальных арендных цен чередуются с поджогами и разгромами имений, убийством землевладельцев или управляющих, выступлениями против судебных органов и вооруженной силы. Нет необходимости указывать, что с течением времени движение и по формам борьбы возрастало, важно, однако, подчеркнуть, что, во-первых, борьба с помещиками перерастала в борьбу против административного и даже судебного аппарата власти. В самом деле, когда в с. Казачье, Корочанского у., были арестованы и обезоружены (12/VIII) начальник уездной милиции вместе с пятью милиционерами³⁾, в с. Самарке, Рыльского у., во время разбора дела (август) о захвате крестьянами у помещика земли „толпа крестьян избивала судью и истца и угрожала их утопить“, а в с. Новоспасском, Фатежского у., во время су-

¹⁾ Балашов „Агр. движ. в ЦЧО в 1917 г.“, стр. 62, цит. изд.

²⁾ „Организ. и строительство советов р. д.“ под ред. Горина, Цитир. изд., стр. 293.

³⁾ Материалы к хронике 1917 г. Рукопись Комарова.

дебного следствия (7 IX) по такому же делу, „в комнату, где находились следователь и мировой судья, произведены выстрелы, которыми бы ранен судья“¹⁾, то это очевидные примеры перерастания борьбы антипомещичьей в антиправительственную.

Во-вторых, земельные комитеты и уездные исполкомы либо лишались всякого влияния, либо принуждены были оформлять стихийное крестьянское движение своими решениями (Льгов, Дмитриев и в ряде др. городов, в особенности, в волостях). Примеры такого положения дела можно найти десятками как в работах историков-краеведов, так и в сборнике докладов о крестьянском движении под ред. А. Яковлева.

В свете даже только тех штрихов аграрного движения, которые набросаны выше, становится ясным, насколько комично выглядит резолюция по докладу губземкомитета объединенного заседания (30 VII) исполкома губнарсовета и советов р. с. и кр. д., гласящая, что, благодаря правильной политике земкомитета, губерния „избежала аграрных эксцессов“. Но солидаризацию с политикой земельного комитета всех демократических органов губернии необходимо отметить. Именно эта крайне выраженная соглашательская политика всех „демократических“ органов позволила прокурору привлечь к судебной ответственности делегата второй сессии губнарсовета Иванова за одну выраженную им готовность с косами в руках разрешать земельный вопрос („Возьмем косы и пойдем на помещика“ — заявил он²⁾). Именно та же самая политика мелкобуржуазных демократов привела к тому, что вплоть до января 1918 г., несмотря на протесты некоторых советов уездных городов (Путивль, Фатеж), Госбанк выдавал жалование земским начальникам³⁾. Традиции „вотчины Маркова 2-го“ цвели над губернией, а так называемые социалисты своей соглашательской деятельностью об'ективно мешали их выкорчевывать.

То обстоятельство, что в Курской губернии, помимо меньшевистско-эсеровско-энесовских советов, существовало еще одно прикрытие от масс правительственного аппарата в лице губнарсовета, тот факт, что соглашатели были сильны, а большевиков, в силу численной слабости и ничтожной концентрации пролетариата, было мало — все это позволяло мелкобуржуазным демократам в изучаемой губернии тормозить развитие революции больше, чем в ряде других мест России. Однако, об'ективно-исторических основ перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую курские меньшевики и эсеры, подобно своим столичным единомышленникам, устранить не могли.

¹⁾ Централархив „Кр. движен. в 1917 г.“ под ред. Яковлева, Гиз, М.-Л. 1927 г., стр. 207, 261.

²⁾ „Курск в революции“, Хроника событий, стр. 86, цит. изд.

³⁾ Там же, стр. 83.

Завершение демократической революции и переход к революции пролетарской продолжало оставаться объективно исторической задачей пролетариата и беднейшего крестьянства. Ни земли, ни мира, ни свержения буржуазии, ни контроля над производством и потреблением, ни установления диктатуры пролетариата, ничего этого мелкобуржуазные демократы, в силу своей социальной сущности и связей с крупной буржуазией, дать не могли. Их соглашательская политика, тормозя развитие революции, одновременно восстанавливала против себя не только рабочие, но и крестьянские массы. Вот почему падало постепенно влияние Курского совета р. д., руководимого меньшевиками и эсерами, рвались связи между энесовским советом с.-д. и солдатами, терял постепенно свою значимость совет кр. д. Словом, и в Курской губ., как всюду по России, соглашатели в конце концов были биты. Однако еще упорная борьба предстояла малочисленным большевикам, ибо этот последний фактор (борьба большевиков) является абсолютно необходимым суб'ективным фактором нарастания революции на любом ее территориальном участке.

4. Нарастание большевизма в массах и его организационное оформление.

Февральская революция послужила толчком к оживлению деятельности всех политических партий, т. к. классовая борьба в стране крайне обострилась. В больших губернских городах это оживление было особенно заметным потому, что во многих из них партийная работа в полосу реакции и годы империалистической войны совершенно замерла. К городам последней категории принадлежал и Курск. С первых дней революции оживают кадеты, начинают работать энесы, оформляются эсеры, возобновляют свою деятельность социал-демократы и т. д.

Каждая партия, разумеется, пыталась по-своему решить центральный вопрос революции—вопрос о власти. Если кадеты и народные социалисты—партии буржуазии, в соответствии с этапом революции, захватывают в свои руки преимущественно правительственный аппарат, то эсеры и социал-демократы не без успеха устремляются в демократические учреждения. Рабоче-крестьянские массы доверили последним руководство над собой. Добросовестное оборончество и мелкобуржуазные иллюзии сделали свое дело.

Однако, поддержка буржуазии безоговорочно или с оговоркой со стороны эсеров и меньшевиков по всем основным вопросам революции: власти, войны, земли, 8-часового рабочего дня, вопроса национального и т. д., постепенно приводили к отрезвлению народных масс от всякого рода оборонческих и

демократических иллюзий. А с тех пор, как эсеры и меньшевики вместе с буржуазией попытались продолжать путем наступления на фронте империалистическую войну и присоединились к разгрому политических организаций протестующего пролетариата в июльские дни, наступил решительный перелом. Трудящиеся начали поворачивать к большевизму. Корниловщина и полная растерянность в связи с ней мелкобуржуазных демократов форсировали отход от них не только рабочих, но и значительной части мелкобуржуазных масс. Лишь большевики держали твердый курс на углубление революции, на борьбу с капиталом, на выход из империалистической войны, на завоевание власти пролетариатом. Стало быть, только они давали рабочему классу ясную перспективу борьбы.

В апрельских тезисах Ленин констатировал своеобразие момента, заключающегося в переходе от одного этапа революции, давшего власть буржуазии, к другому этапу, который должен дать власть пролетариату. Преодолевая оппортунистические шатания каменевской группы, ограничивавшей революцию только буржуазно-демократическими задачами, и преодолевая ультралевые заскоки группы Богдатыева, которая несвоевременно требовала вооруженного восстания, партия твердо пошла за Лениным по пути подготовки рабочего класса и беднейшего крестьянства к борьбе за власть, т. е. за социалистическую революцию.

Ее основными политическими лозунгами были: передача земли крестьянам, власть советам, прекращение империалистической войны путем взятия пролетариатом власти, контроль над производством как предпосылка перехода к национализации производства и самоопределение наций. Шестой съезд партии поставил борьбу за власть как очередную задачу, а после корниловщины Ленин выдвинул лозунг „вся власть советам“, как лозунг вооруженного восстания. Одновременно с этим партия напряженно работает над идейной, организационной и технической подготовкой вооруженного восстания, первым залогом успеха которого является завоевание большинства рабочего класса на сторону революционной партии.

Курские большевики, готовясь к решению коренных вопросов социалистической революции на своем территориальном участке, должны были пройти путь упорной борьбы за массы с враждебными им партиями. Само собой разумеется, что идейно-политической платформой, на основе которой они могли прийти под руководством ЦК к победе, могла быть только платформа Ленина. Но на этом пути стояла еще задача организационного оформления самой большевистской организации.

Выше уже говорилось, что к моменту Февральской революции самостоятельной большевистской организации в Курской губ. не было. Большевики входили в объединенную социал-демократическую организацию, возникшую в марте месяце 1917 г

„В эту организацию — свидетельствуют Брянцева и Марута — входила группа большевиков до 20 человек, преимущественно железнодорожников и значительно большая группа меньшевиков, которая состояла, главным образом, из служащих, интеллигенции, врачей, адвокатов и пр., а также одиночек рабочих“¹⁾.

Вслед за Курской оформилась об'единенная с.-д. группа в Белгороде. По инициативе Славгородского, в конце апреля состоялось первое, после долгого перерыва с эпохи реакции, собрание социал-демократов в числе около 15 чел. После жаркой дискуссии по вопросу о структуре организации группа осталась тоже об'единенной²⁾. В качестве причин, обусловивших сохранение об'единенных организаций, и курские, и белгородские большевики считали то, что у меньшевиков оборонческие тенденции не были ярко выражены, тогда как социал-демократам противостояли сильные организации эсеров и кадетов, а кроме того имели большую силу черносотенцы. Правда, эсеры, кадеты и даже черносотенцы играли большую роль в губернии, тем не менее большевики сразу же допустили огромную коренную ошибку, заключающуюся в забвении или прямом непонимании того, что наличие сильных враждебных политических партий обязывало большевиков как можно резче противопоставить свою самостоятельную политическую линию всякого рода буржуазным и мелкобуржуазным демократам с тем, чтобы на основе размежевания с меньшевиками завоевывать трудящиеся массы на свою сторону. Эта ошибка крайне отрицательно отразилась на влиянии большевиков в течение всего 1917 года.

Что враждебные большевикам политические партии были сильны, показывает ряд фактов. О господстве эсеров и меньшевиков в советах говорилось уже выше. Они же господствовали в Курской городской думе; председателем ее был меньшевик Аристархов (он же пред. сов. р. д.). Из 101 ч. гласных думы после июльских выборов 61 принадлежали к „социалистическому блоку“. Организации эсеров численно окрепли быстро не только в губерском городе, но и уездных. Так, в Короче эсеровская организация возникла в мае 1917 г. В Путивле, в Щиграх, в Нов. Осколе эсеры организовались с июля.

Многочисленные крестьянские союзы были также, по существу, эсеровскими организациями. Что же касается городских дум большинства уездных городов, то там (Фатеж, Льгов, Ст. Оскол, Н. Оскол, Путивль, Щигры, Рыльск и др.) господствовали буржуазные либералы разных, подчас неопределившихся, политических мастей³⁾. Даже в железнодорожные „участковые комитеты“, возникшие в первые дни после Февральской революции, „прошли в большинстве: кадеты, эсеры, меньшевики и

¹⁾ „Курск в революции“, стр. 43-44, цит. изд.

²⁾ „Спутник большевика“, № 9 (18), Курск, 1926 г. Воспомин. Славгородского.

³⁾ Факты — из хроники событий „Курск в революции“.

только три большевика", а слободой, где жили железнодорожники, управлял волостной комитет, где засели кадеты и монархисты ¹⁾.

Все эти как буржуазные, так и мелкобуржуазные демократы с остервенением боролись против проникновения большевизма. Клевета и насилие следовали друг за другом. Так например, в Курске агенты буржуазии ж.д. киоск забрали в свои руки. „Газета „Правда“ во избежание ее распространения скупалась и уничтожалась“. Взамен „Правды“ рабочих засыпали буржуазными газетами. „Разносчиков революционных газет из мастерских выгоняли. Киоск, поставленный (большевиками—И. К.) на станции, перегоняли с места на место и подвергали всяким притеснениям. На митингах, при выступлении кого-либо из большевиков кричали: долой! и при этом угрожали избиением“ ²⁾. В Белгороде в травле большевиков особенно отличался меньшевик оборонец Белановский, в особенности после того, как вернулся с апрельского Всероссийского совещания советов.

Разумеется, такое преследование большевиков не оставалось без следа и среди рабочих. Славгородский в своих воспоминаниях о Белгороде определенно заявляет, что „отношение к большевикам, особенно среди малосознательных масс, было самое враждебное“, и рассказывает, как на двухтысячном митинге деповских рабочих в первых числах июня из толпы кричали по адресу большевиков: „повесить их“, „бросить их под поезд“ и т. п. ³⁾. Аналогичное сообщению Славгородского говорят о Курске Брянцева и Марута.

„Выступавших ораторов большевиков против войны и денежных сборов большинство не слушало“—написано в их статье ⁴⁾.

В такой тяжелой обстановке приходилось работать большевикам изучаемой губернии. Однако никакие преследования не могли предотвратить нарастания большевизма.

Полевание трудящихся масс и постепенный отход их от соглашателей, создавали объективно-историческую предпосылку стихийной большевизации масс, а большевистская агитация и пропаганда устным и печатным словом выделяла на этой основе уже сознательных поборников социалистической революции, значительная часть которых вступала в партийную организацию.

Большевиками становились прежде всего рабочие. В Белгороде, например, к августу месяцу, по свидетельству Славгородского, примкнули к большевикам уже „несколько авторитетных товарищей из рабочей среды“ (Депо). В Курске также произошло увеличение за счет рабочих. Известная часть больше-

¹⁾ „Летоп. рев. борьбы в Кур. г.“ (материалы Истпарта) Курск, 1923 г. стр. 7.

²⁾ Там же.

³⁾ „Спутник большевика“ №9 (18) 1926 г., стр. 92-93.

⁴⁾ „Курск в революции“, цит. изд., стр. 44.

виков приехала из промышленных городов. Большевистские настроения привозились в основном солдатами. Так, судя по воспоминаниям Рождественской, в Ст. Осколе „уже с августа нарастал заметно большевизм, разносимый возвращающимися солдатами-фронтовиками“¹⁾. В Обояни большевистские настроения усилил 5 арт. тяж. дивизион, переведенный в июле месяце из Твери за большевизм. Проникали большевистские настроения разными путями и в деревню. В августе эсеровская газета „Курская жизнь“ констатировала большевистскую агитацию в Фатежском уезде. В августе же из Тимского у. сообщали, что появились агитаторы, призывающие захватывать землю, не дожидаясь Учредительного собрания. А на седьмой сентябрьской сессии Курского губпродкома проникновение в деревню большевизма отмечалось повсюду. Таким образом, до большевистской оформленной идеологии часто было еще далеко, в особенности в деревне и среди солдат, но направление процесса все-таки очевидно.

Любопытно, что все перечисленные факты, свидетельствующие о нарастании большевизма, относятся к июлю и августу, следовательно, июньско-июльский переломный этап революции сказался и в Курской губернии. В частности, в Белгороде к „концу июля влияние (большевиков—И. К.) в совете р. и с. д. было уже весьма велико“²⁾. А сам совет, не беря официально власть в свои руки, стал господином положения. Тогда же Белгородский совет постановил занять для своих целей купеческий клуб. Правление клуба пожаловалось Керенскому. Последний распорядился об аресте президиума совета, но когда из Курска приехала в целях выполнения приказа Керенского делегация, то Белгородский совет арестовал ее. „С того момента,—пишет неоднократно цитированный Славгородский,—Белгородский совет фактически перешел на положение самостоятельной республики советов, не подчиняющейся ни Курску, ни Петрограду“. Такая решительность белгородских большевиков подкреплялась шестнадцатитысячным гарнизоном, готовым благодаря своей „обольшевиченности“, выступить на защиту совета в любую минуту³⁾.

Раскол объединенной с.д. организации в Белгороде относится к июлю месяцу, когда большевики, поддержанные из Харькова, фактически оформились в самостоятельную организацию. В непосредственной связи с идейным и организационным укреплением большевиков находится тот факт, что Белгород в своих отношениях к Временному правительству последовал примеру Кронштадта и Царицына (Сталинграда).

Что касается самого Курска, то здесь разрыв большевиков с меньшевиками произошел значительно позже. Еще в момент создания Аристарховым описанного выше губнарсовета наметились разногласия в объединенной организации. Часть большевиков

1) „Изв. Курск. губ. об-ва краеведения“, № 5 за 1927 г., стр. 51.

2) „Спутник большевика“, № 9 (18), 1926 г., стр. 93.

3) „Спутник большевика“, № 9 (18), 1926 г., стр. 94.

боролась против меньшевистского, сугубо соглашательского изобретения, но другая—относилась к нему примиренчески. Хотя среди самих меньшевиков наметилось тоже расхождение: обозначилось ярко оборонческое крыло и интернационалистское направление, но изменения в их политической линии, конечно, не произошло. В связи с июньским наступлением на фронте, которое подготавливалось при прямой поддержке меньшевиков, вновь был поставлен среди большевиков вопрос о выходе из объединенной организации, однако, и на этот раз „большинство считало момент для выхода не подходящим“¹⁾. Мотивы против разрыва приводились те же, что и весной, а ошибочность их и примиренческая сущность еще более подчеркивалась самим моментом меньшевистского предательства.

Кризис в организации принял хроническую форму. Даже в условиях значительного нового толчка к полевению рабочих масс, в связи с корниловским выступлением, курские большевики не решились на раскол.

Между тем VI съезд партии в специально принятой (3/VIII) резолюции уж категорически осудил объединенческие тенденции.

„Исходя из признания необходимости—говорится в ней—полного и бесповоротного раскола с меньшевиками империалистами, съезд высказывается самым решительным образом против таких (объединенческих—И. К.) попыток. Противопоставляя опасному лозунгу единства всех, социал-демократия выдвигает классовый революционный лозунг—единство всех интернационалистов, порвавших на деле с меньшевиками—империалистами. Полагая такое единство необходимым, неизбежным, съезд призывает все революционные элементы социал-демократии не медля порвать организационную связь с оборонцами (подч. мною—И. К.) и объединиться вокруг РСДРП“²⁾.

О том, насколько оборонческой была вся политика курских меньшевиков говорилось достаточно при описании политической линии советов. Совершенно очевидно, что оставаясь с ними в одной организации, большевики прямо нарушали решения съезда партии в столь политически ответственный исторический момент. За это они были наказаны уже одним тем, что организация губернского города осталась далеко позади организации уездного Белгорода, как по численности, так и в особенности по влиянию в массах, а ведь белгородские большевики имели непосредственно против себя огромную силу—около 500 человек меньшевиков.

Численная слабость курских большевиков и участие их в объединенной организации долго не позволяли поставить вопрос о губернском объединении большевистских групп и одиночек. Лишь в сентябре была сделана попытка созвать губернскую конференцию. Однако, последняя оказалась столь неподготов-

1) „Курск в революции“, цит. изд., стр. 45.

2) „ВКП(б) в резолюциях съездов и конференций“.

ленной, что приехали только два делегата из Белгорода (Славгородский и Фрумкин), а из остальных уездных городов ни одного человека не явилось. Конференция, разумеется, не состоялась. В это время инициативное ядро большевистской группы, которое поставило вопрос о губернской конференции, по словам местных летописцев революционной борьбы, составляли: Н. Булгаков, А. Воробьев, Каширцев, С. Аристархова и Руцких, а всего группа насчитывала до 30 человек ¹⁾.

Только 14 (1) октября 1917 г. состоялось фракционное собрание курских большевиков в присутствии 36 человек, которое, наконец, приняло решение о выходе из объединенной организации, а 16 (3) октября состоялся формальный раскол. С этого времени большевистская организация стала самостоятельной и получила возможность значительно более быстрого развития.

Через три дня (19) высвободившиеся из сетей соглашательской дисциплины большевики потребовали перевыборов советов. В конце октября перевыборы были проведены. Хотя партийная организация рабочего класса в совете еще не получила большинства и на этот раз, но от того положения, когда на губ. съезде советов (30/IX) выступал всего лишь один большевик, (Булгаков) и большевистская резолюция собрала всего 11 голосов, ²⁾ организация ушла далеко.

В переизбранных советах большевики уже получили возможность иногда побеждать соглашателей. Вместо обычного подавляющего большинства последних теперь соотношение сил создается колеблющееся.

Характерно—процесс полевения революционных масс за это время углубился настолько, что в уездах выносились более левые резолюции, чем в губернском городе, где м. б. демократы еще имели сравнительно большую силу. Случаи самочинного решения земельными комитетами и исполкомами аграрного вопроса—тому достаточно убедительный аргумент. Больше того, к моменту созыва Демократического совещания (Петроград) имели место ряд, правда, еще не большевистских, но весьма левых резолюций и в отсталой Курской губернии. Ст. Оскольский совет кр. д., например, 25(12) сентября высказался за недопустимость исключительных полномочий и безответственности Врем. правительства, за демократическую республику, за отмену частной собственности на землю, за контроль над производством и распределением, за национализацию важнейших отраслей промышленности, за немедленное предложение демократического мира, аннулирование и опубликование тайных договоров, за отмену смертной казни, за самоопределение наций и другие аналогичные пункты. Объединенное собрание револю-

¹⁾ „Летопись рев. борьбы в Курской г.“ (Материалы Истпарта), цит. изд. стр. 6.

²⁾ „Курск в революции“ из ст. Семовских.

ционных организаций Обояни 27(14) сентября приняло резолюцию в таком же духе, только еще более решительно подчеркнуло необходимость немедленной передачи земель в распоряжение земельных комитетов ¹⁾.

Это были чрезвычайно яркие симптомы приближения Октябрьской социалистической революции.

¹⁾ Из хроники событий, сб. „Курск в революции“.

В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ.

1. Курский Октябрь (борьба большевиков за власть).

Октябрьская революция в Курской губернии протекала крайне медленно. В тот момент, когда партия пролетариата под руководством Владимира Ильича, осуществила победоносное вооруженное восстание, и рабочий класс установил свою диктатуру, курские большевики оказались не в состоянии взять в свои руки власть в губернии. Слишком тонкая рабочая прослойка в губернии, организационная и политическая слабость большевиков, только что вышедших из объединенной социал-демократической организации и относительная сплоченность эсеров и меньшевиков, находивших свою почву в зажиточном крестьянстве губернии и в прочно связанных с деревней слоях рабочего класса, все это обусловило то положение, что борьба курских большевиков за власть затянулась вплоть до середины 1918 года. И только с 9 июля 1918 г. после левоэсеровского мятежа, в губисполкоме образовалось прочное большевистское большинство.

Центральным вопросом всякой революции,—подчеркивал неоднократно Владимир Ильич,—является вопрос о власти. Поэтому парторганизации приходилось решать прежде всего этот вопрос. С установлением, в результате Октябрьских боев, диктатуры пролетариата, послужившим исходным моментом к развертыванию социалистической революции во всей стране, задача курских большевиков неизмеримо облегчилась, ибо к таким объективно действующим факторам революции, как неспособность м. б. демократов продвинуть ее хоть на один шаг, развивающееся вследствие этого массовое рабочее и крестьянское движение, присоединился такой могущественный фактор, как пролетарская государственная власть, которая во много раз усилила организованность всего пролетариата, обеспечила помощь его отсталым партийным отрядам со стороны соседних передовых промышленных центров и, наконец, силою нового государственного аппарата обрушилась на силы, враждебные революции.

Отставшим в деле революционной мобилизации масс курским большевикам предстояло под руководством ЦК выровнять фронт борьбы за власть и на своем участке обеспечить развертывание социалистической революции. Их удачное требование о перевыборах советов несомненно было первым шагом к

выполнению этой исторической задачи, но до захвата власти оставалась еще большая дистанция. Пройти ее означало — мобилизовать массы против соглашателей, разгромить их в открытой борьбе и организовать взятие полной власти советами.

Проникновение большевиков в профессиональные союзы было одной из необходимых форм завоевания на свою сторону трудящихся. За первую половину 1917 г. в Курской губернии был организован лишь один профсоюз с 343 членами. За вторую половину того же года число союзов возросло до семи, а число членов их до 2416 чел.¹⁾ Эти данные несомненно преуменьшены, но и они свидетельствуют, что за вторую половину 1917 г., накануне Октября процесс организации трудящихся усилился в несколько раз, что служит прямым показателем повышения политической активности масс.

В августе уже существуют профсоюзы: кондукторов, торгово-промышленных служащих, телеграфистов, служащих продовольственного комитета, курьеров и рассыльных, работников иглы, деревообделочников, земельных служащих, металлистов, печатников и ряд других более мелких союзов. Уже одна чрезвычайная дробность профсоюзов, доходящая прямо до цеховщины, обнаруживала молодость профдвижения, но постепенно намечался процесс укрупнения и объединения их. В середине 1917 г. (14 (II) августа) по инициативе совета р. д. организуется бюро профсоюзов. Созываются иногда объединенные собрания.

В течение 1917 г. профсоюзы находятся под меньшевистским или эсеровским руководством, однако, после выхода большевиков из объединенной организации их влияние повышается и в профсоюзах. В Курске, например, на объединенном собрании всех профсоюзов (23 (10) октября) большевики проводят в резолюцию пункты о немедленном мире, о контроле над производством, о передаче земли в распоряжение зем. комитетов до Учредительного собрания и о самоопределении наций. Это было уже большое достижение, а 25 (12) октября большевики одержали еще большую победу. На общем собрании фабрично-заводских комитетов, происшедшем под председательством большевика, был создан центральный орган фабзавкомов.

Накануне Октября недовольство масс провинциальным аппаратом Временного правительства перерастает в открытые выступления и в уездных городах. Обнаруживается неспособность его справиться даже с таким вопросом, как вопрос снабжения населения продовольствием и товарами. О беспорядках поступают сообщения из ряда городов, начиная с самого Курска. Хроника отмечает, что 17 (4) октября произошел разгром лавок в Курске на почве подозрения в скрывании товара, а на другой день в целях поисков скрытого продовольствия, толпа произвела

¹⁾ Центрархив, „Рабоч. движение в 1917 г.“ под. ред. Покровского и Яковлева. Гиз. М. Л. 1926 г., стр. 92.

массовые обыски не только частновладельческих лавок, но и складов губпродкома. На почве недостатка продовольствия произошли волнения 25 (12) октября в Белгороде. 23 (10) октября в Щиграх население вместе с солдатами разгромило продовольственные лавки, причем демократические организации города не придумали для удовлетворения населения ничего, кроме вызова от губкомиссара кавалерийского отряда в 50 человек. Отмечены в это же время беспорядки в Фатеже, где на почве повышения хлебных цен возникла угроза разгрома уездного продовольственного комитета и волнение разрасталось¹⁾.

О крестьянских выступлениях со всех концов губернии телеграммы, письма, сообщения сыпались ежедневно²⁾.

Вместе с тем крестьянство резко сократило подвоз хлеба, вследствие того, что правительством аграрный вопрос не решался. Губернские власти, таким образом, попадали в безвыходное положение. Губнарсовет, в целях выхода из создавшегося положения, попытался создать т. наз. контрольно-реквизиционные комиссии. 21 (8) октября губкомиссар уведомил уездных комиссаров о необходимости создания таких комиссий в уездах³⁾, но кроме нового нажима на крестьянство они придумать, разумеется, ничего не могли. Созванное через неделю комиссаром специальное совещание (29-X) по борьбе с „анархией“ несло с собой лишь новые репрессии, которые и без того восстановили против правительства народные массы.

Наличие волнений в городах и огромного крестьянского движения в деревнях в Курской губернии, как и повсюду, целиком подтверждало правильность позиции Ленина, который, призывая партию к восстанию, констатировал еще в сентябре общенародный характер движения против Временного правительства.

Социал-соглашатели напрягли все свои силы, чтобы предотвратить надвигающуюся угрозу ниспровержения буржуазии и спустить революционное движение на тормозах. В тот момент, когда питерские и московские пролетарии вместе с революционными солдатами брали власть в свои руки, курские меньшевики и эсеры обливали их грязью. На заседании Курского совета 11 ноября (29-X) Аристархов, доказывая, что социалистическая революция, якобы, в России невозможна, вследствие, мол, экономической и интеллектуальной незрелости страны, квалифицировал Октябрьский переворот как брешь и раскол в демократическом фронте (до такой степени низко опустился этот когда то бывший боль-

1) Все факты взяты из хроники событий „Курск в революции“.

2) Между прочим, в течение сентября и октября помещики под страхом разраставшегося крестьянского движения начали вывозить из своих имений наиболее ценное имущество, а губкомиссар любезно давал им письменное разрешение на беспрепятственный вывоз. Так „заботился“ о сохранении народного достояния правительственный комиссар.

3) Материалы к хронике 1917 г., рукопись А. Комарова.

шевик). Другие ораторы величайшую революцию прямо квалифицировали предательским актом. Только один Булгаков (большевик) защищал большевистскую тактику, да и то не без дипломатии (признание того, что большевики, будто бы „совершили ряд ошибок“). Принятая резолюция была, конечно, соглашательской.

„Обсудив последние события в Петрограде—гласила резолюция—Курский совет р. и с. д. признает, что:

1. Захват власти большевиками путем военного заговора является насилием над волей большинства.

2. Что такое сепаратное выступление за несколько дней до выборов грозит срывом Учредительного собрания, т. к. созыв последнего невозможен в обстановке гражданской войны.

3. Что основной задачей является сплочение всех пролетарских и демократических сил для предотвращения разгрома революции или полного торжества анархии и противодействия натиску контрреволюции.

4. Что необходимо для ликвидации братоубийственной борьбы создание однородной демократической власти, которая одна способна немедленно приступить к переговорам о заключении мира и передать все земли и дела (?—И. К.) в распоряжение земельных комитетов и обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок¹⁾.

Ратование за объединение „демократических сил“ представляло собой испытанное средство м. б. демократов, вместе с применением которого последние прибегали к новому изобретению соглашательского политического разума—к лозунгу однородной демократической власти. Этот маневр после взятия большевикам власти, столь ходкий в оппортунистических кругах, не мог уже обмануть пролетариат, завоевавший свою диктатуру. Однако, в условиях Курской губернии некоторым кредитом он пользоваться еще мог. На это и рассчитывали Аристарховы, пытаясь спасти буржуазию от разгрома.

Свою словесную декларацию на этом же заседании соглашательский совет подкрепил практическим шагом нового предательства. Он делегировал своих представителей в созданный (9/XI), по инициативе и. о. губ. комиссара Рождественского, „Комитет спасения родины и революции“. Эта организация, первоначально названная „Комитетом общественной безопасности“, ставила своей задачей поддержание порядка, прекращение гражданской войны, обеспечение продовольствием и объединение, якобы, сил революции. Контрреволюционный политический смысл поддержания порядка и прекращения гражданской войны тогда, когда нужно было разрушать буржуазный государственный аппарат, очевиден. Недаром, наряду с представителями различных общественных организаций (советы, прод. и зем. комитеты; Дума, земство, все партийные организации, энесы, эсеры, социал-демократы, кооперативы и т. д.), в комитет входили—губкомиссар, начальник гарнизона и прокурор, т. е. вер-

¹⁾ „Курская Беднота“, 7/XI-1918 г.

шители губернской гражданской, военной и судебной власти буржуазного Временного правительства.

Президиум „Комитета спасения“ составил под руководством неумолимого соглашательского вождя и комбинатора Аристархова, губкомиссара, начальника гарнизона, прокурора и ряда м. б. демократов, всего в количестве 13 человек.

Уже один тот факт, что все тогдашние демократические организации в „Комитет спасения“ послали своих представителей, показывает, что все они стояли на тех же, примерно, позициях, что и совет р. и с. д., решительно осуждая Октябрьскую революцию.

Последнее подтверждается анализом как принятых резолюций, так и произносимых на заседаниях речей.

Курская большевистская организация еще раз допустила крупнейшую оппортунистическую ошибку. Вместо того, чтобы драться до конца за Военно-революционный комитет, бороться за вывод масс на улицу, она послала своих трех представителей в этот архиоппортунистический и контрреволюционный сброд, который первым делом своим запретил распространение большевистских газет. Только под давлением 1-й мортирной батареи 13 ноября запрещение было снято. Несмотря на то, что большевики посылали в комитет своих делегатов, — „главным образом, для информации о предпринимаемых комитетом шагах и возможного противодействия правым элементам“¹⁾, оппортунистичность их тактики необходимо подчеркнуть, ибо она идет прямо в разрез с указаниями Ленина об обязанности подлинных революционеров организовывать революцию в момент непосредственной революционной ситуации в массах, на улице, а не в заседательских словопрениях.

Участвуя в „Комитете спасения“, большевики неизбежно связывали себе руки в деле организации борьбы против него. Между тем реальные силы, на которые большевики могли бы опереться, в Курске были. Среди них прежде всего спешно вооружавшаяся 1-я мортирная артиллерийская запасная батарея, вынесшая 14 ноября резолюцию с требованием передачи власти советам и выразившая (26/XI) недоверие Курскому совету с. д., некоторая часть курских железнодорожников, весь сильный гарнизон Белгорода, гарнизоны Рыльска, Обояни и т. д. Эти реальные силы курские большевики по-настоящему использовать не смогли. Они ограничились лишь расклейкой прокламаций в Ямской слободе.

Комитет спасения не пользовался никаким доверием со стороны трудящихся масс губернии. Об этом свидетельствует, между прочим, та трудность, с которой ему приходилось строить свои ответвления в уездных городах. В ряде городов соответствующим

1) А. Комаров „1917 г. в Курской г.“ „Изв. Курск. губ. об-ва краеведения“ № 5 за 1927 г., стр. 42.

щие ему организации так и не возникли, а Белгород, несмотря на посылку туда из губернского центра специальных делегатов, дал прямой категорический отпор, т. к. белгородские большевики давно уже были фактическими хозяевами положения в городе.

Революционный подъем рабочих, солдатских и крестьянских масс и вследствие этого утеря подавляющего большинства в советах—с одной стороны, установление советской власти во всей стране—с другой, наконец, деятельность большевиков и левых эсеров, отколовшихся в ноябре от правых эсеров—все это поставило перед меньшевиками и правыми эсерами диллему: либо пойти в открытый бой с советской властью, либо в порядке отступить, прикрывшись какой-либо новой компромиссной организацией. На первый путь у курских соглашателей духу не хватило. Они приняли второй. В результате, на сцену появился новый компромиссный орган—„Революционный совет“.

Перед тем, как создан этот орган власти, соглашатели пытались еще предпринять ряд маневров в защиту своих позиций. Когда, например, переизбранный Курский совет р. и с. д., по предложению большевиков, принял резолюцию о доверии Совету народных комиссаров, Аристархов, избранный опять председателем совета, предложил протестовать по поводу закрытия „Новой жизни“, но совет отклонил предложение, тогда Аристархов снял с себя председательствование, пытаясь тем самым оказать давление на совет. Этот номер не прошел. Соглашатели ухитрились на этом же заседании протащить решение о передаче власти „Комитету спасения“, тем не менее факт поражения: Аристархова и то обстоятельство, что еще ранее редактором „Известий“ совета был избран большевик Булгаков, обнаружили наличие серьезной силы у большевиков.

Второй маневр проделали эсеры на втором губс'езде советов кр. д. Там они провели (7 декабря—24/XI) резолюцию, в которой, высказываясь против декрета о земле, якобы, вносящего хаос в земельные отношения, требовали немедленной передачи земель в распоряжение земельных комитетов (когда хватились!?) и просили губземкомитет разработать соответствующее постановление, „не ожидая санкции центра“¹⁾. Так эсеры „торопились“ разрешить аграрный вопрос, целый месяц спустя после его решения II Всероссийским с'ездом советов. Через два дня после с'езда советов кр. д. в таком же духе вынес решение по аграрному вопросу, на основании докладов о положении в Белгороде, губнарсовет²⁾. Описанные эсеровско-меньшевистские маневры сейчас вызывают только смех, но тогда они имели некоторый смысл. Этим путем партии, потерявшие доверие

¹⁾ Д. Комаров, „1917 г. в Курской г.“ „Изв. Курск. губ. об-ва краеведения“ № 5 за 1927 г.

²⁾ Там же

трудящихся, пытались еще афишировать свою запоздалую и мнимую готовность защищать их интересы.

Возвратимся к Революционному совету. Последний получил в губернии власть еще при существовании „Комитета спасения“ на основании решения объединенного заседания советов р., с. и кр. депутатов от 9 декабря (26/XI) 1917 г. Он составил из представителей всех трех советов, судя по спискам, опубликованным Комаровым, в количестве 35 человек, во главе с президиумом из 9 человек ¹⁾ (первоначально, повидимому, предполагалось составить Ревсовет из 40 человек: 20—от совета р. д., 10—совета с. д., 10—совета кр. д.).

14 (1) декабря губнарсовет вынес решение о самоликвидации и передаче власти и дел Революционному совету. В это же время фактически прекратил свое существование „Комитет спасения родины и революции“. 15 (2) декабря Революционный совет отдал приказ № 1 с извещением населения о взятии власти в свои руки. Приказом № 4 лишались власти комиссары Временного правительства, которые, уступая, мол, силе подчинились приказам. Все это, спустя почти полтора месяца после Октябрьской революции, разыгрывалось, как по нотам, резолютивным порядком. То обстоятельство, что большевики не привлекли к решению вопроса о власти, путем революционного действия, рабочие и солдатские массы, объясняло, как резолютивный характер революции в Курске, так и то, что большевики не смогли завоевать руководства в новом органе власти даже в декабре. Правда, Ревсовет (27/XII) „признал“ власть Совнаркома, но только условно, до Учредительного собрания.

Если совет р. д. послал в Ревсовет преимущественно большевиков, то советы с. и кр. д.—преимущественно левых эсеров. В результате большевики в новом органе власти большинства опять не получили. Из всех 35 человек, поименованных в указанных списках, партийность, к сожалению, отмечена только у 17 человек, из которых 5 человек принадлежали к левым эсерам, 9—к большевикам, 2—к правым эсерам, 1—к меньшевикам. Что же касается президиума, то последний конструировался из 9 человек, из которых 3 были левые эсеры (Забицкий, Праведников, Бреусов), 3 большевика (Бабков, Воробьев, Гридин), 1 меньшевик (Каган) и в отношении двух (Денисов, Серегин) партийная принадлежность не определена.

Таким образом, на первом этапе борьбы за власть курские большевики достигли только того, что приобрели значительный удельный вес в Революционном совете, однако, большинство и руководство в нем оставалось за левыми эсерами; председатель—Забицкий и его заместитель—Праведников принадлежали к эсерам. Курская коалиция большевиков с левыми эсерами, в

¹⁾ А. Комаров, „1917 г. в Курской г.“, „Изв. Курск. губ. об-ва краеведения“ № 5 за 1927 г.

отличие от центра, во-первых, не давала большевикам полностью осуществлять мероприятия социалистической революции из-за большинства эсеров, во-вторых, она была разбавлена меньшевиками и правыми эсерами.

Что же касается совета р. и с. д., то там избрание меньшевика Аристархова председателем вновь было подтверждено в декабре месяце 1917 г. Товарищами председателя состояли—один большевик (Булгаков), другой—левый эсер (Трубицкий), а в качестве секретарей работали—один меньшевик (Каган), другой—левый эсер (Петрайтис). Следовательно, и здесь против одного большевика были 2 меньшевика плюс два левых эсера. Совет кр. д. попрежнему оставался в руках эсеров, но его влияние, с распространением советов, на местах стало быстро падать. Кстати, в данной связи необходимо отметить, что на собрании фабзавкомов и бюро профсоюзов большевики также не смогли отстоять своих политических позиций, так что профессиональные организации, высказавшись за формулу однородного социалистического правительства, поддержали оппортунистическую линию совета.

Таким образом, Революционный совет с 9 декабря стал временным органом власти в губернии. Необходимо напомнить, что объединенное заседание советов р. с. и кр. д., вопреки решению рабочей секции совета об установлении советской власти, высказалось за то, что вопрос о власти может быть решен только Учредительным собранием, а до созыва последнего всю полноту губернской власти объединенное заседание передавало Революционному совету.

Совершенно очевидно, что, пользуясь неумением курских большевиков взять власть целиком в свои руки, м. б. соглашатели отступили в порядке под прикрытием левых эсеров. Большевикам попрежнему приходилось бороться за власть теперь уже против левых эсеров, хотя формально советская власть установилась.

Организационная и политическая слабость Курской большевистской партийной организации, сказавшаяся в захвате левыми эсерами руководства в советах, при дальнейшем развитии революции чувствуется не менее остро. Левые эсеры, в силу крестьянского характера губернии и слабости большевиков, крепко держат губернские органы власти в своих руках вплоть до июля 1918 г.

На первом съезде советов, происходившем в феврале 1918 г., даже при наличии численно большой большевистской фракции, прошли все эсеровские резолюции. А насколько велика была фракция большевиков, показывают следующие цифры: из 489 делегатов губернского съезда было 206 большевиков и 35 сочувствующих им, 164—левых эсеров и 84 ч. невыясненной партийной принадлежности. Причина неуспеха большевиков на съезде лежала в слабой партийной дисциплине. По свидетельству Брян-

цевой и Маруты, на фракционных заседаниях присутствовало мало делегатов. Кроме того, „даже те депутаты, которые присутствовали на коммунистической фракции, не все выполняли фракционные постановления и нарушали дисциплину: на фракции голосовали за одно, на заседании съезда за другое“¹⁾). Неудивительно поэтому, что в сконструированный съездом „Курский совет народных комиссаров“, пришедший на смену Революционному совету, прошли опять в большинстве левые эсеры, а президиум составил из 5 эсеров, беспартийного попа Ломакина и только 2 большевиков (Булгаков и Каган²⁾).

Немногим лучше обстояло дело на втором губернском съезде советов, происходившем в мае 1918 года. Правда, среди делегатов съезда удельный вес большевиков был больше, чем на первом съезде³⁾, повестка дня, с добавлением одного вопроса от левых эсеров, была принята большевистская и даже некоторые резолюции прошли от большевистской фракции, больше того, в состав губисполкома, пришедшего на смену губернскому совету народных комиссаров, были избраны 26 коммунистов и 19 левых эсеров⁴⁾, т. е. создалось большевистское большинство. Но сделав шаг вперед, коммунисты решительной победы опять не достигли. Руководящие посты в составе губисполкома попрежнему оставались в руках левых эсеров.

Нельзя, однако, не отметить, что политическому влиянию последних был нанесен значительный ущерб, во-первых, вследствие того, что они, будучи у власти, не смогли предотвратить и организовать подавление апрельского мятежа отряда Карцева (Курск пришлось выручать из рук захвативших его бандитов, посланному из Москвы с отрядом Н. И. Подвойскому), во-вторых, вследствие заметного укрепления Курской парторганизации.

К лету 1918 года коммунисты сделали новый шаг вперед по пути завоевания влияния в массах. Этот шаг отразился в составе делегации на V Всероссийском съезде советов. Из 29 делегатов, посланных Курской губернией, было 17 большевиков, 11 левых эсеров и 1 максималист. Нашлись уезды (Белгородский, Обоянский, Н.-оскольский, Фатежский и Щигровский), которые послали в Москву только коммунистов, хотя в других—делегаты левые эсеры численно все еще уравнивали большевиков⁵⁾.

1) „Курск в революции“, стр. 55, цит. изд.

2) Там же.

3) В составе делегатов 2 съезда советов по данным мандатной комиссии было 119 ч. с реш. голосом, 118 ч. с совещ. голосом. Из них по партийности—138 большевиков, 70 левых эсеров, 30 беспартийных, 2 анархиста, 2 меньшевика, 14 максималистов, 1 пр. эсер, 3 эсера центра, 57 ч. невыясненной партийной принадлежности.

4) „Красная армия“, № 12 от 25/V 1918 г.

5) Таблица о партсоставе делегатов по уездам имеется у Брянцева и Маруты в сб. „Курск в революции“, цит. изд., стр. 68.

Несмотря на преобладание левых эсеров в руководящем губернском советском органе власти, большевики с самого начала 1918 года постепенно отбивали у м. б. демократов участок за участком. Большинство в составе р. д., точнее в рабочей секции совета р. с. и кр. д., они добились еще в декабре 1917 г. В начале 1918 г. они стали выбирать эсеров и меньшевиков из Курского узла железных дорог. В январе большевики овладели телеграфом Московско-Киево-Воронежской ж. д. через созданный 2 января т. наз. „Совет пяти“, который одним из первых во всей республике целиком взял в свои руки управление на МКВЖД, службой телеграфа, устранил от власти старых начальников, инженеров и т. п., возложив на них лишь наблюдение за технической стороной дела. Четверо из „Совета пяти“ и в том числе председатель (Смольняков) были большевиками, а пятый — левым эсером, перешедшим вскоре тоже к большевикам. В феврале 1918 г., взамен возникших еще год тому назад буржуазно-соглашательских „участковых комитетов“, на железных дорогах Курского узла был организован „Узловой ревком“, подавляющее большинство которого состояло из большевиков. В руках эсеров оставалась только населенная железнодорожниками Ямская слобода, но и здесь вскоре при перевыборах совета парторганизация большинство завоевала¹⁾. Рабочая цитадель Курска, таким образом, в течение первых месяцев 1918 г. наконец то оказалась под руководством большевиков.

С распространением советской власти по губернии крепилась партийная организация. В свою очередь, только благодаря большевикам, советы становились подлинными органами пролетарской революции. Как шло дело с переходом власти в руки советов показывают следующие исторические справки.

О Белгороде говорилось уже неоднократно. Там власть совета с большевистским большинством установилась еще во второй половине 1917 г. Во Льгове, по свидетельству Федорова, совет р. с. и кр. д. постановил, при поддержке квартировавшего там 1-го конно-артиллерийского дивизиона, взять власть еще 28 октября²⁾, но Львовский совет долгое время не принимал большевистской ориентации.

22 (9) ноября он требовал „однородного социалистического правительства“, прямо подчеркивая при этом необходимость участия в нем Чернова и Пешехонова³⁾. Давление рабоче-крестьянских масс на совет сказалось в том, что 3 ноября он принял решение о передаче земель в распоряжение земельных комитетов и об изъятии продовольственного дела из ведения продовольственных комитетов⁴⁾. Что же касается отношения совета к

1) Факты взяты из материалов Курск. истпарта „Лет. рев. борьбы“.

2) Рукопись Федорова „Льгов в революции“.

3) Материалы к хронике 1917 г. — рукопись Комарова.

4) Партархив ЦЧО, Львовский сов. р., с. и кр. д., д. № 5, л. 401, в. № 1.

уездному комиссару, то только 6 декабря 1917 г. исполком совета опубликовал обязательное постановление, в котором говорилось, что „вся власть на месте переходит совету“ и что „комиссар Временного правительства упраздняется“¹⁾. Следовательно, окончательной датой перехода во Льгове власти в руки советов нужно считать шестое декабря. Но с левыми эсерами льговским большевикам удалось справиться, как в других уездах, только к лету 1918 г.

В Дмитриеве, по примеру Курска, 16 (3) декабря 1917 г. был организован уездный революционный совет, который в январе 1918 г. ликвидировал земскую и городскую управы. Несмотря на то, что председателем ревсовета был почти все время большевик (Чубунов), большинство в совете до августа 1918 г. принадлежало левым эсерам, хотя влияние большевиков было очень сильным. В смысле названия органа власти Дмитриев следовал примеру Курска, до 21 марта называя его уревсоветом, а потом до июня уездным советом народных комиссаров²⁾.

В Грайвороне большевики победили эсеров в январе 1918 г. на уездном съезде гласных земства. Сделав доклад о положении советской республики и разгоне Учредительного собрания и разоблачив плехановцев и эсеров, они добились организации уисполкома, а земства всюду были распущены... Разбитые большевиками грайворонские эсеры потом пустились на крайнюю гнусность. Двое из них—Лохвицкий и Машков—отправились „в г. Богодухов к немецкому коменданту с просьбой о посылке отряда для занятия Грайворона“³⁾. Занятие уезда немцами затормозило в нем распространение советской власти...

В Ст. Осколе хозяином положения стал вскоре после Октября большевистский совет. Создавался там и „революционный комитет“. Ко времени I съезда советов, состоявшегося в январе 1918 г., советская власть в уезде укрепилась, а на самом съезде, по свидетельству Рождественской, господствовало „ярко-большевистское настроение“. Исполком и газета после съезда стали также большевистскими. В Рыльске после октябрьских событий солдатами был организован военно-революционный комитет, который созвал на 9 декабря уездный съезд, установивший в уезде советскую власть.

В других уездах процесс перехода власти в руки советов в той или другой форме воспроизводил приведенные примеры.

Факты говорят о том, что в некоторых уездах (Белгородский, Львовский) революционные события развивались быстрее, нежели в самом губернском городе, который лишь тормозил развитие революции в этих городах, другие же уезды следова-

¹⁾ Партархив ЦЧО, Львовский сов. р., с. и кр. д., д. № 5, л. 542, в. № 1.

²⁾ Матер. Комарова „Сов. власть в Дмитр. у.“ в „Изв. Курск. губ. о-ва краеведен.“, № 6, 1927 г.

³⁾ „Летопись рев. борьбы“ (материалы Истпарта), цит. изд.

ли Курску. Установление советской власти в них относится к концу 1917 г. Однако, всюду большевикам пришлось выдержать с левыми эсерами длительную и настойчивую борьбу. Последнее, как правило, либо сохраняли за собой руководящее положение в советах вплоть до июля 1918 г., либо уравнивали влияние большевиков. Нет сомнения, если бы в губернском городе подлинная советская власть установилась с Октябрьских дней, процесс революционного преобразования губерний не затянулся бы так долго.

Основные причины такой затяжки лежат: во первых, в том, что до революции реакционная администрация Маркова 2-го крепко держала весь аппарат власти в своих руках, так что период с февраля по октябрь пошел на борьбу с черносотенскими элементами; во вторых, крестьянский характер губернии, малочисленность и распыленность пролетариата создали условия глубокого эсеровского и меньшевистского засилия в демократических организациях, с одной стороны, и затрудняли численный рост и влияние большевистской организации—с другой; наконец, в-третьих, ряд грубых оппортунистических ошибок со стороны самих большевиков (слишком поздний выход из объединенной организации, участие в „Комитете спасения“ и т. д.) и вообще недостаточно решительная тактика их в борьбе с мелкобуржуазными демократами не способствовали как быстрому организационному и политическому укреплению самой организации, так и быстрому повышению ее влияния в массах.

Процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую на территориальном участке Курской губернии, таким образом, крайне затянулся, в связи с поздним распространением советской власти. И даже тогда, когда советы возникли, а правые эсеры и меньшевики были разгромлены, советы оставались далекими от закрепления всех завоеваний Октября, ибо руководящие советами левые эсеры не были способны на решительное проведение практических мероприятий пролетарской революции. Правда, под давлением рабочих и беднейших крестьян и их политических выразителей—большевиков, они вынуждены были реализовать декрет о земле, конфисковать некоторые предприятия, принимать меры к борьбе с контрреволюцией и т. д., но только потому, что диктатура пролетариата, существовавшая во всей стране, делала все эти мероприятия объективно необходимыми. Однако, как только социалистическая революция подошла к коренному изменению общественных отношений не только в городе, но и в деревне, мелкобуржуазная природа левых эсеров поставила их против закрепления Октябрьских завоеваний.

Левозэсеровский мятеж в Москве сигнализировал превращение левых эсеров из партии, воспринявшей Октябрьскую революцию, в партию контрреволюционную. Он воочию обнаружил, что левые эсеры могли защищать в сложной социалистической

революции лишь те элементы, которые были связаны с завершением революции буржуазно-демократической. Вот почему, если их разногласия с большевиками по вопросу о Брестском мире еще не приводили к полному разрыву с советской властью, то декрет об организации комитетов бедноты, долженствующих послужить орудием социалистической революции непосредственно в деревне, положил конец коалиции большевиков с левыми эсерами. Последние, выражая кулацкое сопротивление пролетарской революции, выступили против диктатуры рабочего класса с оружием в руках.

III Всероссийский съезд левых эсеров, происходивший в начале июля 1918 г., сформулировал полностью платформу борьбы против советской власти и призвал всех членов своей партии „к напряжению всех сил“ для осуществления этой платформы. Этой платформой было: борьба против Брестского мира, срыв его во что бы то ни стало, борьба против централизма, против расстрелов контрреволюционеров, против организации комбедов, наконец, борьба за то, чтобы крестьянство вообще обладало „равной политической властью с пролетариатом“ (из резолюций¹⁾). Нет нужды расшифровывать, что борьба за равную для крестьянства политическую власть с пролетариатом означала линию на ликвидацию диктатуры рабочего класса; срыв Брестского мира поставил бы под угрозу существование Советской республики, отмена расстрелов для контрреволюционеров усилила бы силы контрреволюции, ликвидация централизма породила бы буржуазные и мелкобуржуазные самостийные тенденции, отказ от комбедов был бы равносителен отказу от борьбы с кулачеством в деревне, а все вместе взятое означало полный отказ от социалистической революции.

Совершенно ясно, что партия, защищавшая подобные взгляды, должна была быть бесповоротно изгнана из всех правительственных учреждений. Но эсеры, вставшие на путь антисоветского террора (убийство германского посла Мирбаха) и прямого вооруженного восстания во время V Всероссийского съезда советов, заставили не только изгнать их отовсюду, но и обрушить на них все необходимые средства пролетарской диктатуры. Вот почему руководящая часть левоэсеровской партии была арестована.

Курские левые эсеры после восстания в Москве, подобно своим московским единомышленникам, были изгнаны со всех руководящих постов. Само собой разумеется, что дело без борьбы не обошлось. Их газеты, среди них прежде всего „Курская жизнь“, все время поливали грязью большевиков вплоть до того, что ответственность за восстание сваливали на коммунистическую партию. Газеты пытались доказать, что левые эсеры поль-

¹⁾ Резолюция III съезда л. эсеров. Цитирую по „Курской жизни“, № 134, от 5-VII 1918 г.

зуются сочувствием народных масс, и хныкали по поводу, якобы, „самодержавия“ одной большевистской партии.

В ответ на активную защиту курскими левыми эсерами московского мятежа, „Курская жизнь“ 9 июля была закрыта и один из ее редакторов (Трубицкий) арестован. Накануне закрытия газеты приказом Орловского окрвоенкома в Курской губернии было введено осадное положение. На созванном 9 июля заседании губисполкома левые эсеры, в качестве основного вопроса боя, избрали вопрос о введении осадного положения. В докладе Забицкого и горячих прениях по докладу они обнаружили свой панический страх перед осадным положением. И немудрено: последнее не давало им возможности последовать примеру москвичей и попытаться устроить какую-либо авантюру. Эсеры настойчиво требовали отмены осадного положения.

На этот раз большевики дали им достойный отпор. В результате бурных прений были внесены две резолюции—одна левоэсеровская, другая большевистская.

„Ввиду того,—гласила первая резолюция,—что осадное положение было введено без санкции советской власти,—губернский исполнительный комитет постановил: осадное положение снять, а вопрос о его введении поставить на повестку ближайшего заседания. В связи с этим арест т. Трубицкого считать незаконным и аннулированным и привлечь к ответственности т. Фридлянда, осуществившего этот арест“.

„Принимая во внимание,—писали в своей резолюции большевики,—возможность явно контрреволюционных выступлений как в г. Курске, так и губернии, так и на фронте, и считая международное положение Российской федеративной советской республики в связи с московскими событиями чрезвычайно осложнившимся, Курский губисполком признает осадное положение необходимым в губернии впредь до выяснения истинного настроения и полной ликвидации московского восстания“¹⁾.

При голосовании губисполком впервые за все свое существование большинством 21 голоса против 17 принял большевистскую резолюцию по текущему моменту.

Достигнутое большинство большевики немедленно реализовали и в других вопросах. На этом же заседании, вместо эсера Забицкого, председателем губисполкома был избран большевик Рындич, переизбрали и губпродкомиссара. Руководство продовольственным делом в губернии взял большевик Воробьев, вместо эсера Филиппова. Через неделю постановлением президиума губисполкома сняты были и другие заведующие отделами принадлежавшие к эсеровской партии.

Вслед за изгнанием левых эсеров с руководящих постов в губернских учреждениях, в течение июля и августа коммунисты

¹⁾ Обе резолюции цитирую целиком по газ. „Голос революции“, № 2 от 12-VII 1918 г.

стали единственными руководителями и в уездных городах. Только во второй половине 1918 года, следовательно, в Курской губернии большевики окончательно решили проблему власти, а губернский и уездные советы стали подлинным орудием социалистической революции.

Тот факт, что за партию, которая имела до того в советах губернии огромное влияние, не поднялось никакого общественного движения, свидетельствовал о полном ее политическом банкротстве.

В окончательном решении проблемы власти и в укреплении советов заключается основной решающий, хотя и запоздалый итог борьбы Курской парторганизации за социалистическую революцию в течение первой половины 1918 года.

2. Борьба за социалистическую революцию в деревне.

С распространением советской власти по всем уездам изучаемой губернии, за исключением территории, занятой немецко-гайдамацкими войсками, курские большевики боролись за все мероприятия социалистической революции. Преодоление политического влияния подголосков кулачества и изгнание с руководящих советских постов левых эсеров служило необходимым условием полной реализации завоеваний Октября. Вот почему в центре внимания Курской парторганизации с того момента, как правые эсеры и меньшевики были разоблачены, а по губернии начала распространяться советская форма власти, стояла задача как организация укрепления советов, так и завоевания большинства в них, ибо левые эсеры, восприняв советскую форму власти, всемерно старались выхолостить ее пролетарское содержание.

В самом деле, когда на майском чрезвычайном съезде советов большевистская фракция предложила свою резолюцию, то левые эсеры высказывались и голосовали против нее. Большинство лишь в 3 голоса эта резолюция прошла. А она формулировала необходимость: проведения принципов социализма, организации коммун, борьбы с буржуазией города и кулачеством деревни, подчинения интересов местных интересам всего пролетарского государства и т. д. Голосование против такой резолюции означало борьбу против пролетарской революции. Июльское контрреволюционное выступление левых эсеров в Москве и борьба их единомышленников с большевиками в Курске были звеньями одной и той же цепи.

Создание и укрепление советов, экспроприация крупной и средней городской буржуазии, передел земли, приобщение к управлению государством самых широких слоев рабочего класса и крестьянства, контроль над производством, как переходная мера к национализации промышленности, национализация бан-

ков и т. д., — словом все то, что диктатура рабочих и беднейших крестьян принесла с собой в той или другой мере и на территории Курской губернии уже в течение первой половины 1918 г., — все это подводило коммунистическую партию вплотную к организации борьбы за социалистическую революцию непосредственно в деревне. Специфической организационно-политической формой, послужившей орудием социалистической революции в деревне, были комитеты деревенской бедноты, которые начали организовываться на основании декрета советского правительства от 11 июня 1918 г.

Тот факт, что переделка общественных отношений в деревне, связанная с экономическим и политическим разоружением кулачества, началась только с организацией комбедов, т. е. во второй половине 1918 года (а об этом Ленин твердил неоднократно) — отнюдь не дает основания к правооппортунистическим выводам о том, что у нас в Октябре были „две революции“ (Крицман, Ярославский и др.) или что у нас было сочетание рабочего восстания с крестьянской войной (Бухарин).

Этот факт не дает основания к таким выводам по той простой причине, что решающим вопросом, определяющим социальный характер революции, является вопрос о власти. Поскольку Октябрьская революция была борьбой за диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, она (революция) имела социалистический характер, демократическая же революция завершалась „мимоходом“ (Ленин), не меняя социалистического содержания Октября, а лишь усложняя его (тезисы по аграрн. вопросу II конгресса Коминтерна). А так как главным вопросом революции был вопрос о диктатуре пролетариата, нельзя говорить о сочетании рабочего восстания с крестьянской войной, т. е. войной всего крестьянства, ибо кулачество является классовым врагом пролетарской диктатуры и борется в конечном счете не за нее, а против.

„Крестьянство в целом нас могло поддерживать в Октябре лишь постольку, поскольку мы довели до конца буржуазную революцию (Сталин „Вопросы ленинизма“). Следовательно с установлением диктатуры пролетариата революция, взятая в целом, носила пролетарский характер. Комбедовский период, послуживший исходным моментом интенсивной переделки отношений в социалистический лад, непосредственно в деревне был естественным продолжением и развитием этой пролетарской революции.

Комитеты бедноты служили специфической организационно-политической формой, позволившей поставить на борьбу против кулачества всю деревенскую бедноту под руководством рабочего класса, при „нейтрализации“ середняка. Без экономического и политического разоружения кулачества немыслима пролетарская революция. Борьба партии за комбеды, таким образом, была борьбой за социализм.

Курская парторганизация, после изгнания из советов бешено сопротивлявшихся организации комбедов левых эсеров, интенсивно развернула организационную работу по созданию бедняцких комитетов. Политическая подготовка партийной организации и проработка организационных вопросов, связанных с распространением комитетов, происходила, прежде всего, на партийных конференциях. Вопрос о комбедах стоял на 2-й губпартконференции, где как докладчик, так и выступавшие в прениях товарищи чрезвычайно много уделяли ему внимания. Обсуждался он и на уездных конференциях. Распространением декрета об организации комбедов, рассылкой инструкций и обращений по поводу них разных партийных и советских учреждений, посылкой со стороны Губкома и укомов уполномоченных по организации комитетов и непосредственным участием самих деревенских коммунистов в их организации обеспечивалась надлежащая политическая линия в деле формирования комитетов бедноты.

Партийные организации на местах не сразу поняли гигантское значение комбедов в революции. Это сказалось как в медленном распространении их по губернии, вследствие недостаточно интенсивной работы низовых парторганизаций, так и в проникновении в комитеты капиталистических элементов села. „Общее число комбедов в сентябре (т. е. через три месяца после декрета—И. К.) было 1 500, а к концу 1918 г. доходило до 2 000“¹⁾

Общее количество комитетов, организованных к концу комбедовского периода, составляет достаточно большую цифру. Она позволяет сделать вывод, что во всех селах и деревнях, за небольшим разве исключением, комбеды возникли. Это тем более вероятно потому, что значительная часть губернии была занята контрреволюционными казаками, гайдамаками и немцами, где, разумеется, не только комитеты бедноты, но и советы организоваться не могли, или же, возникнув, странствовали на колесах, не попадая в подсчет нормально работающих единиц. Но то обстоятельство, что 25% организованных комбедов (500 из 2 000) начали существовать только в конце комбедовского периода, свидетельствует о медленности их распространения. О недостаточном внимании к комбедам свидетельствовал на 2-й губпартконференции (в октябре) докладчик—губпродкомиссар Воробьев.

„Партийные организации на местах,—говорил он.—недостаточно внимательно относятся к комбедам, не стараются оберегать их от проникновения в среду бедноты кулаков и спекулянтов“²⁾.

Неудачный социальный состав комбедов там, где существующая парторганизация не смогла по-настоящему организо-

¹⁾ А. В. Шестаков. „Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма“. Воронеж, 1930 г., стр. 80.

²⁾ „Курск в революции“, стр. 64.

вать и противопоставить кулачеству бедноту, либо партийной ячейки, а подчас и одиночек-коммунистов совсем не было, сильно вредил делу борьбы с кулачеством. В качестве примера можно привести характеристику комитета д. Седмиховки (Щигровского у.), приведенную в одной курской газете.

„Комитет бедноты организован очень неудачно. Большинство из них кулаков-черносотенцев. Вместо того, чтобы заниматься учетом хлеба, комитет разрабатывает план выделки самогонки“¹⁾.

На плохое социальное качество отдельных комбедов встречается довольно много жалоб в протоколах уездных конференций со стороны докладчиков с мест. Очевидно, капиталистические элементы боролись с развертыванием социалистической революции в деревне не только путем прямого сопротивления организации комитетов бедноты и прямых антисоветских и антикомбедовских выступлений, но и путем проникновения в них с целью обезвредить антикулацкое острие комбедовской работы. Тем большая бдительность поэтому требовалась от коммунистов в деле организации бедноты.

Было бы абсолютно неправильным, разумеется, думать, что седмиховский пример имел слишком большое распространение. Нет. Подавляющее большинство комитетов бедноты было действительно оружием борьбы с кулачеством и сделало свое историческое дело. Недаром парторганизация положила все же много сил на объединение деревенского пролетариата и полупролетариата против капиталистических элементов села. Это было тем более необходимо потому, что значительная часть советов в то время еще не являлась, по признанию VI Всероссийского съезда советов, действительными органами революционной власти, т. к. кулацкое влияние в них оказывалось довольно сильным.

Нет необходимости приводить многочисленные примеры того, как уездные партийные организации на своих конференциях, собраниях и заседаниях укомов подготавливали съезды комбедов, разрабатывали повестки дня в них, выделяли выдержанных и лучших коммунистов, обычно руководителей укомов и уисполкомов для проведения этих съездов, для выступления с докладами на них и т. д. Все это входило в повседневную практику партийной работы второй половины 1918 г. Нет ни одного укома, который в той или другой мере не занимался бы вопросами, связанными с комбедовской деятельностью. Ограничимся тремя типичными примерами.

Фатежская парторганизация 6 августа выносит постановление: „Напрячь все усилия к организации комитетов деревенской бедноты, посредством которых можно улучшить дело продовольствия“. А Корочанская организация, связывая организацию комбедов с созданием по уезду партийных ячеек, даже созывает уездного „съезда коммунистов“, как сформулировано в протоколе

¹⁾ „Курская Беднота“, № 18 от 8/X 1918 г.

отложила „до тех пор, пока не установится физиономия комитетов бедноты и не создадутся ячейки по уезду“. Столь большое значение придавали корочанцы социальному лицу бедняцких организаций. Наконец, Обоянский уком, назначив на 15 сентября с'езд волостных представителей комитетов бедноты, в своем заседании разрабатывает повестку дня этого с'езда, назначает кандидатов в президиум его и тщательно устанавливает роль каждого члена укома на с'езде ¹⁾. Так же делали другие уезды.

Теснейшая связь между комитетами бедноты и партийными организациями, вытекающая из социального родства комбедов и комячеек, доходила до того, что первые часто являлись организационной базой, если можно так выразиться, возникновения партячеек в деревне. Вот, например, собрание комитетов бедноты Каменской вол. (Курского у.) постановило: „Организовать ячейку коммунистов-большевиков, причем записалось 86 человек“ ²⁾. Может быть, только пятая или десятая часть из записавшихся стала настоящими членами партии, но сам по себе факт (а такие факты встречаются неоднократно) чрезвычайно характерен. Другой пример. На Щигровском уездном с'езде К. Б., помимо доклада о текущем моменте, слушался отчет уездного комитета партии ³⁾. Эти факты могли иметь место только потому, что парторганизация чрезвычайно близко подошла к практической работе комбедов, считала их своей опорой в деревне, руководила ими, и, вследствие этого, видела в них один из источников пополнения своих рядов.

Необходимость внимательного руководства организацией и работой комитетов бедноты, а также теснейшей увязки с последними в деле развертывания собственно партрботы в деревне прямо подчеркивается в обращении ЦК партии. Призывая построить такой организационный аппарат, который охватил бы все глухие углы Советской республики, обращение указывало:

„Комитеты бедноты, организация которых шла и идет всецело под руководством членов нашей партии, могут послужить первичной ячейкой для создания более широких организаций. (Подчеркн. мною—И. К.). Необходимо добиться того, чтобы в каждой волости иметь достаточно надежного партийного товарища, тесно связанного с ближайшим партийным центром (уездным, городским, губернским), такой товарищ будет руководить всей партийной работой в своем районе на основе получаемых им директив“ ⁴⁾.

В свете процитированной вполне своевременной директивы ЦК партии, тесная связь парторганизаций с комбедами, помощь первых в работе вторых, обычный контакт в проведении на

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 11 „Протоколы комитетов РКП(б)“ лл. 128, 10, 73.

²⁾ „Курская Беднота“, № 34, от 26-X-18 г.

³⁾ „Курская Беднота“, № 41, от 3-XI-18 г.

⁴⁾ Цитирую по „Курской Бедноте“, № 9, от 26-IX 1918 г.

селе всех практических мероприятий советской власти облегчали укрепление самой парторганизации в ее низовых звеньях, с одной стороны, и с другой—обеспечивали правильную политическую линию комитетов бедноты. Как правило, последние в своих резолюциях приветствовали все мероприятия диктатуры пролетариата, приветствовали вождей революции, обещали всемерную поддержку партии и т. д. В качестве типичного образца, свидетельствующего о политической физиономии подавляющего большинства комбедов, можно привести резолюцию Чермошнянского волс'езда к. б. (Курского у.).

„Всеми мерами,—решают комбедовцы,—поддерживать власть рабочих и беднейших крестьян. Всеми силами проводить в жизнь диктатуру пролетариата. Мы клянемся по призыву власти советов взять оружие и как один человек выступить вместе с рабочим классом на борьбу с мировой буржуазией. Мы немедленно повезем хлеб для нашей Красной революционной армии и для наших братьев-рабочих городов. Да здравствует мировая социальная революция! Да здравствует мировой вождь пролетариата и деревенской бедноты, т. Ленин“¹⁾.

Такая политическая установка, разумеется, не могла не сказаться в практической работе. Переходя к характеристике последней, необходимо отметить еще то обстоятельство, что в деле организации комитетов бедноты из советских органов наиболее близкое участие принимали продовольственные и военные комиссариаты. Курский губпродком даже инструкцию об организации комбедов разработал сам и 23 октября ее издал. Конечно, последняя повторяла известный декрет „об организации и снабжении бедноты“ от 11 июня, разве только на продовольственные функции к. б. губпродкомовская инструкция нажимала более сильно, чем декрет, а еще ранее, в двадцатых числах сентября, при Губпродкоме организовался подотдел комитетов бедноты. В сентябре же (13) губпродком, констатируя в резолюции по докладу губвоенкома, что „комитеты бедноты—главная опора в деле укрепления продовольственного дела на местах“, постановил: „Телеграфировать в уездкомы о переводе в их распоряжение денежных сумм на содержание комитетов бедноты по расчету 5 000 р. каждому упродкому“²⁾. Хотя переведенные суммы были крайне малы и содержание комбедов, как правило, по изучаемой губернии шло за счет местных средств и тех сумм, которые по декрету можно было удерживать в пользу комитетов (60 коп. с ссыпанного пуда хлеба и 5% со стоимости других продуктов), но факт финансирования, правда скудного, комбедов по линии продорганов является несомненным. Причину такой заинтересованности продорганов в деле развертывания и укрепления комбедовской сети Губпродком указывает сам, когда рассматривает последнюю, как „главную опору“ продовольственно-

1) „Курская Беднота“, № 28 от 19-X-18 г.

2) Рукопись С. Глебова „Советы и гр. война на территории Курского края“, стр. 22.

го дела на местах. Об этом не менее определенно говорил на 2-й губпартконференции и губпродкомиссар.

Что же касается участия в организации комбедов военкоматов, то это особенно сильно, в отличие от других территорий производящей полосы, сказывается в Курской губернии, потому что значительная часть ее находилась в полосе военных действий, вследствие чего учреждения, основной обязанностью которых было укрепление обороноспособности республики, не могли не заботиться об организационном усилении социальной базы советской власти в деревне. Зачастую военные комиссариаты сами организуют как партийные ячейки, так и комитеты бедноты. Делали они это либо путем посылки своих представителей на места, либо просто ограничивались письменными распоряжениями. Вот пример второго типа организации комбедов в Б. Жировской волости.

„Предписываю немедленно с получением сего,—писал волвоенрук председателю Хреновского сельсовета,—из среды бедного класса вашего общества избрать комитет бедноты из трех лиц и сообщить в волостной военный комиссариат имена и фамилии избранных в комитет“.

Через несколько дней, когда сельские к. б. были организованы, волвоенком созывает собрание для выборов волкомбеда.

„Предлагается вам,—пишет он 30 августа председателям сельских комитетов,—объявить всем членам комитета бедноты, чтобы они явились 1 сентября н. ст. к 8 час. утра в волость на общее собрание комитетов бедноты для избрания волостного комитета бедноты и для обсуждения других вопросов“¹⁾.

Приведенный пример не является единичным исключением. Можно по-разному расценивать целесообразность такого способа организации комбеда, но участие в этом деле военкоматов очевидно. Недаром сводки о ходе организационной работы в деревне, сведения об инструктаже комитетов и о политических настроениях на селе в большом изобилии концентрируются в делах военных комиссаров.

Партийная организация рабочего класса, кроме непосредственного участия в развертывании сети бедняцких комитетов, в качестве рычагов своего воздействия по линии советских органов использовала прежде всего аппарат продовольственных и военных комиссаров. Это было правильно и целесообразно в частности и потому, что указанные комиссариаты больше всех других насыщались партийным составом, ибо военные и продовольственные задачи представляли собой главные задачи на первых порах развития пролетарской революции в стране победившего пролетариата, в условиях усиливающейся гражданской войны.

По организационной структуре низовые курские комбеды не отличались от комитетов бедноты других губерний. Избирались они, как и всюду, на отдельных собраниях бедноты с участием

¹⁾ Курск, АОР, ф. 590, д. № 3, „Б. Жировский вол. исп. к-т“ за 1918 г.

середняков, а иногда и просто на сельских сходах. Сельские комитеты бедноты руководились волкомбедами. И те и другие, как правило, состояли из 3-5 человек. На уездной ступени комбеды руководились по советской линии упродкомами и укомбедами, а в губернии—Губпродкомом, в составе которого был подотдел комитетов бедноты. Правда, в Курском уезде, например, была сделана попытка отступления от декрета и инструкций центральной власти. Временная инструкция по организации бедноты, утвержденная 5 июля 1918 г. пленумом уисполкома, трактовала комбеды как органы специальных „союзов бедноты“ с определенными членскими взносами, дисциплинарными правилами, регулярными общими собраниями союза, которые собирает комбед и т. д.¹⁾

Союз бедноты, таким образом, по своей организационной структуре походил на профсоюз. Однако, в практике комбедовского строительства эта сложная курская инструкция не получила широкого распространения.

С возникновением комитетов бедноты начинается интенсивное развертывание социалистической революции в деревне, непосредственно в селе происходит реализация социалистических завоеваний Октября. Политическое разоружение и изоляция кулачества, завоевание на свою сторону симпатий середняка и утверждение военно-политического союза рабочего класса с трудящимся крестьянством было немыслимо без экономического разоружения кулачества, т. к. материальное благосостояние его служило основой экономического закабаления бедноты и политического влияния в деревне. Вот почему партия направила силы комбедов, которые уже сами по себе ставили бедноту в авангарде села, на экспроприацию накоплений капиталистической верхушки крестьянства.

Экономическое разоружение кулачества в Курской губернии, как и в других губерниях так называемой производящей полосы, шло по следующим основным линиям: во первых, путем изъятия продовольственных излишков в пользу государства и деревенской бедноты, во вторых, перераспределением средств производства, в третьих, путем организации товарообмена и бдительного контроля комбедов над кооперативами, в четвертых, посредством взимания чрезвычайного революционного налога и контрибуций.

Перечисленные четыре вида комбедовской деятельности не исчерпывали всего многообразия форм борьбы в деревне. Помимо них в практике комбедовской работы встречались: отбор оружия у зажиточного крестьянства, борьба со спекуляцией, борьба с производством самогона, борьба с дезертирством, забота о школах, избах-читальнях и культурно-просветительных

¹⁾ Курский ДОР, ф. № 496, д. № 18, „Казацкий ВИК“ за 1918 г., лл. 15-16 инструкция.

учреждениях, забота о безродных стариках и осиротелых детях, борьба со всякого рода контрреволюционными выступлениями, организация различных кустарных предприятий в целях обслуживания населения, организация коммун и с.-х. артелей и т. д. вплоть до разбора бракоразводных дел.

Борьба за хлеб, за перераспределение средств производства, за надлежащую организацию товарообмена и изъятие денежных накоплений из рук зажиточного крестьянства были главными формами экономического разоружения кулачества.

Путем изъятия из деревни продовольственных излишков кулачество лишалось возможности закабалить безхлебную бедноту и спекулировать хлебом в условиях тяжелого продовольственного положения. Вместе с тем пролетарские центры города вообще и Красная армия получали возможность существования и защиты Октябрьских завоеваний. Что в продовольственном отношении комбеды сыграли исключительную роль, Губпродком свидетельствовал одним признанием их „главной опорой“ в деле мобилизации продовольственных ресурсов. Но об этом красноречиво говорят и цифры. „Если за сентябрь месяц 1918 г. было отправлено из губернии только 116 261 пуд хлебных продуктов, то на 10 ноября (когда комбеды развернули свою деятельность—И. К.) поступление выражается в количестве 1 792 546 пудов, а вывезено, отпущено на потребление и воинским частям 1 340 095 пудов“¹⁾.

Агитационно-организационные отряды, сформированные из рабочих, хотя и оказали огромную помощь в деле организации бедноты, однако в отношении выкачки непосредственно продовольствия они сыграли незначительную роль. За два месяца (август и сентябрь) 29 отрядов дали всего лишь 20 000 пудов²⁾. Продовольственную проблему под руководством рабочего класса и его партии в 1918 г. решили комбеды. Им были подчинены учет хлебов, контроль за мельничными, просо-круподраночными, маслобойными предприятиями и борьба со спекуляцией и всякого рода продовольственными продуктами. Изъяв у кулака хлеб, лишив его главной материальной базы господства в деревне и маневров против пролетарского государства, комбеды накормили бедноту, рабочий класс и армию, укрепляя тем самым диктатуру пролетариата.

Путем конфискации и реквизиций рабочего скота, сельскохозяйственных машин и орудий (плуги, молотилки, жатки и т. д.), построек, амбаров и т. п., а также посредством лишения зажи-

1) Рукопись С. Глебова „Советы и гр. война на территор. Курск. края“, стр. 25-26.

2) Там же, стр. 17.

точных земельных излишков и передачи всего перечисленного в общее или единичное пользование маломощных крестьян, комитеты бедноты подрезали эксплуататорские возможности кулачества с одной стороны, с другой — хозяйственно укрепляли бедноту.

Чрезвычайный революционный налог снимал денежные накопления как городской, так и деревенской буржуазии. Правда, его взимание относится к концу комбедовского периода и к 1919 году, вследствие чего из 380 млн., приходившихся на долю Курской губернии, комбеды приняли участие в изъятии только в деревенском секторе каких-нибудь нескольких десятков миллионов рублей, зато контрибуции на всем протяжении второй половины 1918 г. они практиковали довольно часто. В результате изъятия финансовых накоплений, буржуазия не могла маневрировать ими против советского государства и ограничивала свои спекулятивные аппетиты, тогда как расстроенная годами войны финансовая система республики несколько укреплялась.

Наконец, в деле организации товарообмена роль комбедов была значительной, потому что ф.-з. товары и с.-х. инвентарь, отпускаемые пропорционально количеству вывезенных продовольственных продуктов, комитеты внутри деревни распределяли между беднотой и середняцким крестьянством. Таким образом, товарами города деревенское население снабжалось, благодаря комбедам, по классовому признаку.

Правда, в некоторых уездах продкомы не понимали всего значения бедняцких комитетов. Корочанский упродком, например, распределение товаров возлагал „не на комитеты деревенской бедноты, а на кооперативы“¹⁾, но в таких случаях первые сами стремились контролировать вторых, да и парторганизации исправляли ошибки продкомов.

Все эти мероприятия, экономически разорявшая кулачество и нивелируя деревню хозяйственно, резко дифференцировали ее политически, ибо все они своим острием были направлены против зажиточных слоев. Политическое разоружение кулачества достигалось тем, что беднота при участии середняков получала специфическую организационно-политическую форму, при помощи которой шла борьба с кулачеством даже в том случае, когда оно оказывалось в советах. В таких случаях комбеды всегда получали поддержку от партийных организаций и мнимореволюционная, левоэсеровская или „беспартийная“ шкура не спасала пролезших в совет кулаков.

Там, где деревенская буржуазия в предвидении боев с пролетарской властью пыталась сконцентрировать в своих руках оружие, комбеды также не дремали. Из всей их разнохарактер-

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 11, „Протоколы у. комитетов“ за 1918 г.

ной работы следует особо обратить внимание на борьбу с контрреволюцией. Они отбирали оружие, арестовывали и препровождали в ЧК агитаторов против советской власти, боролись с бандитизмом и т. д. Знание своих односельчан облегчало комбедовцам не только подавлять кулацкие восстания, но иногда предотвращать их. В этом отношении организованная беднота была лучшим помощником чрезвычайных комиссий.

Когда, например, в Рождественской волости после разоружения отряда Колесниченко и раздела оружия крестьянами по рукам нужно было отобрать его, то ЧК привлекла к себе на помощь комбед.

„Результаты оказались хорошими ввиду того, что комитет бедноты, натерпевшись горя от своих буржуев, соединившись с отрядом чрезвычайной комиссии, пошел по пути указывать, кто из буржуев кулаков имеет оружие“¹⁾.

Мудрено ли, в свете всей борьбы комбедов против кулачества, что сопротивление его было отчаянное. Спасая свое экономическое благосостояние и судорожно цепляясь за власть, в целях сохранения своего политического влияния в деревне, зажиточные элементы с остервенением боролись против комбедов и, в особенности, против наиболее активных работников их, а иногда сами пытались проникнуть в комитеты, чтобы выхолостить их классовое содержание.

Однако, социалистическая революция продолжала свое развитие. Пролетариат, опираясь на бедноту и парализуя неустойчивость среднего крестьянства, твердо продолжал наступление.

После ликвидации комитетов бедноты на основании решения VI Всероссийского съезда советов (XI-1918 г.), кулацкие элементы попытались было вновь поднять голову, но переизбранные, под тщательным наблюдением местных парторганизаций и комбедов, советы были уже не те, что раньше. Будучи бедняцко-середняцкими по своему составу, они были уже способны осуществить политику партии и советской власти в деревне.

Систематическая и неослабная борьба с кулачеством позволяла приступить к переделке производственной основы земледелия. Еще 3-й губернский съезд советов, заседавший в октябре, в своей резолюции по земельному вопросу перенес центр тяжести земельной политики на подготовку национализации земли и на организацию коммунистических форм хозяйства, с использованием при этом существовавших комитетов бедноты.

К первой годовщине Октября „Курская Беднота“ статьей загубземотделом Матюхина подводила первые итоги социалистической переделки сельского хозяйства. Оказалось, что налицо было уже 19 коммун с количеством душ более чем полторы тысячи²⁾.

1) „Курская Беднота“, № 14, от 3-X-18 г.

2) „Курская Беднота“, № 44, от 7/XI-18 г.

Кроме того, несколько коммун находилось в стадии организации. Правда, это количество было невелико, но если принять во внимание, что коммуны начали организовываться только тогда, когда вместо эсеров земотделами начали руководить большевики, т. е. с июля месяца, то за двухмесячный период работы достижения довольно значительны. Одновременно с коммунами парторганизация работала над созданием государственных с.-х. предприятий совхозов. „В 1918 г. было намечено к отводу 60 000 десятин 111 организуемым советским хозяйствам“. Сколько было совхозов за 1918 год—неизвестно, но к июню 1919 года они сосредотачивали уже значительное количество средств производства. „К моменту прохождения фронтов... по совхозам числилось: рабочих лошадей—650, волов—349, племенных лошадей—582, пользовательного скота: коров—217, свиней—449 и овец—725; пахотной земли 15-20 тысяч десятин, а с.-х. машин: плугов—1341, борон—1029, сеялок—258, уборочных машин—339, локомотивов—62, веялок и сортировок—109“¹). Конечно, эти фонды нельзя сравнить с тем, что имеется на территории б. Курской губ. в наше время, но по тому времени они были значительны.

Экономическое и политическое разоружение кулачества, установление военно-политического союза пролетариата со средним крестьянством, организация ряда совхозов и коммун, т. е. не только решительное наступление на капиталистические элементы, но и значительные достижения в деле организации социалистических форм земледелия—таковы решающие итоги борьбы Курской парторганизации за социалистическую революцию в деревне во второй половине 1918 года.

Эти итоги были свидетельством правильности ленинской линии коммунистической партии на укрепление плацдарма мировой революции, той самой политической линии, с которой безуспешно пытались свернуть массы левые коммунисты и троцкисты.

3. Организация масс на борьбу с контрреволюцией и вооруженную защиту Октябрьских завоеваний.

С самого начала Октябрьской революции Курская губерния была ареной ожесточенной классовой борьбы. Социалистическая революция, связанная с решительным наступлением пролетариата против буржуазии города и деревни, не могла не вызвать со стороны последней ответных контратак. Антисоветские выступления как в городах, так и селах следуют одно за другим.

Обобщая и группируя ряд таких выступлений, один из авторов сборника „Курск в революции“ Н. Семовских пишет:

¹) Рукопись С. Глебова „Советы и гр. война на территории Курского края“, стр. 36.

„С конца 1917 г. до лета и осени 1918 г. губерния переживает ряд кулацких бунтов. 27 декабря 1917 г. эсеры подняли восстание в с. Марице, разогнали совет. Через три дня восстание было ликвидировано. В Дмитриевском у. оперировал бандитский отряд Ремиева (из дезертиров—И. К.), поддерживаемый кулачеством (который—И. К.)... разгонял советы, устраивал крушения поездов и т. п. Там же кулачество, играя на слабости человеческой, сумело двинуть значительные крестьянские массы на Гламаздинский винокуренный завод... В Полозовье, Обоянского у., ночью, под руководством попа, вырезывается спящий партизанский отряд (часть партизан закопана живыми). В Ольшанке накануне Пасхи убит военком Козлов...

Воруженная борьба за власть в городах возникла позже, нежели в деревне. 11 января в Рыльске на митинге буржуазные элементы стреляли в представителей уревкома (организованного партизанами—И. К.). . . . 22 апреля—восстание в Короче (ликвидировано через неделю). В начале марта—попытка восстания в Дмитриеве... (Восстание происходит после поповского молебна и благословения, под набат, с криками: „бей жидов и коммунистов“, „долой советскую власть“ —И. К.). Позднее, Дмитриев захватывает на короткое время отряд Полянского, бывшего полицейского, объявившего себя диктатором уезда¹⁾.

К этому списку нужно прибавить еще ряд контрреволюционных выступлений: восстание в Рыльске—24 января, неоднократно налеты эсеров на корочанскую коммуну, мятеж разложившегося матросского отряда в Обояни (весной 1918 г.) с попыткой сорвать с города миллионную контрибуцию, наконец, крупное выступление отряда Карцева, который 10 апреля захватил Курск и держал его в своих руках до тех пор, пока прибывший с отрядом т. Подвойский не выбил его из города (19/IV) и не арестовал руководителей банды.

С того момента, как развернулась гражданская война, которую В. И. Ленин, как известно, датировал с майского антисоветского выступления чехо-словаков, и с приближением фронта контрреволюционные восстания на территории изучаемой губернии учащались. Коммунисты были единственной организацией и вместе с тем лучшей боевой силой, которая мобилизовала трудящихся на подавление антисоветских бунтов. Если правые эсеры прямо или косвенно сами руководили этими бунтами, то левые эсеры обнаруживали полную неспособность и растерянность в борьбе с контрреволюцией. Яснее всего растерянность последних сказалась во время захвата Курска Карцевым, когда возглавляемый Забицким губсовнарком не смог ровно ничего сделать в смысле организации сил для подавления мятежа, а пом. ком. войсками обороны Курской губернии, тоже левый эсер, Служис не придумал ничего лучшего, как открыть тюрьмы. Даже тогдашний единомышленник Забицкого и Служиса, П. Горбачев (позднее коммунист) „с грустью констатировал бессилие совета во главе с Забицким и другими, которые не могли заблаговременно ликвидировать этот бунт пьяной банды и оказались не на высоте положения“²⁾.

1) „Курск в революции“, стр. 72, цит. изд.

2) „Летопись рев. борьбы в Курск. г.“, стр. 15, цит. изд.

Для борьбы за власть и против всяких антисоветских выступлений курские коммунисты уже с конца 1917 г. стали организовывать отряды Красной гвардии.

„В Ямской организации был организован отряд Красной гвардии, куда записались все члены партии, а затем он разросся в боевой отряд. Этот отряд разоружал проходящие эшелоны враждебных советской власти отрядов, принимал участие в подавлении кулацких восстаний в деревнях“¹⁾.

В Грайвороне „подпольной группе большевиков удалось создать из добровольцев отряд Красной гвардии“, хотя „по недостатку оружия“ он не представлял большой силы, все же определенная вооруженная группа была создана²⁾.

В Дмитриевском у. было приступлено к обучению Красной гвардии и формированию партизанских отрядов после подавления мартовского восстания в городе. Курский уревсовет, по предложению большевиков, приступил к организации Курской гвардии в апреле месяце. Суджанский ревком постановил организовать красногвардейский отряд в феврале, а на Льговском сахарном заводе Красная гвардия организовалась еще в октябре 1917 г. В других местах создание вооруженной опоры пролетарской революции происходило, повидимому, также в конце 1917 г. и в первой половине 1918 года.

Всюду большевики были единственными инициаторами этой работы.

Наступление немцев в пределы ряда уездов (Белгородского, Грайворонского, Путивльского, Рыльского, Суджанского и Корюпанского) Курской губернии, обнаружившееся весной 1918 г., послужило толчком не только к более интенсивной организации Красной гвардии, но и к формированию крестьянских партизанских отрядов.

„Ответом на восстания и на наступление немцев,—пишет Семовских,—была массовая организация добровольческих красногвардейских и партизанских отрядов. В Сабынинской волости, Белгородского у., сразу же организовался отряд в 90 человек, в Фатеже—в 70 ч. Тамаровская волость послала 75 добровольцев, много добровольцев дали Шебекино, Воскресеновка и др. места. В марте-апреле массовая организация отрядов захватывает Корючанский уезд. Корюча дала на фронт в первый же раз 280 добровольцев (до 1 мая Корюча дала 600 ч.)“³⁾.

Нет необходимости описывать образцы беззаветно смелой борьбы красногвардейцев-рабочих и партизан-крестьян против немецкой оккупации и контрреволюции, т. к. это выходит за пределы темы настоящей работы. Достаточно указать, что добровольческие отряды представляли собой внушительную силу. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что курские и льговские красногвардейцы отразили 12 мая попытку немцев взять Льгов. Важнее подчеркнуть то обстоятельство, что в самих пар-

1) „Курск в революции“, стр. 66.

2) „Летопись рев. борьбы в Курской губ.“, стр. 16.

3) „Курск в революции“, стр. 73.

тизанских отрядах роль цементирующих элементов играли коммунисты и рабочие. Там, где последних не было, партизаны быстро теряли свою устойчивость.

О причинах, которые поднимали трудящееся крестьянство на борьбу против немцев, лучше всего сказать словами крестьянина П. С. Бабичева из Грайворонского у., описавшего в своих воспоминаниях характер немецко-гайдамацкой оккупации.

„В каждый дом врываются немцы,—пишет он,—и с угрозой требовали выдачи большевиков..., но их крестьяне укрывали, и немцам найти не удалось, искали по чердакам, по подвалам, но никого не нашли.

И так немцы хозяйничали у нас до самой осени. Забирали у нас масло, яйца, хлеб, хотя подчас и платили, но самую ничтожную плату по их расценке.

Вскоре нагрянули гайдамаки и началась порка крестьян. У нас сейчас же по прибытии гайдамаков прибыли в экономии удравшие до того управляющие и экононы. Последовал строгий приказ свести всех лошадей, которых крестьяне забрали весной 1918 года, некоторые крестьяне уже было продали тех лошадей на сторону. Пришлось разыскивать тех хозяев, выкупать обратно лошадей и представить их в экономию. Всех лошадей и коров свели в три дня. Гайдамаки начали избивать тех, которые принимали участие в работе комитетов и были горячими сторонниками большевиков, некоторых позамучили. Трофима Серика повесили в холодной на его ремне, Афанасия Ткача и Евдокима Стефаненко, помучивши, утопили в реке Сейме¹⁾.

Несколько длинный, зато колоритный рассказ крестьянина Бабичева показывает, что преследование большевиков и активных советских работников, которых крестьяне считали своими руководителями, форменный грабеж, а главное реставрация помещичьих отношений, вплоть до возврата отобранного из имений имущества,—вот та основа, благодаря которой бедняцкое и среднее крестьянство поднялось против немецких и украинских вооруженных гостей.

Курская парторганизация возглавила борьбу рабочего класса и крестьянства против дальнейшего вторжения немецко-гайдамацких войск. Это тем более необходимо было потому, что чрезвычайно сложные отношения Советской республики с Германией и Украиной после Брестского мира и мирных переговоров с последней требовали исключительного внимания к Южному фронту, ибо левые эсеры, как известно, всемерно стремились, в частности, на Курском фронте, спровоцировать войну с Германией и тем сорвать Брестский договор. Не вина, а беда изучаемой организации сказывалась там, где влияние коммунистов было незначительно, и партизанщина, вследствие малочисленности большевиков, принимала стихийные формы.

Лучшей формой использования добровольческих сил было включение их в регулярные части Красной армии или формирование из них целых регулярных воинских частей с порядком, дисциплиной и систематическим политическим воспитанием.

¹⁾ Центрархив, „1917 г. в деревне“, под ред. Яковлева, цит. изд., стр. 43, 44

К этому стремились большевики и небезрезультатно. В июне 1918 г. из 1-го Дмитриевского партизанского отряда выделяются 2 тысячи добровольцев, желающих служить в Красной армии, из которых формируется 4-й Курский советский пехотный полк¹⁾.

Во второй половине мая 1918 г. „из партизанских отрядов, отступивших по занятии г. Белгорода немцами на север, был сформирован 5-й Курский отдельный советский полк. Состав полка был исключительно из добровольцев, в большинстве крестьян Белгородского, Обоянского и Корочанского у. у. Курской губ. Было в нем и много украинцев, бежавших от помещичьей диктатуры Скоропадского в советские пределы“²⁾. Были и другие части, сформированные из партизан и добровольцев. Комсостав в них был преимущественно из тех же самых мест, откуда происходили красноармейцы.

Партизанские традиции долго не выветривались из таких частей; однако, усилиями коммунистов, группировавших вокруг себя наиболее сознательную часть вчерашних партизан и организовывавших импровизированные политотделы для воспитательной работы, дисциплина и социальная целеустремленность этих воинских соединений постепенно устанавливались. Только что процитированный т. Попов в своих воспоминаниях приводит два любопытных примера партизанских пережитков в известных ему полках. Когда в упоминавшемся 5-м полку стали брать с красноармейцев торжественное обещание и подписку на 6 месяцев, то, несмотря на коммунистическую агитацию, много красноармейцев не пожелали дать подписку и ушли из полка. А в соседнем 6-м Корочанском полку такого же формирования полковым советом была принята резолюция с резким протестом по поводу того, что комсостав получал жалование от 350 до 700 рублей, тогда как красноармейцам выдавалось только по 150 рублей. Резолюция была прислана с приглашением присоединиться к ней в 5-й Курский полк. Коммунистам последнего стоило больших усилий побороть эти мелкобуржуазные уравниловские тенденции.

До тех пор, пока Красная армия не приобрела четкие организационные формы, ротные советы, следственные комиссии, товарищеские суды, контрольно-хозяйственные организации, общающаяся политико-просветительная работа и другие аналогичные формы, которые организовывались коммунистами, наряду с установлением регулярных учебных занятий, были обычным средством превращения партизанских соединений в боеспособные красноармейские части. Разгоравшаяся гражданская война настойчиво требовала этого.

Кроме работы членов партии, вступивших в вооруженные отряды, велась политико-просветительная работа среди красно

1) „Курск в революции“, стр. 73.

2) Попов. „Воспоминан. о Курск. сов. полку 1918-19 гг.“ в журн. „Пролетар.“ №7, стр. 156.

армейцев как действующих частей, так и гарнизонов странствующих ревкомами, советами и военными комиссариатами. Разумеется, вся эта работа в известной мере координировалась Губкомом и уками, по большинству уездов уже возникшими во второй половине 1918 г.

Во второй половине 1918 г., когда линия фронта проходила по Курской губернии, а в тылу то и дело вспыхивали кулацкие выступления, особенно в комбедовский период, военный вопрос становится все острее и острее. Именно поэтому в документах уездных и городских парторганизаций все чаще начинают встречаться решения о военном обучении коммунистов, об организации боевых единиц и т. п. Несколько позднее встречаются и мобилизации коммунистов на фронт. 9 июня 1918 г. собрание членов партии г. Фатежа принимает предложение „об организации боевой дружины“, а 18 июля то же фатежское собрание, обсуждая вопрос об обучении коммунистов военному искусству, постановляет: „К занятиям приступить завтра же, т. е. 19 июля с.г.; все члены партии коммунистов-большевиков, свободные, должны явиться на занятия, которые должны производиться с 5 ч. до 7 часов вечера...“¹⁾ ежедневно, за исключением праздников. Вооружение коммунистов и членов к. б. было обычным явлением.

Вторая губернская партконференция специально обсуждала вопрос об организации обороны Курской губернии, чем мобилизовывалось внимание всей парторганизации к военной проблеме.

Решения губпартконференции нашли живой отклик в большинстве уездов. Местные организации отвечают на них прежде всего улучшением работы в красноармейских частях, иногда мобилизацией коммунистов и приведением всех членов партии в боевую готовность. Обоянская парторганизация, например, 27-XI-18 г. принимает решение о мобилизации коммунистов для работы в красноармейских частях.

Заслушав доклад об итогах конференции, Старооскольский уком выносит (2-XI) краткое и недвусмысленное решение: „мобилизовать всех коммунистов“²⁾. Примеру обоянцев и старооскольцев следовали и другие уезды. Правда, не все организации сразу поняли в этом отношении свои обязанности. Указать хотя бы на собрание коммунистов Новооскольского у., которое 23 сентября, вслед за своим комитетом, утвердило „письмо в Курский Губкомитет с изложением причин, по которым новооскольская организация не может послать на фронт своих коммунистов“³⁾. Только два голоса нашлись против этого недостойного письма, предложенного Цибульским. Однако, и в этой организации, ког-

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курск. губкома, д. № 11 „Протоколы уезд. комит. РКП(б)“ за 1918 г. лл. 124, 126.

²⁾ Там же, л. 192.

³⁾ Там же, л. 257.

да опасность от казацких и гайдамацких войск, в связи с вторичным занятием Лисок, усилилась, было принято 6 декабря решение об обороне и мобилизации коммунистов.

„1) Установить,—говорилось в резолюции —по всем направлениям связь посредством телефонов, разведок и контрразведок (?—И. К.).

2) Мобилизовать всех надежных коммунистов и составить боевую единицу.

3) Уведомить о создавшемся положении Курск и затребовать оружие.

4) Приготовить все нужное к эвакуации.

5) Город объявит на осадном положении.

6) Ознакомить с положением комитеты волостных ячеек“¹⁾.

Таким образом, в условиях вплотную надвинувшейся опасности, Новооскольский уком все же стал во главе обороны, разработав основные исходные моменты ее.

В общем итоге, организуя Красную гвардию, добровольческие партизанские отряды и по мере реальных сил возглавляя их, борясь за формирование из партизан регулярных частей и за повышение дисциплины и боеспособности последних, подготавливая и осуществляя оборону Курского края от нашествия немецко-гайдамацких войск и южной контрреволюции, самооблизуясь, Курская парторганизация мобилизовала трудящихся на борьбу с контрреволюцией и на вооруженную защиту Октябрьских завоеваний в начавшейся с 1918 г. гражданской войне.

Подавление внутренних восстаний обеспечивалось как правильной политикой рабочего класса и его партии, направленной на углубление пролетарской революции вообще, так и всемерным укреплением специально организованных оперативных органов по борьбе с контрреволюцией и ЧК, в частности. Передача в ЧК лучших членов партии была одной из конкретных и эффективных мер по борьбе с контрреволюцией. Эта мера облегчала мобилизацию вокруг ЧК лучших элементов рабочего класса и деревенской бедноты, с одной стороны, а с другой—давала образцы героизма и самоотверженности чекистов в борьбе с классовыми врагами пролетариата и беднейших крестьян.

Во главе Курской губЧК, организованной 5 июля 1918 г., первоначально стоял Озембловский, но последний был заменен потом значительно более энергичным работником—Каминским, членом партии с 1902 г. Неплохой личный состав был и в уездных ЧК. Партийная организация бдительно следила за всей практической работой своего детища и помогала ему; „...во главе ЧК были поставлены лучшие партийные работники,—пишет Брянцева и Марута.—Для осуществления партийного контроля были организованы контрольные комиссии из трех лиц: 2 члена от парторганизации ВКП(б) и одного члена от ЧК“²⁾. Таким путем партия стремилась обеспечить ЧК от возможного проник-

¹⁾ Партархив ЦЧО ф. Курского губкома, д. № 11 „Протоколы уезд. комитета РКП(б)“ за 1918 г., л. 258.

²⁾ „Курск в революции“, стр. 65.

новения туда разного рода авантюристически настроенных элементов и улучшить чрезвычайно ответственную чекистскую работу.

В деле мобилизации масс на борьбу с контрреволюцией немаловажную роль играли военные комиссариаты, организованные всюду от губернского центра до волости. Парторганизация энергично строила их и так же, как в ЧК, давала в военные комиссариаты наиболее квалифицированных партийных товарищей. Были даже такие случаи, когда на пост военного комиссара заведомо ставили более сильного работника, чем председатель уисполкома (Обоянь).

Организация Красной армии, проведение мобилизации среди населения, борьба с партизанщиной, бандитизмом и дезертирством—все это лежало прежде всего на плечах военных комиссаров.

Прохождение линии фронта по территории изучаемой губернии усугубляло ответственность работы военкомов. А тот факт, что Курская губерния, по словам губвоенкома Кривошеева, за 1918 г. отправила на фронт не менее 27 тысяч бойцов¹⁾ показывает, что парторганизация поняла ответственность этой работы и в основном справилась с ней. А если принять во внимание то обстоятельство, что военкоматы своим периферийным аппаратом помимо непосредственных обязанностей оказали значительную помощь в деле организации партячеек, комбедов и налаживания по губернии культпросветработы, то справедливость сделанного вывода выступает еще более отчетливо.

4. Укрепление парторганизации.

Курская партийная организация развивалась в крайне тяжелой обстановке. Отсутствие сколько-нибудь широкой пролетарской базы, немецко-гайдамацкая оккупация южных и юго-западных уездов, активная деятельность кулачества, засилье в органах власти и общественных организациях правых эсеров, меньшевиков, а затем левых эсеров, саботажи интеллигенции и т. д.—все эти условия тормозили нормальное развертывание партийной работы и уменьшали ее эффективность. В то время, как эсеры оказывали сопротивление каждому социалистическому мероприятию советской власти и вели агитацию против коммунистов, последним приходилось свои немногочисленные силы бросать и на борьбу за советы и укрепление их, и на подавление кулацких бунтов, и на ликвидацию саботажа разного рода служилых элементов (служащих, учителей, врачей и т. п.), и на мобилизацию сил для того, чтобы остановить наступление германско-гайдамацких войск, и на борьбу за хлеб и т. д. Поэтому на агитационно-пропагандистскую и организационную работу по созда-

¹⁾ „Курск в революции“, стр. 65.

нию партячек и воспитательную работу с молодыми членами партии оставалась крайне мало как сил, так и времени. Каждый вновь вступивший коммунист немедленно впрягался в разнообразную работу и в ней отшлифовывал свое коммунистическое мировоззрение.

Объединение разбросанных по губернии партийных работников, в силу чрезвычайно сложных и больших задач, стоящих перед ними в деле защиты и углубления пролетарской революции, становилось острой необходимостью уже в 1917 г. Первую попытку создать губернскую организацию курские большевики сделали незадолго до Октябрьской революции.

Но созванная осенью 1917 г. губернская конференция, вследствие того, что на нее кроме инициаторов конференции—представителей Курской губернской организации, явились только белгородские большевики, не состоялась. Пришлось провести простое совещание.

Ограничившись обсуждением текущего момента и вопроса о выборах в Учредительное собрание, представители курских и белгородских большевиков раз'ехались, не создав губернской организации, губкома избрано не было.

Несмотря на неудачу созыва губернской конференции, совещание все-таки не прошло бесследно. Оно решило выступить при выборах в Учредительное собрание с самостоятельным большевистским списком. Хотя во время выборов удалось провести лишь одного большевика (остальные все 12 человек были эсеры), но агитационная работа вокруг выборной кампании популяризировала партию, усилила консолидацию имевшихся в губернии большевистских сил и тем самым принесла значительную пользу.

Вторая попытка созвать губернскую конференцию имела полный успех. Первая губпартконференция была созвана в последних числах мая и первых числах июня 1918 года после губс'езда советов, на котором обнаружилось, что в губернии имеется ряд партийных ячеек. На ней присутствовало 16 делегатов, представлявших уже около двух тысяч членов партии ¹⁾. По тому времени это была значительная сила. Обсудив такие вопросы, как организационное строительство, о профсоюзах и продовольственный вопрос, конференция избрала первый губернский комитет в составе старых курских большевиков: Каширцева, Каминского, Рындича и др. ²⁾.

Само собой разумеется, что первая губернская партконференция имела огромное значение в истории Курской организации. Она закрепила ту организационную работу по созданию партячек по уездным городам, ж. д. станциям, заводам и крупным селам, которая проводилась разрозненно в течение первой

¹⁾ Цитированная рукопись С. Глебова.

²⁾ „Курск в революции“, стр. 55.

половины 1918 г. Она послужила толчком к созданию новых портячек, объединила разрозненные силы в губернскую организацию и положила начало планомерной партийной работы под руководством Губкома, который связал организацию с Центральным комитетом, что давало возможность неизмеримо лучше использовать концентрированный опыт всей партии, руководимой гениальным организатором и вождем ее В. И. Лениным. То, что раньше делалось от случая к случаю или только через прессу, теперь получило прочное организационное русло.

По свидетельству Брянеевой и Маруты, после конференции создаются газеты, усиливается агитационно-просветительная работа, работа по советскому строительству, выделяются специальные товарищи для руководства организацией коммунистической молодежи и т. д. Наконец, усиленная приездом с фронта старых курских социал-демократов (Рогов Ф., Бутов М., Седых и др.) и объединенная губпарторганизация противопоставила эсерам значительно большую силу, чем это было раньше. Большое значение имело также то обстоятельство, что большевики города Курска и Ямской слободы, среди которых было наибольшее рабочее ядро, с возникновением Губкома усилили свое влияние на уездные организации, состоявшие преимущественно из служащих и крестьян.

Процесс возникновения портячек по губернии происходил разнообразными путями. В некоторых местах начало организаций закладывали большевистские группы депутатов советов, в других — инициаторами были работники комбедов, или же ячейка организовывалась приезжим инструктором, а иногда местные большевики-одиночки по своей инициативе сколачивали вокруг себя группы большевистски настроенных людей, из которых вырастали партийные организации.

Приведем несколько примеров их возникновения:

В докладе Курского укома за время с 1-VI-18 г. по 1-III-19 г. так описывается возникновение уездной парторганизации:

„До 2-го уездного съезда советов р. и кр. д., т. е. до 1 июля 18 г., в Курском у. партийной работы абсолютно никакой не велось, т. к. партийных организаций не было ни по волостям, ни в самом уезде и только во время 2-го уездного съезда советов некоторые товарищи коммунисты, организовав фракцию коммунистической партии съезда, тем самым положили основание организации коммунистической партии в Курском уезде“¹⁾.

Точно так же возникла Дмитриевская уездная организация во время 5-го уездного съезда советов, происходившего в июне 1918 г.

„Коммунистическая фракция после съезда производит точную регистрацию членов, избирает уездный комитет РКП(б) и ведет дальнейшую работу по организации волостных ячеек“²⁾.

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского Губкома, д. № 11 „Протоколы уездн. к-тов РКП(б)“ за 1918 г., л. 201.

²⁾ „Летопись рев. борьбы в Курской г.“ (Материалы истпарта), цитир. изд., стр. 22.

В обоих случаях съездовские комфракции представляют собой нечто вроде первых конференций, избирающих первые уездные комитеты для развертывания дальнейшей работы. А в Обоянском у. 29 июля 1918 г. собралось организационное собрание по инициативе работников уисполкома.

„По инициативе,—пишется в протоколе,—Обоянского уездного исполнительного комитета, в здании, занимаемом им, собрались товарищи, сочувствующие идеям и взглядам партии коммунистов-большевиков“.

Под руководством временно избранного председателя (Колесниченко) избирается правомочный президиум собрания; потом решается организовать дачу поручительств „за каждого члена по два члена“. Тут же все это проделали и постановили:

„Поручительство утвердить и обоянское отделение партии коммунистов-большевиков считать открытым и организованным, о чем довести до сведения Курского губернского комитета партии“¹⁾.

В заключение собрания друг за друга поручившиеся избирают комитет из 9 человек, и городская организация, примерно, через месяц утвержденная Губкомом, начала функционировать. Кстати, взаимные поручительства, повидимому, давались достаточно осторожно, т. к. некоторые товарищи из присутствовавших на собрании поручителей не нашли, а вопрос о принятии их в партию остался „открытым“.

В качестве примера возникновения сельской ячейки, можно привести собрание комитета бедноты дер. Хоремли, Б. Жировской волости, Фатежского у., от 28-X-18 г., которое, обсудив сначала вопрос об „организации партии коммунистов-большевиков“ решило его в положительном смысле и тут же избрало „президиум“ ячейки из 3 лиц.²⁾ Вслед за вопросом об организации партиячейки, комбед обсуждал обычные свои вопросы о реквизиции пшеницы, о переизбрании правления кооперативной лавки и назначении туда учетной комиссии. Сочетание таких вопросов в заседании Хоремльского комитета бедноты как нельзя лучше свидетельствует, насколько тесно рост парторганизации был связан с будничной практикой борьбы за социалистическую революцию.

Постановление о том, чтобы „организовать при волисполкоме ячейку коммунистов-большевиков“ мы читаем в протоколе Курасовского вика, Обоянского у., от 20-IX-18 г.³⁾

А на общем собрании одной пограничной дистанции Курского района 9-X-18 г. выносится решение об организации партиячейки по докладу специально присланного организатора Чебукина. В ячейку сразу входят 13 человек⁴⁾.

1) Партархив ЦЧО, ф. Курского Губкома, д. № 11 „Протоколы уездн. к-тов. РКП(б)“ за 1918 г.

2) Там же, л. 144.

3) Там же, л. 86.

4) Там же, л. 98.

Нет возможности установить, за недостатком цифровых данных, удельный вес каждого способа организации комячеек, но высказанное выше положение о разнообразных формах их возникновения на периферии подтверждается всеми приведенными конкретными иллюстрациями. Разумеется, во всех случаях инициаторами создания парторганизаций были уже более или менее сложившиеся большевики.

Хронологически процесс возникновения уездных и городских парторганизаций растянулся на целый год—с конца 1917 года по конец 1918 г. Если не считать Белгородской и Курской организаций большевиков, которые, как говорилось в первой главе, начали работу до Октябрьского переворота, последовательность возникновения уездных и городских организаций (и те и другие обычно образовывались почти одновременно) будет следующая: в декабре 1917 года оформилась Ново-оскольская парторганизация, в апреле 1918 г. была организована Фатежская, в мае возникли Тимская и Щигровская, с июля начали существовать Дмитриевская, Обоянская и Курская—уездная, с лета (точная дата не отыскана) 1918 г. существует Льговская, с августа—Старооскольская (городская организация в Ст. Осколе возникла в январе 1918 г.). В сентябре организуются ячейки в Корочанском уезде, а в октябре 1918 г. оформляется Суджанская уездная организация.

Что же касается парторганизаций Грайворонского и Путивльского уездов, то они, вследствие немецкой оккупации, долго не могли стать на ноги и оформились только в 1919 году¹⁾. Даже самая первая и крепкая из уездных—Белгородская парторганизация, возникшая еще летом 1917 г., в связи с занятием немцами уезда, была весной 1918 г. разрушена. И только 13 октября в с. Александровском при ст. Прохоровка состоялось организационное собрание белгородских коммунистов в присутствии 30 человек, на котором было решено: „Восстановить прежде существовавший Белгородский комитет РКП(б) и просить Курский Губернский комитет РКП(б) о скорейшем утверждении Белгородского комитета“²⁾... Комитет начал работать, за исключением одного человека, в старом составе.

Из приведенного хронологического перечня следует, что около половины уездных парторганизаций возникли до первой губпартконференции, а вторая половина оформилась при помощи существовавшего уже с июня 1918 г. Губкома.

Как разворачивалась сеть низовых партийных ячеек на заводах, в селах и городских учреждениях показывает следующая, составленная в выборочном порядке, таблица (см. стр. 86).

1) Время возникновения партийных организаций установлено мною по различным документам (отчеты, анкеты, организационные протоколы, протоколы партконференций, списки комячеек и т. д.), взятым из разных дел партархива Обкома ВКП(б) ЦЧО.—И. К.

2) Партархив ЦЧО, д. № 31 „Доклады Белгородского ревкома“ за 1919 г.

Время возникновения и количество низовых парторганизаций по пяти уездам Курской губернии

Уезды	1917 г.	1918 год по месяцам												Итого 1919 г.	Численность по к мом. со- став списка	Дата состав. списка	Примеч.		
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII						
Курский ¹⁾	1 ¹⁾	—	—	—	—	—	—	2	5	4	7	19	38	1967	св е д н е т —	к началу 1919 г. На 28/II 19 г.	¹⁾ Городск.		
Корочанский ²⁾	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	11	6	10	661	—	405			
Льговский ³⁾	—	—	—	—	—	1	—	—	11	12	43	2	—	1443	св е д н е т —	На 9/XII 18 г.			
Обоянский ⁴⁾	—	—	—	—	—	—	—	—	1	14	17	21	—	53	1479	45	146	На 1/II 19 г.	
Старооскольский ⁵⁾	—	¹²⁾	—	1	—	1	—	1	8	8	3	11	10	47	574	89	627	На февр. 19 г.	²⁾ Городск.
Итого по 5 уездам	1	1	—	1	—	1	—	3	29	38	81	59	20	235	6124	—	—	—	—

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского укома, д. № 27 "Списки коморганизаций" за 1919 г. Подсчитано по списку.

²⁾ " "

³⁾ " " ф. Корочанского укома, д. № 33 "Списки коморганизаций" за 1919 г. Подсчитано по списку

" " ф. Курск. губкома, д. № 6 "Личн. состав парт. организ. г. Льгова и уезда" за 1918 г., л. 5—6

Подсчитано по списку.

⁴⁾ Партархив ЦЧО, ф. Обоянского укома, д. № 13 "Списки коморганизаций" за 1918-19 г. Подсчитано по списку.

⁵⁾ " " ф. Старооскольск. укома, д. № 8 "Списки чл. Старооскольск. у. орган. РКП" за 1919 г. Подсчитано по списку.

Приведенная таблица совершенно отчетливо рисует, что основная масса низовых парторганизаций возникла в течение сентября-октября и, главным образом, ноября 1918 г. Если за первую половину этого года по всем пяти уездам организовывались отдельные единицы, да и то лишь в городах, то за указанные месяцы из 235 ячеек оформились 148, т. е. 63% организаций. Причем темп роста партячек по большинству уездов не ослабел и в декабре. В начале 1919 года бурный рост партии продолжался. Подсчет по отдельным видам ячеек показывает, что тенденции роста рабочих, военных или крестьянских ячеек, взятых в отдельности, не отличались от общей тенденции, выраженной в вышеприведенной таблице. Совершенно ясно, что нарастающая опасность, в связи с усилением гражданской войны, спланивала в парторганизации рабочие и крестьянские коммунистически настроенные элементы.

За отсутствием сводных погубернских цифровых данных, нет возможности точно установить численность Курской парторганизации. Имеющиеся в различных архивных документах цифры по отдельным уездам, к сожалению, разновременны. С другой стороны, эти данные имеются не по всем уездам. Поэтому приходится с самого начала заметить, что, сводя их, мы можем представить численность парторганизации лишь с известной степенью приближения к ее действительной численности.

Беря, в качестве условной даты—конец 1918 г. и начало 1919 г., мы получаем следующую картину: в городе Курске в декабре 1918 г. городской комитет объединял 406 членов партии, Красноармейский комитет, руководивший военными ячейками города, объединял 219 человек¹⁾; Курская уездная организация, включая Ямскую районную, в начале 1919 г. насчитывала 1967 ч. (38 ячеек); Корочанская на то же время—661 ч. (31 ячейка); Обоянская—1 479 ч. (53 ячейки); Старооскольская—574 ч. (44 ячейки), Льговская на 9-XII 18 г.—1 443 ч. (69 ячеек)²⁾; Дмитриевская уездная организация, включая городскую, на 19-XII-18 г. имела 253 члена (40 ячеек)³⁾; Тимская—на 10-1-19 г. насчитывала 2776 членов (129 ячеек)⁴⁾; Суджанская—на 20-1-19 г. состояла из 307 членов⁵⁾; Щигровская—в конце 18 г. числила 500 членов⁶⁾; Грайворонская—в начале 19 г. имела лишь 29 человек

¹⁾ Партхив ЦЧО, ф. Курского укома, д. № 7, „Списки ком. организ.“ за 1919 г.

²⁾ Откуда взяты цифры по четырем последним уездам, указано в подстроч. примечаниях к таблице о времени возникновения низовых партячек.

³⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 26 „Списки ком. ячеек и членов Дмитриевской организации“ за 1919 г.

⁴⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 4 „Списки ком. орган. Тимск. у.“ за 1918 г.

⁵⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курск. губкома, д. № 7, „Анкеты о состоянии деятельности и составе парторганизаций“.

⁶⁾ Там же.

⁷⁾ Там же.

(уезд долгое время был оккупирован¹⁾); Рыльская организация по тем же причинам, что и предыдущая, в декабре 1918 г. не выросла более 25 членов и 56 сочувствующих¹⁾.

В отношении Новооскольской и Фатежской парторганизаций в нашем распоряжении, к сожалению, имеются очень устарелые сведения, но за отсутствием других, приведем эти данные. Первая из них, Новооскольская, в сентябре 18 г. состояла из 229 членов²⁾, а вторая, Фатежская, в октябре того же года насчитывала 657 членов³⁾. По Путивльскому уезду сведений совершенно нет. Повидимому, там в 1918 году парторганизации либо совсем не существовало, либо к началу 1919 г. она только начинала складываться, ибо положение Путивльского у. было еще хуже, нежели Грайворонского и Рыльского уездов. К концу 1918 г. только что начинала вновь собираться и Белгородская, некогда самая сильная, уездная парторганизация.

При суммировании всех вышеприведенных цифр численность губпарторганизации получается равной 11 525 чел. Если же принять во внимание необходимость поправки на двухмесячный рост по Новооскольскому у., то необходимо к общей сумме прибавить, примерно, 1 000. Однако, в связи с тем, что в подсчет коммунистов по Корочанскому и Старооскольскому уездам вошли 20 ячеек, организованных в январе 1919 г., из общей суммы необходимо вычесть, примерно, 300-400 ч. (средняя численность одной ячейки по этим уездам равнялась 15-20 ч.). Наконец, приняв во внимание некоторую поправку в сторону увеличения за счет Белгородского у., мы получаем цифру 12 000-12 500 человек. Это и будет численность Курской губернской парторганизации в конце 1918 года⁴⁾.

Ближайшим резервуаром роста парторганизации были институты кандидатов, сочувствующих, или как называли последних в некоторых уездах „сотрудников“. Численность двух последних категорий весьма разнообразна. В некоторых уездах количество сочувствующих превосходило количество членов или равнялось ему, в других они составляли незначительный процент.

Вот данные о количестве кандидатов и сочувствующих по некоторым уездам в конце 1918 г. и к началу 1919 г.⁵⁾.

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курск. губкома, д. № 11 „Протоколы уезд. к-тов РКП(б)“ за 1918 г., л. 254.

²⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 25 „Списки вол. организации Новооскольск. у.“ за 1919 г.

³⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 5, „Анкеты о состоянии деятельности, составе Фатежской организации“ за 1918 г.

⁴⁾ Указанная т. Комаровым в № 5 „Изв. Курск. губ. об-ва краев.“ за 1927 г. цифра численности Курск. орган. для 18 г.—16 тысяч человек явно преувеличена.

⁵⁾ Цифры взяты по тем же документам, по которым устанавливалась численность соответствующих парторганизаций.

1) Корочанский у. канд.—сочув.	405	на	661	чл. партии
2) Обоянский	„ 45 „	146 „	1479 „	„
3) Старооскольск.	„ 89 „	627 „	574 „	„
4) Дмитриевский	„ — „	408 „	253 „	„
5) Тимский	„ — „	172 „	2776 „	„
6) Суджанский	„ 155 „	508 „	307 „	„
7) Рыльский	„ — „	56 „	25 „	„

По другим уездам цифровых данных о количестве сочувствующих и кандидатов нет. Судя по тому, что в некоторых уездах при наличии сочувствующих отсутствовали кандидаты, первые заменяли вторых, в других же и те и другие существовали одновременно.

По семи перечисленным уездам количество кандидатов и сочувствующих равнялось, примерно, половине количества членов партии (2611 на 5075).

Такое, повидимому, соотношение присуще было всей губ-парторганизации.

Всюду кандидаты и сочувствующие были лучшими помощниками членов партии. С ними велась специальная работа, созывались отдельные собрания, делались доклады. Роль сочувствующих особенно велика была в деревнях, где партийная прослойка оставалась наиболее тонкой. В советах и комбедах сочувствующие являлись относительно надежным проводником партийного влияния.

К сожалению, нет никаких данных к характеристике социального состава организации. Что же касается динамики роста, то она показывает очень быстрые темпы на всем протяжении 1918 года. В самом деле, если к концу 1917 г. Курская парторганизация не выходила за пределы сотни, то к июню—моменту первой губконференции—она выросла до 2 тысяч, к октябрю—в момент 2-й конференции организация насчитывала около 8 тысяч, а в конце 1918 г., как установлено выше, в ней было уже не менее 12 тысяч членов партии.

Наиболее быстро, как по количеству ячеек, так и по численности их, парторганизации развертывались в северных и центральных уездах Курской губернии, которые следовали за центральными губерниями Советской России. Довольно скоро (в течение июля и августа) развернулись партячейки среди железнодорожников.

Начиная с июля по август месяц 1918 г. в пределах Курской губернии были организованы ячейки: на станции Кшень в составе 10 человек, которая своими силами организовала ячейку на ст. Мармыжи, на ст. Щигры в числе 77 человек..., на ст. Поныри, Золотухино, Черемисино, на ст. Льгов II в составе 9 человек... (на ст. Дмитриев в составе до 80 членов и на ст. Зикеево в количестве 20 человек¹⁾).

¹⁾ „Курск в революции“, стр. 66, цитир. изд.

Железнодорожные рабочие, поскольку в изучаемой губернии почти не было индустриального пролетариата, служили ближайшей социальной базой партии. Организация среди них ячеек имела поэтому большое значение для всей губернской партийной организации. Однако, уже в середине 1918 г. среди железнодорожников-коммунистов наметились тенденции к некоторой изоляции от других партийных организаций. 26 августа 1918 г. состоялась 1-я конференция коммунистов-железнодорожников, на которой принимается специальное „Положение о дорожной организации коммунистов“, формулировавшее указанные тенденции. Областной комитет партии не утвердил это „положение“, как синдикалистский документ. После этого железнодорожные организации остались в обычной для всей Коммунистической партии организационной структуре. Легко преодоленные синдикалистские тенденции курских большевиков-железнодорожников представляли собой своеобразную „детскую болезнь“ роста.

Особенно трудно было строить партийную организацию в южных и юго-западных уездах губернии. Гайдамаки, немцы, а также оживленная деятельность буржуазии города и деревни, ободренной оккупантами, сильно мешали росту партии. Последнее обстоятельство создавало в этих уездах острый недостаток работников.

Только при непосредственной помощи губернского центра становилась здесь на ноги партийная и советская работа.

Типичную для этих уездов (Грайворонского, Путивльского, отчасти Белгородского) картину рисует письмо из Рыльска в Губком, написанное в декабре 1918 г.

„Вообще же о работе Рыльского городского комитета... надо сказать, что сделано слишком мало. Это объясняется прежде всего тем, что в нашем уезде партийной организации до ноября месяца не было. В ноябре месяце были организованы две ячейки: в с. Петровском и в с. Копыстичах. По переходе в г. Рыльск (очищенный от скоропачины) партийная работа стала двигаться вперед. Было организовано сперва бюро фракции, которое в декабре с развитием своей деятельности было переизбрано и составил комитет из 5 членов. В настоящее время коммунистов в городе и уезде 25 имеющих билеты, сочувствующих—56. Вообще партийная работа ведется главным образом товарищами от Губкома и Губвоенкома (подчеркнуто мною—И. К.). Работы масса. Недостаток работников и литературы сильно отражается на ходе работы. Местные коммунисты перегружены работой, занимают по три, четыре должности. Желательна была бы присылка работников от Губкомитета, а также если бы работники губернии и центра могли бы занять ответственные посты в уезде... Вообще,—прибавлял председатель комитета,—прошу обратить внимание на наш уезд и прислать лучших работников“¹⁾.

При помощи губернских партийных и советских органов дело реализации завоеваний Октября налаживалось и в этих

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курск. губкома, д. № 11 „Проток. уездн. к-тов РКП(б)“ за 1918 г., л. 254.

уездах. Крепла партийная организация, а с ней вместе и при ее непосредственном участии укреплялся советский аппарат, восстанавливавший нормальную хозяйственную деятельность. Решительная борьба с капиталистическими элементами города и деревни, являвшаяся основным условием разворачивания социалистической революции, проводилась под непосредственным руководством партийной организации пролетариата.

Предпосылкой успешного партийного руководства боями за социализм было такое построение внутрипартийной работы, которое обеспечивало бы рост политического сознания самих в массе своей молодых членов партии, укрепление партийной дисциплины, повышение влияния на беспартийные массы, что непосредственно связано с укреплением приводных ремней к этим массам—советов, профсоюзов, организации молодежи.

Прежде чем перейти к характеристике внутрипартийной работы, необходимо сказать несколько слов об организационной структуре парторганизации.

В основу построения организации была положена резолюция Московской областной конференции, предписывающая строить объединения ячеек по волостям, уездам, губерниям, областям.

„Каждая организация,—гласила резолюция областной конференции,—должна иметь выборный комитет, являющийся руководящим органом. Образуются следующие комитеты: а) сельские из трех лиц, б) волостные из трех лиц, в) уездные из 5 лиц, избранных на уездной конференции, а Губернский комитет, избранный на губернской конференции, из семи лиц; широкий состав Губернского комитета образуется из узкого и председателей уездных комитетов, причем широкий состав собирается один раз в месяц“.

Областной комитет строился, согласно этой резолюции, по образцу губернского также из 7 лиц и имел как узкий состав, так и широкий, состоящий из узкого состава и председателей губкомов, и собирался 1 раз в месяц.

Вторая курская губернская конференция, собиравшаяся в октябре 1918 г., постановила „провести в жизнь постановления областной конференции коммунистов по организационному вопросу“. А уездные организации проводили в жизнь эти решения в уездном масштабе. Львовская, например, конференция, происходившая в ноябре, постановила „со всей последовательностью проводить в жизнь постановления губернской конференции РКП по организационному вопросу“¹⁾.

Сравнительно немногочисленные комитеты, при простой оргструктуре организаций, разработанной на основе большевистских принципов демократического централизма, вполне соответствовали тому времени. Комитеты состояли из трех отделов: организационного, агитационного и секретариата. Разу-

¹⁾ Резолюции областной, губернской и львовской уездной конференции по организ. вопросу полностью перепечатаны были в протоколах последней. По этим протоколам они и цитируются здесь. Партархив ЦЧО, ф. Львовского укома, д. № 34, „Протоколы...“ за 1919 г.

меется, с ростом парторганизации и усложнением стоящих перед ней задач, усложнялась потом и оргструктура, как увеличивалось и количество членов комитетов, но для условий 1918 г. было достаточно и этого.

В некоторых уездах, в частности, Львовском, по примеру Губкома и укомов, волкомы также имели и узкий состав, избранный на волостной конференции, и широкий состав с участием председателей сельских комитетов, собиравшийся „не менее двух раз в месяц“. Два состава практиковали и укомы. Итак, комитет низовой парторганизации—то, что в наше время называется бюро партячейки, волком, уком, губком, обком—вот та лестница, которая соединяла коммуниста с штабом революции—Центральным Комитетом партии в 1918 году.

В целях большой ясности и устранения нежелательных синдикалистских установок, областная конференция в своей резолюции специально указала, что

„железнодорожные организации входят в общую схему партийного аппарата и объединения по профессиональному принципу образовывать не могут.

В красноармейских частях полковые партийные комитеты, объединяющие все ячейки полка, образуются (организуются—И. К.) в гарнизонные комитеты, которые действуют на правах районного комитета и подчиняются вообще городскому комитету“.

Ясность, таким образом, в отношении железнодорожных и военных ячеек была полная. В Курской парторганизации, после ликвидации августовской попытки железнодорожников объединяться по профессиональному признаку, отступлений от цитированной резолюции не было.

Кстати сказать, специальные, отдельные от уездных городские комитеты возникали по мере роста городских организаций. В Курске городская организация „весной 1918 г. ... была разделена на две районных организации—городскую и ямскую“¹⁾ Кроме того существовал специальный красноармейский комитет. Все три комитета непосредственно руководились Губкомом. Возникали горкомы и в некоторых уездных городах. Старооскольский уком, например, в ноябре месяце передает на обсуждение городской организации вопрос об организации горкома.

В общем итоге, организационная структура Курской парторганизации, сложившаяся на протяжении 1918 г., целиком соответствовала ее численности, стоящим перед ней задачам и обеспечивала борьбу за социалистическую революцию как в городе, так и в деревне.

Непрерывно растущая армия коммунистов и сочувствующих им во второй половине 1918 года стала безраздельным руководителем рабоче-крестьянских масс.

Вот почему не было ни одной ответственной хозяйственной или политической отрасли жизни, где бы могли не участвовать коммунисты.

¹⁾ „Курск в революции“, стр. 57, цитир. изд.

2-я Курская губернская партийная конференция, открывшаяся 25 октября 1918 г. особенно сильно повернула парторганизацию на овладение советским, хозяйственным и профсоюзным аппаратами, наряду с организацией обороны губернии от наседавшей буржуазно-помещичьей контрреволюции и интервентов. На конференции, состоявшей из 112 делегатов, представлявших, по свидетельству „Курской Бедноты“, свыше 8 тыс. членов партии, заострено было внимание и на собственно внутрипартийной работе. Если 1-я губконференция происходила еще тогда, когда большинство в руководящих советских органах было за левыми эсерами, то вторая должна была показать, что большевики одни, опираясь на пролетариат и беднейшее крестьянство, в состоянии справиться со всей административно-хозяйственно-экономической работой лучше, чем это делали показавшие свою кулацкую сущность левые эсеры.

Неудивительно поэтому, что в повестке дня конференции стояли не только доклады Губкома и о текущем моменте, даже не только общий доклад Губисполкома, но и доклады отделов последнего (продовольственного, земельного, чрезвычайной комиссии, военного и совета народного хозяйства). Конференция заслушала доклады с мест, обсудила вопрос о комитетах бедноты, об организации обороны Курской губ. и проработала организационные вопросы.

В данной связи нет необходимости подробно излагать содержание каждого вопроса, т. к. в предыдущих разделах описана конкретная работа парторганизации по линиям: советской, комбедовской, борьбы с контрреволюцией, борьбы за хлеб и т. д. Во всех этих видах работы сказались руководящие установки, как первой, так и второй губконференций.

Кстати сказать, на всех уездных конференциях за весь 1918 год все эти вопросы, которые обсуждала губпартконференция в разных вариантах, стояли многократно. Это лишний раз подчеркивает, какое огромное (по достоинству) внимание отдавала им парторганизация.

Здесь надо остановиться на том, что дала партконференция в отношении оживления внутрипартийной работы.

В резолюции по организационному вопросу, в связи с которым вставляли преимущественно проблемы внутрипартийной работы, помимо процитированного ранее пункта, говорится:

„2. Мобилизовать курских коммунистов и передать в распоряжение уездных комитетов для партийной работы.

3. Уездные комитеты назначают по числу волостей ответственных представителей на каждую волость...

4. Уездные комитеты мобилизуют местных коммунистов для партийной работы.

5. Ввести регистрацию всех ораторов, организаторов, агитаторов и инструкторов в губернском и уездных комитетах.

6. Еженедельно по воскресеньям назначать митинги по волостям по примеру Московского комитета, причем все свободные от занятий партийные и советские работники должны раз'езжать по этим митингам" ¹⁾).

Нетрудно заметить, что во всех пунктах процитированной резолюции главный упор делается на усиление партработы на низах, в частности в волостях. Для этого предписывается мобилизовать коммунистов из губернского города и выделять их в распоряжение укомов, а последние обязываются выделить прикрепленных к каждой волости для оживления организационно-агитационной работы на селе.

Вводится регистрация ораторов и организаторов и предлагается еженедельно устраивать митинги с выездами туда городских работников.

Достаточно бегло просмотреть протоколы уездных конференций за 1918 год и собраний городских парторганизаций или заседаний укомов, чтобы убедиться в том, что резолюция не была простыми словами. То и дело встречаются решения о посылке в деревню работников с именными списками посылаемых. Фатежское, например, собрание городской парторганизации посылает агитаторов для проведения волостных с'ездов. Из Обояни 1 ноября посылаются в качестве прикрепленных к волостям 11 человек, в качестве агитаторов—7 и организаторов—7 ²⁾).

Аналогичных примеров много. Нет сомнения, что для курской деревни, находившейся под сильным эсеровским влиянием, такие посылки имели огромное значение.

Что касается подготовки инструкторско-агитационных сил, то еще областная конференция предложила губкомам организовать краткосрочные курсы для их подготовки. В решении губпартконференции это решение вновь воспроизводится и не даром.

19 ноября 1918 г. в Курске Губкомом были открыты трехнедельные агитинструкторские курсы на 277 человек ³⁾ При их формировании 120 мест были даны красноармейцам, 65—рабочим и 75 мест для командированных уездами. Правда, очень кратко, но все же слушателей познакомили с основными моментами истории партии и рабочего движения, с законодательством советской власти, аграрным вопросом, организацией народного хозяйства и т. п.

Подготовкой почти трехсот агитаторов и инструкторов на губернию делалось большое дело, ибо эти люди пошли в красноармейскую казарму, на завод и в деревню. Хорошим дополнением к живому слову и общению были созданные во мно-

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Льговского укома, д. № 34 „Протоколы..“ за 1919 г.

²⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 11 „Протокол и уездн. к-тов РКП(б)“ за 1918 г., л. 102.

³⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского Губкома, д. № 22 „Агитинструк. курсов“ за 1918 г.

гих уездных городах, не говоря о губернском, большевистские газеты. В результате, если и не удавалось, может быть, проводить еженедельные митинги, то важнейшие кампании все-таки на местах обслуживались.

Кстати, Курский Губком устраивал митинги, на которых довольно часто выступали лучшие работники губернского города.

Особенно необходимы были такого рода собрания в уездных городах и селах.

Политические доклады на митингах и собраниях носили большей частью общий характер, но все же имели огромное политико-воспитательное значение не только для трудящихся вообще, но и для рядовых членов партии.

Политико-воспитательная работа была, разумеется, крайне важна хотя бы потому, что в деревнях довольно часто советы руководились людьми кулацкой ориентации, распознать и заменить которых надо было относительно политически грамотными и преданными революции людьми. Иногда господствовали „левацкие“ настроения, вроде настроений левшинской волостной ячейки, которая в своем наказе 1-й льговской упартконференции настоятельно требовала „полной реорганизации власти, как-то: волостных совета и комитета бедноты, а также и сельских советов и ком. бедноты, которые (по ее мнению.—И. К.) должны состоять исключительно лишь из коммунистов-большевиков и им сочувствующих“...¹⁾. О привлечении в советы даже бедняцких элементов крестьянства, не говоря уже о середняках, левшинская ячейка не заботилась, что не могло не принести вреда.

Чрезвычайно острым вопросом во всех низовых комитетах Курской парторганизации был вопрос о дисциплине. Борьба за дисциплину не сходит с повестки дня внутрипартийной работы. В каком состоянии была партдисциплина и какие меры борьбы за ее укрепление предпринимали, показывает ряд конкретных примеров.

На фатежском собрании коммунистов от 8 июля 1918 г. председатель комитета Правдин специально ставит только один вопрос о дисциплине.

„Сегодня,—говорил он,—как вам известно, я лично ходил ко всем членам партии, приглашая на сегодняшнее собрание и все-таки я вижу мало собравшихся... Комитет поставлен в тупик от всякой работы, потому что никто из членов партии не хочет поддерживать...“

Что вопрос о партдисциплине в Фатеже приобрел исключительную остроту, показывает решение созвать, вместо несостоявшегося, следующее собрание, которое „при всяком числе явившихся будет правомочно“.

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Льговского укома, д № 34 „Протоколы“ за 1919 г.

Несмотря на то, что „все члены собрания дали товарищеское слово и подписку верности партийной программе“¹⁾, через месяц с небольшим (15-VIII) вопрос о дисциплине в Фатеже ставится вновь, и на этот раз разрабатывается целая группа строгих правил поведения коммунистов, которые я процитирую целиком с сохранением стилистических особенностей.

„Постановили поручить комитету партии к следующему же собранию составить список всех зарегистрированных членов, с каковым являться на собрание и оглашать фамилии членов, последние должны отвечать „явился“...Опоздание допускается лишь только на 20 минут... К опоздавшим более чем на 20 минут без уважительных причин применяются репрессии, каковые выработать комитету. Непосетившие собрания один или два раза подряд представляют комитету мотивы... Не посетившие собрания три раза подряд подлежат суду всей партии. Во время собрания всеми должна соблюдаться абсолютная тишина“...²⁾.

Аналогичный примитивный „устав“ разрабатывает собрание корочанских большевиков, но тут не только к отсутствующим, но и к опоздавшим применяется такая мера, как штраф.

„Опаздывающий,—говорится в корочанских правилах,—без уважительных причин за каждый час опоздания платит 10 рублей штрафа. Каждый член партии должен быть корректен. Во время партийных собраний не должно быть ни хождений, ни перешептываний.

Каждый член партии обязан присутствовать до конца собрания, в случае необходимой отлучки, доводить до сведения комитета“³⁾.

Оказывается, Корочанской организации не помогли даже такие штрафные правила. Дело осложнилось, в связи с значительно более крупными дисциплинарными проступками, до того, что 10 декабря 1918 г. были распущены как партийная организация, так и группа сочувствующих.

В мотивировочной части резолюции о роспуске говорится, что,

„Комитет партии не понимал своих задач. Отдельные члены комитета, накладывали контрибуции на попов, производили аресты и т. д., а также членами партии оправдывались такие поступки, как избивание частных граждан при исполнении служебных обязанностей и нетрезвое поведение членов партии“⁴⁾.

Взамен совершенно справедливо распущенной организации, корочанская группа действительных большевиков построила немедленно новую.

За троекратное непосещение собраний исключение из партии встречается по протоколам довольно часто. Еще более часто во многих уездах, в качестве средства повышения партийной дисциплины, применяются денежные штрафы. Последние, несмотря на запрещение их Центральным Комитетом партии (VI-19 г.) кое-где имели место и в 1919, и в 1920 годах.

¹⁾ Партархив ЦЧО, Курского губкома, д. № 11. „Протоколы“... за 1918 г. л. 131.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

Быстро разрастаясь, парторганизация несомненно имела людей, чуждых партии, да и искренние коммунисты, не получив соответствующей закалки, были плохо дисциплинированными людьми. В качестве одного из средств партийного воспитания и борьбы со случайно попавшими в ряды компартии элементами, осенью 1918 г. возникают „суды чести“ — зародыши контрольных комиссий. Постоянный партийный „суд чести“ 6 октября избирается на партийном собрании городского и Ямского районов, 20 ноября „суд чести“ избирается Обоянской парторганизацией, 28 ноября он возникает в Корочанской парторганизации. Примерно, в это же время „суды чести“ появляются и в других уездах.

Сколько бы ни были примитивны доморощенные „уставы“ некоторых парторганизаций, отражающие молодость и неопытность их, сколько бы ни было много дисциплинированных проступков, партдисциплина и сплоченность Курской организации постепенно крепла. Правда, борьба за дисциплину занимала много ее внимания и в 1919 году, все же наиболее опасный путь гражданской войны курские большевики встретили достаточно политически и организационно зрелыми. Этот путь (борьба с Деникиным) был для них чрезвычайно серьезным экзаменом.

Косвенным показателем полного завоевания большевиками трудящихся масс губернии служит катастрофически быстрая утеря какой бы то ни было политической значимости левыми эсерами. Правда, судя по сообщениям „Курской Бедноты“, они пытались еще вести кое-какую работу из советских учреждений, вроде посылки по деревням специально подобранных уполномоченных для выполнения различных поручений и попутно агитации, а в октябре месяце в Курске создавалась организация „коммунистов-народников“, но все это были жалкие потуги гальванизировать мертвого. Любопытно, когда в с. Петровском (Курского у.) максималисты попытались созвать митинг (6-X=18 г.) и изложили на нем свою программу, то митинг принял большевистскую резолюцию¹⁾. Всякие перерегистрации членов эсеровско-максималистских групп также не помогали делу. Понявшие это председатель Курского губ. исп. комитета эсеров максималистов, П. Сошников и другой видный работник последних, И. Солнцев опубликовали в газетах 10-XI-18 г. заявление, в котором слагали с себя полномочия, осуждали левых эсеров и максималистов и просили о принятии их в РКП²⁾. Эти заявления, за которыми последовали и другие, символизировали полную победу большевиков над м. б. демократами.

Хотя на праздник первой годовщины Октября были еще расклеены кое-где контрреволюционные лозунги, вроде „долой комиссародержавие“, а биржа труда и совет профсоюзов, из-за

1) „Курская Беднота“, № 24 от 15-X-18 г.

2) „Курская Беднота“, № 46 от 10-XI-18 г.

за силия в них меньшевиков и эсеров, еще не были декорированы, м. б. партии и здесь доживали последние дни. Осенью 1918 г. в профсоюзах победа явно клонилась на сторону большевиков. На первом губернском съезде профсоюзов, собравшемся 21 ноября из 144 делегатов, 92 мандата принадлежали коммунистам, тогда как за эсерами остался один мандат, два были у анархистов, а остальные были у беспартийных¹⁾. Начиная с распорядка дня, большевики провели на съезде свои резолюции. Цитаделью меньшевиков и отчасти эсеров продолжали оставаться печатники, но эта одна точка опоры м. б. демократов не могла уже иметь большого значения.

Если большевики отвоевывали у м. б. демократов профсоюзы особенно медленно, то организация рабочей молодежи с самого начала оказалась преимущественно под влиянием большевиков. Организовавшийся в марте 1918 г. союз рабочей молодежи уже на демонстрацию 1 мая 1918 г. вывел за собой около 4 тыс. рабочей молодежи под большевистскими знаменами и лозунгами. Что Курская парторганизация принимала меры к улучшению руководства над рабочей молодежью и помогла союзу, показывают встречающиеся в ряде уездов факты прикрепления к нему для работы после первой июньской губпартконференции ряда партийных товарищей. Вскоре после оформления Ямской и городской организаций СРМ они объединились в одну—городскую.

Уход в Красную армию активных работников СРМ весной 1918 г. привел было к распаду организации, но в начале августа, перед созывом 1-го Всесоюзного (Всероссийского—И. К.) съезда СРМ, группа активистов—Ломакин, два брата Магалиф, Никулин, Лукьянов, Поливанов и др. начали работать по оформлению организации, создавая ряд новых ячеек: на машиностроительном заводе, на втором кожзаводе и т. д.²⁾. Организация была восстановлена.

Вслед за развитием Курского СРМ организовалась молодежь и в других пунктах губернии. К моменту созыва 1-й губернской конференции союзов рабочей молодежи, происходившей 23-24 октября 1918 г., существовали и были представлены на конференции следующие союзы рабочей и крестьянской молодежи:

1) Ямская районная	количество членов—120 человек	
2) Городская	— 70	„(+30 канд.)
3) Организация при Пенском сахзаводе	— 135	„
4) Союз фельдшеров учащихся	— 75	„
5) Щигровская организация СРМ	— 65	„
6) Чаплинский культпросвет крестьян. молодежи	— 220	„
7) Богоявленский союз деревенской молодежи	— 104	„
8) Родительский союз крестьян молодежи	— 70	„

Всего на конференции были представлены, таким образом, 859 человек организованной рабочей и крестьянской молодежи,

1) „Курская Беднота“, № 62 от 29-XI-18 г.

2) Анучин. „Комсомол ЦЧО в борьбе за Октябрь“, цит. изд., стр. 46.

из них 465 человек приходилось на рабочие и городские (из рабочих и учащихся) ячейки, а 394 человек на деревенские организации, еще не освободившиеся от чисто культурнических методов работы.

Обсудив вопрос о целях и задачах союза, конференция приняла решение о присоединении к Московскому союзу „III интернационал“. Этим самым Курская организация молодежи окончательно самоопределилась как коммунистическая организация. Заострив особенное внимание молодежи на борьбе с религиозными предрасудками в резолюции по вопросу о культпросветработе и обсудив вопрос об охране труда, конференция закончилась, избрав Губернский комитет СРМ. Избранные в Губком товарищи (Ломакин, Лукьянов, Ломакина, Магалиф и Поливанов) были посланы делегатами на всероссийскую конференцию¹). Таким образом, Курский СРМ оказался составной частью Коммунистического союза молодежи после того, как на первом съезде он окончательно название это принял.

Союз рабочей молодежи, принявший потом название Коммунистического союза молодежи, после первой губконференции под руководством парторганизации начал расти еще быстрее.

Этот рост союза являлся несомненным свидетельством того, что трудящаяся молодежь была готова бороться за Октябрьские завоевания и поддерживать партию пролетарской революции во всей ее многосложной работе.

По свидетельству специально выделенной для работ в СРМ старого большевика-подпольщицы Брянцовой, СРМ был лучшим помощником партии в какой бы то ни было работе.

Подытоживая главу об укреплении парторганизации, необходимо сделать такого рода общее заключение: борьбой за создание и укрепление советов, за руководство в них, изгнанием левых эсеров, борьбой за развитие комитетов бедноты, за экономическое и политическое разоружение кулачества и за решение продовольственной проблемы, беззаветной работой по организации масс на вооруженную защиту Октября, в борьбе с интервентами и помещичье-буржуазной контрреволюцией, энергичным укреплением внутренней партдисциплины и усилением внутрипартийного воспитания, наконец, борьбой за налаживание советско-хозяйственной и агитационно-пропагандистской работы, а также организацией рабочей молодежи и борьбой за руководство в профсоюзах,—всем этим Курская губпарторганизация в конкретных условиях 1918 года не только боролась за развертывание социалистической революции в городе и самых диких и кулацких углах губернии, но и подготавливала с своей стороны предпосылки победы пролетариата в гражданской войне.

¹) Перечень организаций молодежи и описание конференции в „Курской Бедноте“ № 38 от 31-X-18 г.

В связи с затянувшимся переходом власти в руки большевиков, пролетарская революция развертывалась на территории Курской губернии по сути дела только в 19-18 году, одновременно с развертыванием гражданской войны.

Борясь за углубление социалистической революции как в городе, так и деревне, Курская парторганизация на своем территориальном участке крепила складывающийся военно-политический союз пролетариата со средним крестьянством, необходимый для победы в гражданской войне.

ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

1. Состояние парторганизации в период гражданской войны.

В продолжительной и ожесточенной гражданской войне пролетариат разгромил белогвардейщину и интервентов. Его победу обусловили основные факторы: 1) правильная политика Коммунистической партии и беззаветное мужество рабочего класса, 2) помощь со стороны международного пролетариата, 3) невозможность для контрреволюции, вследствие ее классовой сущности, решить ни одного вопроса, поставленного объективным ходом истории (ни аграрного, ни национального, ни других вопросов) даже в буржуазно-демократическом смысле, 4) противоречия между империалистами-интервентами.

Правильная политика Коммунистической партии во всем ходе социалистической революции к началу гражданской войны реализовалась прежде всего в завоевании пролетариатом диктатуры и в попутном завершении буржуазно-демократических преобразований. Разрешением аграрного вопроса в интересах крестьянства и установлением подлинной демократической советской власти партия обеспечила поддержку бедняцко-средняцкой массы крестьян в деле разрушения буржуазного государственного аппарата и построения нового аппарата — пролетарского. Разрешением национального вопроса, вплоть до самоопределения наций, партия обеспечила сочувственное отношение в революции со стороны трудящихся классов многочисленных в помещичье-буржуазной России угнетенных национальностей и выбила почву из-под ног националистической контрреволюции. Решительным наступлением пролетарской диктатуры на капиталистические элементы города и деревни комбедовскими методами были созданы условия прочного союза рабочего класса со средним крестьянством, принявшего в условиях гражданской войны форму военно-политического союза. Наконец, осуществлением так называемой политики военного коммунизма партия создала не только социальные предпосылки победы над интервентами и белогвардейщиной, но и материально-хозяйственные.

Под руководством Владимира Ильича Коммунистическая партия формулировала на VIII съезде необходимость „уметь достигать соглашения со средним крестьянством“ и установила союз с ним. Вопреки возражениям остатков „левых коммунистов“,

партия привлекла и использовала опыт старых специалистов не только в хозяйственной области, но даже в военной. В целях снабжения городов и Красной армии продовольствием за весь период гражданской войны проводила продовольственную разверстку и хлебную монополию. В целях борьбы со спекуляцией и рационального снабжения деревни предметами фабрично-заводского производства, советская власть ликвидировала свободную торговлю и установила продуктообмен через государственно-кооперативные органы; партия добилась строгого централизованного распределения продуктов города и деревни через соответствующий государственный аппарат. Она добилась подчинения всей хозяйственной деятельности и транспорта страны целям обороны от классового врага и его разгрома; партия разработала на своем IX съезде единый хозяйственный план, когда наступила непродолжительная передышка в гражданской войне, и начала планомерную борьбу за восстановление хозяйства, используя при этом все физические ресурсы страны путем трудовинности. Наконец, вопреки группе демократического централизма, партия установила военно-централистические формы руководства и управления и внедрила их как в советско-хозяйственный аппарат, так и в практику партийной работы в период гражданской войны.

Политика военного коммунизма, будучи по выражению Ленина „заслугой“ партии, являлась правильным и необходимым средством при организации победы пролетариата в затянувшейся гражданской войне, а созданная и воспитанная рабочим классом Красная армия из рабочих и крестьян, под непосредственным руководством Коммунистической партии и при непосредственном участии лучших большевиков, особенно в решающих боях, осуществила разгром буржуазно-помещичьей контрреволюции, подкрепленной интервентами, на всех фронтах.

ВКП(б) являлась важнейшим субъективным фактором победы. Преодоление различных мелкобуржуазных колебаний в партии („левого коммунизма“, троцкизма, группы „демократического централизма“ и др.) было необходимым условием этой победы.

Каждый отряд партии—организатора пролетарской победы—внес свою долю беззаветной борьбы за социалистическую революцию в период вооруженной борьбы классов. Изучаемая парторганизация как на своем территориальном участке, так и во всей войне сыграла соответствующую роль. Ее роль необходимо подчеркнуть тем более потому, что территория Курской губернии в той или другой части не выходила почти из фронтовой обстановки около двух лет, вплоть до разгрома Деникина, т. е. до конца 1919 года. Она так же, как и вся партия, отдавала свои силы, на борьбу с белогвардейщиной, кулацкими восстаниями, на борьбу за хлеб, за хозяйственное восстановление, на укрепление рабоче-крестьянского союза, на руководство

массами в деле углубления пролетарской революции как в городе, так и в деревне. Период с 1918 года по 1921 год. был напряженным периодом в ее развитии и деятельности.

В предыдущей главе уже описана работа и развитие Курской парторганизации за 1918 год, когда перед ней задачи развертывания социалистической революции: борьба за власть, распространение и укрепление советов, развитие комбедов, экономическое и политическое разоружение кулачества и т. д. переплетались уже с активным участием в гражданской войне (борьба против гайдамаков и кулацкими восстаниями) непосредственно на своей территории. В такой сложной обстановке быстро росла парторганизация. В конце 1918 и в течение 1919 года она продолжала ту работу, которая велась с момента завоевания безраздельного руководства властью. Тщательно следя за классовым составом советов, в особенности, после того, как выполнившие свои задачи и начавшие перерастать в органы власти комитеты деревенской бедноты были ликвидированы, строя свои деревенские ячейки и развертывая на селе большую политико-просветительную работу, парторганизация попрежнему продолжала борьбу с кулачеством. А кулаки после ликвидации комбедов вновь пытались поднять голову. Недалеко встречаются случаи (правда, единичные) протеста деревенских ячеек против ликвидации комбедов, да и на партийных конференциях об этом определенно говорилось (Ст. Оскол).

Прочно укрепившись к 1919 году в профсоюзах и ведя за собой многочисленных рабочих, через советский аппарат, большевики руководили хозяйством губернии, дрались за революционные порядки в советских учреждениях и принимали участие в борьбе со всякого рода контрреволюционными выступлениями. Попрежнему на все более или менее ответственные участки хозяйственной, культурной и, разумеется, политической работы в городе и, в особенности, на село посылались много коммунистов. Протокольный материал всех инстанций пестрит этими вопросами. Всей работой на протяжении первой половины 1919 г., как и в 1918 году, курские большевики не только закрепляли завоевания Октября, но и готовились к решающему туру гражданской войны.

Общая политическая линия организации не расходилась с линией всей партии и ее ЦК. В частности, решения VIII съезда всей организацией от губернского центра до деревенской ячейки приняты были единодушным одобрением, не считая единичных настроений. Для примера можно процитировать резолюцию по докладу о съезде, принятую в одной из самых отсталых организаций—Корочанской.

„Заслушав доклад о VIII Всероссийском съезде Г КП(б),—говорится в ней,—объединенное собрание городского района с представителями уезда приветствует политику, принятую на партийном съезде, по отношению к среднему крестьянству и строительству Красной армии.

Собрание всеми силами и имеющимися средствами примет меры для проведения в жизнь заданий партийного съезда и выражает уверенность, что огромные массы среднего крестьянства, являясь неотъемлемым целым революционного народа, пойдут рука об руку с индустриальными рабочими по пути завоевания принципов свободы, равенства и братства. Мы все уверены в том, что наши братья рабочие и других стран проявят революционную деятельность, порвав цепи капитала, восстановив диктатуру пролетариата.

Да здравствует Российская коммунистическая партия!

Да здравствует III Коммунистический интернационал! ¹⁾

В данной связи необходимо отметить, что во всех ячейках принимались резолюции по текущему моменту, где говорится об одном — о полном присоединении к политической линии партии и всемерной поддержке практических мероприятий советской власти. Кроме того, принимаются бесчисленные резолюции с возмущением по поводу ранения Ленина, убийства Урицкого, Володарского, Либкнехта, Люксембург, резолюции с восторженными приветствиями по поводу революции в Германии и Венгрии, организации Коминтерна, с выражением готовности к дальнейшей борьбе в связи с поражением революции в Германии, Венгрии и отдельными неудачами в гражданской войне. Все это говорит о том, что организация следила за развитием революционной борьбы всего мирового пролетариата и реагировала на успехи и неудачи социалистической революции. Это несомненно расширяло политический кругозор молодых большевиков и повышало их политическую сознательность.

Для вчерашних малограмотных беспартийных рабочих и крестьян, вступивших в активную борьбу за социализм, это имело большое воспитательное значение.

Поскольку партия являлась важнейшим фактором победы рабочего класса в гражданской войне, состояние ее и, в частности, изучаемой парторганизации, имело огромное значение.

Численность Курской парторганизации на протяжении периода гражданской войны (1918-21 гг.) резко менялась.

До занятия территории белыми количество членов партии чрезвычайно быстро росло, а по освобождении оно сократилось более чем вдвое и приобрело относительно умеренный темп роста.

В начале 1919 года, по освобождении от немецкой оккупации, оформились такие отсталые уездные организации, как Грайворонская, Рыльская и Путивльская, восстановилась Белгородская.

Как росло количество коммун стов в Курской губернии, показывают следующие, хотя и неполные сравнительные цифры по уездам ²⁾.

¹⁾ Партархив ЦЧО, Ф. Корочанского укома, д. № 88, „Протоколы за 1919 г.“.

²⁾ Цифры первой колонки установлены по архиву мною, а вторая колонка — на 25-IV-19 г. — составлена по данным т. Глебова (цит. рукопись, стр. 12) с моими примечаниями в скобках — И. К.

В конце 1918 г. и в начале 1919 г. на 25-IV-19 г.

1. Курская уездн. организация	—1967 чл.—38 яч. ? чл. 63 яч.
2. Белгородская	„ „ только начала восстанавли- ваться 267 „ 74 „
3. Грайворонская	„ „ 29 „ ? „ (Сведений нет, но в февр. 1919 г. смогла уже провести уездн. конференцию)
4. Дмитриевская	„ „ 253 „ 40 „ 570 „ 95 „
5. Корочанская	„ „ 661 „ 31 „ 90 „ 29 „ (была распущена, чем и объясняется резкое уменьшение)
6. Льговская	„ „ 1443 „ 69 „ ? „ 60 „
7. Н.-Оскольская (IX-18 г.)	229 „ ? „ ? „ 29 „
8. Обоянская	„ „ 1479 „ 53 „ ? „ 84 „
9. Путивльская	„ „ не существовала ? „ 23 „
10. Рыльская	„ „ 25 „ 2 „ 100 „ 34 „
11. Ст. Оскольская	„ „ 574 „ 44 „ сведений нет
12. Суджанская	„ „ 307 „ ? „ 272 „ 30 „
13. Тимская	„ „ 2776 „ 129 „ 2800 „ 124 „
14. Фатежская (X-18 г.)	„ 657 „ ? „ 1271 „ 53 „
15. Щигровская	„ „ 500 „ ? „ 573 „ 84 „

Анализ таблицы показывает, что за четверть года по количеству ячеек почти вдвое увеличилась Курская уездная парт-организация, восстановилась Белгородская, выросла до возможности провести уездную конференцию Грайворонская, почти в два с половиной раза увеличилась Дмитриевская, более чем в полтора раза выросла Обоянская, заново возникла и выросла до 23 ячеек Путивльская, в несколько раз выросла Рыльская и вдвое увеличилась Фатежская. Восемь уездов, следовательно, имели огромное увеличение членов партии и количества ячеек, пять остались стабильными, а в одном—Корочанском—после роспуска выросла организация вновь.

Такой быстрый рост организации, свидетельствуя о растущем доверии трудящихся к партии, вместе с тем приводил к тому, что ячейки, во-первых, не успевали переварить в партийном котле вновь вступающих товарищей в подавляющем количестве из крестьян, а, во-вторых, в правящую партию проскользали иногда отдельные шкурники и авантюристы. Вот почему острота вопроса о партдисциплине не ослабевает и в 1919 и в 1920 годах.

Вопрос о росте партии начинает занимать руководящие организации все более и более. В одной из курских газет появилась в дискуссионном порядке передовая, которая даже утверждала, что „наша Коммунистическая партия, к настоящему

времени утеряла свой характер классовой рабочей, пролетарской партии" ¹). Разумеется, такая паникерская установка автора статьи ничего общего с действительностью не имела. Партия оставалась пролетарской, но усиление внутрипартийного воспитания, регулирование ее роста и тщательное выметание неустойчивого элемента было необходимо. В этом духе давали на места директивы ЦК и Губком. Последний, в частности, не только ставил перед уездными парторганизациями задачу „очищения своих рядов от лиц, компрометирующих партию своим неблагоприятным с моральной стороны поведением“, но и требовал предания суду тех, кто совершал преступления. „Исключение из партии,—говорилось в циркуляре Губкома,—предание революционному суду провинившихся коммунистов... очистит от случайно заносного элемента, пробравшегося в Коммунистическую партию“ ²).

В практической работе Губком сам подавал пример большевистской борьбы с разного рода преступлениями отдельных членов партии, недисциплинированностью и этическими проступками. В своем заседании от 20 июня 1920 г., например, он исключил из партии ряд крупных работников губернского масштаба (нач. губуголрозыска, предкомдезертир, коменданта г. Курска, завгубкоммунхозом и завгубсобесом) за допущенные ими крупные партийные проступки и даже преступления ³).

Случаи недисциплинированности и непонимания партийных задач были весьма разнообразны: то групповщина (последняя имела под собой иногда и политическую почву, как например, в Обояни, где долгое время боролась против некоторых работников укома группа б. левых эсеров, вступивших в партию), то самовольный роспуск волкомом волисполкома (Стрелецкая вол.), то уклонение от мобилизации (в ряде ячеек), то непосещение партсобраний (особенно сильно распространенное), то пьянство, то неуплата членских взносов и т. д.

Для борьбы с такими болезненными явлениями парторганизация, под руководством ЦК и Губкома, находила совершенно правильные меры: 1) тщательный просмотр вновь поступающих и ограничение рекомендательного права, 2) изучение вновь организуемых ячеек при их утверждении, 3) исключения из партии и дисциплинарные взыскания, 4) перерегистрации и периодические чистки, а иногда и роспуск целой организации (Короcha, в декабре 1918 г.). Все эти методы начали применяться в Курской парторганизации. „Тщательно просеивать и принимать в члены ячейки сочувствующих, а также и утверждать в члены партии“—специально постановляет в феврале 1919 г. собра-

¹) „Волна“, № 37 (125) от 20-II-19 г.

²) Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 21 „Циркуляры и распоряжения Губкома“ за 1920 г.

³) Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 8 „Протоколы пленума Губкома“ за 1920 г.

ние президиумов горрайона г. Курска ¹⁾. Об'единенное заседание укома и горкома в Короче после специального обсуждения тенденций роста организации (13-II-19 г.) предлагает коммунистам „рекомендовать в партию с большой осторожностью“, прекращая такое положение, когда „принятые в члены партии на прошлом собрании уже рекомендуют других, другие третьих и т. д.“. Уком дает право рекомендовать только тем товарищам, „которые пробыли в партии не менее 6 месяцев“ ²⁾.

Насколько важно было практиковавшееся изучение вновь организующихся ячеек при их утверждении, показывает факт отказа Обоянского укома (30 VI-20 г.) утвердить Березовскую ячейку, „ввиду того, что вызванные и опрошенные граждане, поименованные в протоколе... оказались дезертирами“ ³⁾.

Люди, пытавшиеся прикрыть свое дезертирство партийным билетом, разумеется, были отправлены в укомдезертир. Такие постановления, какое принял, например, Грайворонский уком в отношении 15 человек (22-VII-20 г.)—„исключить, как не подчинявшихся партийной дисциплине и не посещающих общих собраний“ ⁴⁾,—встречаются по материалам всех уездов довольно часто. Правда, встречаются еще и штрафы, как метод борьбы за партдисциплину, но они постепенно становятся все более редкими, пока совершенно не исчезают после июньского (1919 г.) указания ЦК о их недопустимости.

Приведенные документации свидетельствуют о серьезной борьбе за оздоровление партийных рядов, которая начата была Курской парторганизацией еще в 1918 году и особенно усилилась, приняв при этом правильные формы, в 1919 году.

Перерегистрация членов партии предпринималась иногда уками, не дожидаясь указаний ЦК или Губкома. Так, например, в Короче оргбюро уездной организации, после отхода из пределов уезда деникинских войск, предпринимает летучую перерегистрацию городских коммунистов, вследствие того, что в городе осели многие члены партии из южных районов. Южане для корочанцев были сомнительными коммунистами, а чтобы проверить их, они заодно провели перерегистрацию и своих старых товарищей. Любопытный пример перерегистрации, проведенной в апреле 1920 г., мы имеем во Львовском уезде.

„Уездком постановил,—записано в протоколе укома от 7-IV-20 г.,—(стилистические особенности сохраняю—И. К.) произвести строгую перерегистрацию, которую начать в г. Льгове 7 апреля по 10 апреля, а в уезде с 7 апреля по 1 мая. По рекомендации двух членов уездкома в городе, а в уезде по заключению волкома с окончательным ут-

¹⁾ „Волна“, № 37 (125) от 21-II-19 г.

²⁾ Партархив ЦЧО, ф. Корочанского укома, д. № 38 „Протоколы за 1919 г.“.

³⁾ Партархив ЦЧО, ф. Обоянского укома, д. № 14 „Прот. Обоян. укома“ за 1920 г., л. 136.

⁴⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 12/34 „Грайворонский у.“ л. 340.

верждением персонально уездкома (остаются в партии, повидимому — И. К.).

2) В наблюдение за поведением товарищей назначить дежурного в общественных местах, для чего предложить отделу народного образования предоставить одно место в народном доме.

3) Поручить секретарю выяснить, кто из товарищей не посещал субботников, и к тем применить те или другие наказания.

4) Поставить организацию на военное положение, с обязательной явкой ежедневно в 4 часа дня в уездком для регистрации¹⁾.

В данном случае уком несомненно пересолил, когда устанавливал наблюдение за коммунистами в театре, народном доме или заставлял их ежедневно приходить в уком для бесцельной бумажной записи, но забота о состоянии парторганизации, о ее боевой готовности в этом случае несомненна.

Что перерегистрация или периодическая чистка имеет огромное значение для очищения партии от случайного, наносного элемента, от использующих революционную организацию ради личных целей и идеологически чуждых партии людей, показывает факт устройства периодических чисток в ВКП(б). Эта радикальная мера была проведена и в Курской парторганизации в течение 1920 года. Когда миновала опасность нового вторжения белогвардейских войск на территорию губернии, партийная организация получила возможность более тщательно и осторожно проверить свои ряды. Перерегистрация, проходившая в масштабе всей Советской республики, подготовленная и проведенная под руководством высших органов партии, внесла большие изменения в состояние изучаемой парторганизации.

Однако, еще до перерегистрации Курская губпарторганизация вместе со всей партией прошла серьезнейшее испытание, в связи с решающими событиями на фронтах гражданской войны. В мае 1919 г. Колчак дошел до Волги, а Деникин развертывал наступление с юга, вступив в июне месяце на территорию губернии и к октябрю заняв ее целиком.

Если в борьбе с Колчаком курские коммунисты разделили исключительное напряжение всех сил со всеми большевиками Советской страны, то деникинщина обрушилась на них значительно большими испытаниями, чем на парторганизации не занятых белыми территорий.

Летом 1919 г. обозначилось сокращение как количества членов партии, так и числа ячеек. Значительная часть наиболее стойких и выдержанных коммунистов ушла на Восточный фронт и на борьбу против Деникина, а неустойчивая часть начала выходить из организации. Многие ячейки, в связи с уходом самого активного ядра на фронты и фактическим выходом из партии полусырых и неустойчивых элементов, начали распадаться. О распаде ряда партячеек сообщали уже в мае на Рыльской

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Льговского укома, д. № 29, „Протоколы за 1920 г.“, л. 79.

конференции (Амонская, Бегощенская, Касторовская волости¹⁾, в декабре на Льговской конференции (Ивановская, В.-Деревенская вол. и др.). Были отдельные случаи, когда при мобилизации из 40 человек являлось только трое. Об ослаблении ячеек и партийной работы жалобы сыпались отовсюду.

Деникинщина, по сути дела, целиком разрушила местные парторганизации. И только после освобождения губернии от белогвардейских банд заново начали восстанавливаться ячейки. Сформированные ревкомы и оргпартбюро принимались налаживать организационные связи, созывать конференции, организовывать укомы. Только после возникновения укомов на местах начинала оживать партийная работа, причем далеко не все партячейки восстанавливались.

Насколько велико было разрушение парторганизации, характеризуют данные хотя бы 4-х уездов. Если на 25-IV-19 г. в Путивльском уезде было 23 ячейки, то на 20-III-20 г. их восстановилось 19²⁾, по Суджанскому у. вместо 30 ячеек на 20-II-20 г. восстановилось только 12³⁾, по Льговскому у. из 60 ячеек к марту оказалось лишь 22⁴⁾, наконец, по Белгородскому у. вместо 74 ячеек 17-II 20 г. насчитывалось всего лишь 9 партячеек.

Таким образом, по перечисленным 4-м уездам за 2-2½ месяца работы было восстановлено только 35,6% партячеек (62 из 174). Если же принять во внимание, что численность самих ячеек тоже убавилась, становится ясно, что общее количество членов партии после деникинщины сократилось в большей пропорции, чем количество ячеек. Аналогичная картина наблюдалась и в других уездах губернии.

От ухода из партии колебавшихся элементов парторганизация, конечно, не слабела, а крепла и закалялась, но резкая убыль за счет мобилизации наиболее активных и выдержанных работников на фронт и потерь коммунистов в боях гражданской войны сильно давала себя чувствовать в ослаблении партработы на местах. Вот почему парторганизация должна была пополнить свои ряды новыми силами из рабочих и трудящихся. Для этой цели вскоре после изгнания деникинских частей из пределов губернии была проведена „партийная неделя“. Тимский, уком, например, объявил „партийную неделю“ с 1 марта 1920 г. 6 марта вынесла решение о проведении „партнедели“ Грайворонская уконференция, 29 апреля—Новооскольская. В январе 1920 г.

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Рыльского укома, д. № 39 „Протоколы партконференций“ за 1919 г.

²⁾ Партархив ЦЧО, ф. Путивльского укома, д. № 12 „Переписка“ за 1920 г.

³⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 30 „Сводки, доклады, отчеты“ за 1919-20 г.

⁴⁾ Партархив ЦЧО, ф. Льговского укома, д. № 3 „Доклады льговск. орган.“ за 1920 г. л. 3-4.

⁵⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 31, „Доклады Белгородского ревкома“.

вопрос о „партнеделе“ обсуждается в Обояни, но свирепствовавшая по уезду эпидемия тифа несколько задержала ее проведение. В других уездах „партийная неделя“ проводилась, примерно, в это же время.

Нужно сказать, что подготавливалась она, как правило, довольно тщательно. Издавались листовки, воззвания, посылались на места организаторы и агитаторы, проводились митинги и открытые партийные собрания. Будучи сама по себе средством оживления партийной работы, „неделя“ принесла с собой новый приток в партию людей, связывающих свою жизнь и работу с судьбами социалистической революции.

Но парторганизация боролась не только за количественное увеличение, но и за качественный уровень коммунистов. Вслед за „партийной неделей“ в 1920 году развернулась перерегистрация членов партии.

По данным перерегистрации 1920 г., Курская губпарторганизация состояла из 4 288 членов партии, среди которых 6,3% (269) приходилось на долю женщин. Распределение этих членов по уездам показывает таблица на стр. 125.

При средней численности уездных парторганизаций губернии в 200 человек выделяются из других прежде всего Курск с его уездом, затем Белгородский (420) и Львовский (384) уезды. Это были уезды с наибольшим удельным весом рабочих (железнодорожников и сахарников—по преимуществу), в которых парторганизации были действительно наиболее сильны.

Что же касается общего количества членов партии, оставшихся после перерегистрации, то бросается в глаза его сравнительно небольшая величина. Если к началу 1919 г. в губернии насчитывалось не менее 12 тыс. коммунистов, а весной того же года численность их доходила по самым скромным предположениям до 15-16 тыс. человек, то после перерегистрации осталось лишь 4 288 членов партии. Сокращение в 3 раза. Но это сокращение относится не только за счет перерегистрации. Выше уже говорилось, что задолго до нее деникинщина нанесла значительное разрушение парторганизации самим фактом занятия территории. Кроме того, естественно, отсеялось много баласта и много коммунистов было мобилизовано на фронты. Об удельном весе отсева за счет перерегистрации трудно судить за отсутствием цифровых данных. Однако, ясно одно, что сплоченность, устойчивость, идейная и организационная зрелость Курской парторганизации значительно возросла. Это был основной положительный итог перерегистрации.

Относительно ко всему населению удельный вес коммунистов Курской г. был вдвое ниже, чем средний удельный вес 38 губерний РСФСР (0,16% против 0,36%), но по сравнению с губерниями ЦЧО, Курская стояла на 3-м месте—ниже Орловской (0,24%), Тамбовской (0,21%) и выше Воронежской (0,11%).

Повидимому, решающую роль в этом распределении сыграла деникинщина, наиболее тяжело сказавшаяся в двух южных губерниях ЦЧО, и наибольший процент рабочих в населении в Орловской губернии, который несомненно сказался в численности ее парторганизации.

По социальному положению членов партии 32% относились к рабочим, 10% — к ремесленникам и кустарям, 28% — к крестьянам, 28% — к служащим и 2% к прочим. Процент рабочих в Курской парторганизации был также ниже общереспубликанского (без Москвы и Ленинграда) процента (32 против 40), ниже Ор-

Состав Курской парторганизации по уездам
(по перерегистрации 1920 г.¹).

Уезды	Мужчин	Женщин	Всего
1. Гор. Курск и Курский уезд . .	1242	109	1351
2. Белгородский . . .	401	19	420
3. Грайворонский . . .	211	22	233
4. Дмитриевский . . .	217	13	230
5. Корочанский . . .	97	4	101
6. Львовский . . .	367	17	384
7. Н.-Оскольский . . .	156	9	165
8. Обоянский . . .	128	5	133
9. Путивльский . . .	90	10	100
10. Рыльский . . .	142	6	125
11. Ст.-Оскольский . . .	119	6	125
12. Суджанский . . .	144	10	154
13. Тимский . . .	182	15	197
14. Фатежский . . .	250	16	266
15. Щигровский . . .	273	8	281
Итого	4019	269	4288
Среднее на уезд . . .	199	11	210

1) Секретариат ЦК РКП(б) „Материалы по статистике личн. сост. РКП“. М. 1921 г., стр. 103.

ловского (36), Тамбовского (34) и выше Воронежского (24) ¹⁾.

По стажу курские большевики распределялись так: 1% — вступили с 1905 по 1907 г., 1% — с 1908 по 1917 г., 8% — с января по октябрь 1917 г., 30% — за ноябрь, декабрь 1917 г. и за 1918 г. 14% — с января по август 1919 г., 16% — с сентября по декабрь 1919 г. и 29% — за 1920 год (1% — без указания стажа ²⁾).

Следовательно, 10% членов организации имели дооктябрьский партстаж. Они составляли основной костяк ее, по удельному весу не уступавший общереспубликанскому показателю (тоже 10%). Другой любопытный вывод заключается в том, что в 1920 году 29% членов парторганизации были молодыми коммунистами, вступившими уже после изгнания деникинцев из пределов губернии. Повидимому, значительная доля из них как раз и относится к увеличению организации за счет партнедели. Наконец, самый интересный вывод: 16% оставшихся после перерегистрации коммунистов вступили в партию в момент самой напряженной борьбы с Деникиным на территории Курской г. Это были люди, кровью спаявшие себя с рабочим классом и социалистической революцией именно в тот момент, когда шкурники и трусы, случайно получившие партбилеты, оставляли партию. Надо ли подчеркивать, что они были достаточно надежными и подлинными большевиками.

В общем же надо подчеркнуть, что по меньшей мере 70% организации уже на деле засвидетельствовали свою готовность драться за Октябрь. Это было залогом дальнейших побед курских большевиков в борьбе за укрепление пролетарской революции.

Из внепартийных политических группировок после того, как левые эсеры и максималисты потеряли всякое значение, мешали большевикам еще так называемые революционные коммунисты, которые, придя на смену эсерам, пытались продолжать борьбу последних за овладение, главным образом, деревней. Особенно серьезное значение они имели в Львовском у., где на январском (1920 г.) съезде советов „рев. коммунисты“ почти уравнивали большевиков и смогли провести 8 своих представителей в уисполком, состоявший из 20 человек. Правда, наиболее ответственные посты большевики оставили за собой и тем еще более ослабили влияние „рев. коммунистов“, но расслоить их, взять часть в партию, а другую лишить возможности проводить в жизнь свою эклектическую платформу было необходимо.

Через полгода вопрос о тактике по отношению к „революционным коммунистам“ вызвал довольно жаркую дискуссию на заседании фракции июльского съезда советов. Стало быть, влияние последних до конца не было еще устранено, но на этом заседании вопрос о „рев. коммунистах“ обсуждался в последний раз. Потеряв свое значение в Львовском у., организация „рев.

¹⁾ Секретариат ЦК РКП(б) „Материалы по статистике личн. сост. РКП“, М. 1921 г., стр. 81.

²⁾ Там же, стр. 63.

коммунистов" постепенно распалась, т. к. в других уездах губернии они никогда не приобретали сколько-нибудь заметного количества сторонников.

Курская организация комсомола разделила судьбу партийной организации во всех перипетиях гражданской войны. Тенденции ее развития совпадают с тенденциями развития партии. Так же, как и парторганизация, КСМ с начала своего возникновения начал быстро расти. Так же, как и партия, он был разрушен приходившей деникинщиной. Наконец, вслед за восстановлением парторганизаций после разгрома деникинских банд начали восстанавливаться комсомольские организации.

Нужно сказать, что парткомы и партячейки и в 1919 и в 1920 году помогали комсомолу довольно много. В протоколах Тимского, Обоянского, Сужданского, Львовского и др. укомов то и дело встречаются вопросы, связанные с работой среди молодежи. Утверждаются уставы комсомольских организаций (Суджа), выделяются для работы с молодежью специальные работники (Обоянь, Курск), даются настойчивые указания нижестоящим парткомам „оказывать всякое содействие“ организаторам КСМ (Тим) и т. п.

Сам Губком комсомола, под руководством Губкома партии развивает большую организационную работу, в особенности на протяжении 1920 года. Посылаются на места организаторы и агитаторы, даются соответствующие инструкции и контролируются итоги работы.

В результате мероприятий партийных и комсомольских руководящих органов, к моменту перехода на новую экономическую политику, Курская губернская организация КСМ имела вполне оформившиеся организации во всех уездах и известные достижения в смысле численности своего состава. (Численность комсомольской организации—см. табл. на стр. 171).

Если на 2 съезде комсомола (октябрь 1919 г.) были представлены всего 620 курских комсомольцев (Анучин, цит. брош.), то приведенная таблица показывает, что в 1921 году курский комсомол насчитывал только по 12 уездам и губернскому городу 1832 человека, а если принять во внимание численность не вошедших в таблицу Курской, Обоянской и Фатежской уездных организаций, исходя из средней численности на уезд, то смело можно считать, что в губернии было не менее 2200 комсомольцев.

Хотя комсомольская организация по своему социальному составу была преимущественно крестьянской (рабочих по происхождению вместе с городом Курском насчитывалось только 17%, а без Курска всего лишь 9,4%), тем не менее она служила большой подмогой партии, особенно, в отношении политико-просветительной работы. А тот факт, что в ней существовало довольно внушительное по тому времени партядро (вместе с кандидатами 25,5%), обеспечивал надлежащую политическую

Состав Курской организации КСМ (к осени 1921 г. ¹⁾).

Уезды	Всего	По полу		По социальн. происхожден.				По врем. вступлен. в РКСМ					Парт. ядро	
		Юнош.	Девуш.	Раб.	Кр-н	Мещан, интел.	Пр.	1917	1918	1919	1920	1921	Членов партии	Кандидатов
1. Курск-город . . .	409	340	69	123	197	67	9	—	20	28	135	187	80	58
2. Белгородск. у.	151	127	27	40	93	21	—	—	4	8	43	99	36	29
3. Грайворонский „	82	78	4	14	63	5	—	—	—	1	33	47	12	7
4. Дмитриевский „	265	258	7	сведений нет				—	—	—	34	231	12	—
5. Корочанский „	43	40	3	13	25	5	—	—	1	1	13	128	7	2
6. Львовский „	225	205	20	20	181	22	2	1	4	11	78	29	37	7
7. Н.-оскольский „	67	53	14	3	52	12	—	—	3	6	29	29	9	9
8. Путиловский „	90	83	7	—	81	9	—	—	—	—	24	65	8	9
9. Рыльский	31	29	2	6	25	—	—	—	—	2	11	17	4	—
10. Ст.-оскольский	119	104	15	17	99	3	—	3	5	10	32	67	17	9
11. Суджанский „	91	87	4	12	69	10	—	—	4	3	23	61	13	5
12. Тимский	114	96	18	5	95	13	—	—	—	—	33	81	12	5
13. Щигровский „	142	132	10	5	110	22	5	—	5	3	41	92	17	9
Итого по губернии без Курского, Фатежского и Обоянского уездов . . .	1832	1632	200	258	1091	189	16	4	46	73	528	1133	264	149
в %/о . .	100	89,1	10,9	17,0	70,0	12,0	1,0	0,2	2,6	4,1	29,6	63,5	14,4	8,1

¹⁾ Таблица составлена по данным Курского Губкома РКСМ. Партархив ЦЧО, ф. Курск. Губкома, д. № 24, „Доклады и отчеты Губполитпросвета“ за 1921 г.

направленность в комсомольской работе. Правда, комсомольская организация была очень молодая по стажу, больше 90% ее членов вступили в союз уже после деникинщины, в 1920 и 21 годах, но ведь гражданская война еще продолжалась и каждый комсомолец мог быть мобилизован организацией в любой момент.

Следовательно, эта молодежь готова была разделить любую политическую и военную трудность вместе с партией. Вот почему, описывая историю парторганизации, нельзя обойти комсомол.

Партийная организация после перерегистрации продолжала расти. По данным мандатной комиссии X съезда партии (март 1921 г.) Курская парторганизация насчитывала уже 5750 человек против 4288 ч., утвержденных членами партии при перерегистрации (+1462 ч.)

Таким образом, 5750 коммунистов и 2 с лишним тысячи комсомольцев были той силой, которая, выходя из периода гражданской войны, принималась за хозяйственное восстановление губернии, работая на передовых постах.

Организационная структура парторганизации была целиком подчинена борьбе за пролетарскую диктатуру. По мере усложнения партийных задач перестраивался и партийный аппарат. Вслед за указаниями Центрального Комитета организационные вопросы особо тщательно обсуждаются на мартовской и декабрьской губпартконференциях в 1920 году. В течение 1920 года во весь рост становятся задачи агитационно-пропагандистской массовой работы и усиления работы с крестьянством. При губкомах создаются специальные отделы по работе среди женщин и отделы по работе в деревне. Усиливается организационно-инструкторский отдел. В уколах происходят аналогичные изменения. Начинают практиковаться специальные делегатские женские собрания, организуется институт женделегаток. Вместе с тем, в целях повышения активизации трудящихся масс, вводятся специальные конференции беспартийных.

„С целью вовлечения широких рабочих масс в строительство советской власти,—говорится в резолюции V губпартконференции,—и сближения с нашей партией созываются широкие рабочие, крестьянские и красноармейские конференции“.

Эти конференции должны были созываться как в городах, так и в деревнях „не реже одного раза в три месяца“ по норме представительства, устанавливаемой „местными комитетами“¹⁾.

В том же 1920 году, по решениям мартовской губпартконференции для усиления партработы в рабочих районах „в городах и фабрично-заводских и железнодорожных районах создаются районные и подрайонные организации“ с райкомами во главе.

¹⁾ Партархив ЦЧО, россыпь.

Что же касается военных организаций, то там, в целях большей оперативной четкости и большей связи коммунистов-красноармейцев с общепартийными комитетами, созданные в 1918 году на правах райкомов гарнизонные комитеты были ликвидированы. Взамен гарнизонных комитетов выделялся специальный организатор „ответственный перед парткомом за постановку партийной работы среди Красной армии“¹⁾.

Таким образом, партийные комитеты в 1920 году приобрели следующую организационную структуру: отделы—организационно-инструкторский, агитационно-пропагандистский, по работе в деревне, по работе среди женщин, учетно-информационно-статистический, организатор по работе в Красной армии и общий отдел. В завершение всей организационной перестройки была значительно повышена роль ответственных секретарей, которые из технических работников при председателях комитетов стали полными руководителями всей партийной работы. Губком, следуя директивам ЦК, неоднократно указывал укомам на радикальную перемену роли секретарей, когда последние не сразу это понимали.

Период гражданской войны является периодом чрезвычайно интенсивной партийной работы. Достаточно указать в этом отношении на количество конференций. За 3½ года гражданской войны в Курске состоялось 8 губпартконференций, что же касается уездных—то они собирались еще чаще. По Н.-оскольскому у., например, за один 1920 год было созвано 5 „уездных съездов“ и 2 конференции, т. е. 7 уездных партийных конференций. В других уездах их было может быть и меньше, но проходили они все-таки не реже, чем раз в три месяца. Кроме того, созывались губернские и уездные совещания по специальным разделам партработы: совещания женорганизаторов, организаторов по работе в деревне, заведующих оргинстрами, ответственных секретарей парткомов и т. д.

Уже один перечень обсуждавшихся на всех этих конференциях и совещаниях вопросов указывал, где лежал центр тяжести практической партработы в тот или иной промежуток времени. Если в 1918 г. партийную организацию занимали преимущественно вопросы, связанные с советско-комбедовским строительством, то в 1919 году центр тяжести переносится на вопросы обороны страны и губернии от вторжения белогвардейщины, тогда как в 1920 году, наряду с военными вопросами все больше и больше начинают обсуждаться проблемы хозяйственного восстановления и привлечения к советскому строительству широчайших слоев трудящихся. Лишь один вопрос не теряет исключительной остроты на протяжении всего периода гражданской войны—это вопрос продовольственный.

1) Все цитаты взяты из решений V губпартконференции по организационному вопросу.

Умением своевременно поставить и разрешить самые злободневные и самые важные вопросы, выдвигаемые жизнью, Курская парторганизация, как и вся партия, руководимая Центральным Комитетом, способствовала победе рабочего класса над всякого рода врагами пролетарской диктатуры.

2. Разгром деникинщины и борьба с кулацкими выступлениями.

В конце 1918 года последние участки территории Курской губернии окончательно очистились от австро-германских войск. Испытывая на себе воздействие острой классовой борьбы, происходившей в оккупированных ими районах, при непрерывной работе среди солдат как советских, так и германских и австрийских коммунистов, оккупационные войска, несмотря на все старания командного состава, постепенно распадались на свои составные классовые элементы.

Под влиянием происшедших осенью 1918 г. революционных событий в Германии, этот распад принял чрезвычайно быстрые темпы. В связи с германской революцией, среди оккупационных войск между революционными и кайзеристскими частями на Украине начали происходить форменные сражения. Некогда дисциплинированные войсковые единицы теперь позволяли себе демонстрировать с разряженной тыквой, изображающей голову кайзера, и отказываться от выполнения приказов начальства. В других местах революционные рабочие и крестьяне, одетые в немецкое военное обмундирование, даже объявляли себя прямо коммунистами. Так сделали, например, австро-германские части, квартировавшие в Судже—одном из оккупированных уездных городов изучаемой губернии. Само собой разумеется, что революционизированные войска должны были быть отправлены внутрь Германии, что австро-германское командование, значительно утеравшее возможность управления ими, и сделало. В связи с окончательным снятием оккупации, на всей территории юго-западных уездов губернии (Грайворонского, Путивльского и др.) возникла возможность относительной мирно-организаторской работы. Однако, разгоравшаяся гражданская война через несколько месяцев вновь привела к занятию всей губернии враждебными революции войсками, на этот раз деникинскими. Да и до прихода еще деникинских белогвардейских банд, парторганизация главное внимание свое должна была обратить на решение военных задач.

Еще весной 1918 года чехо-словацкое восстание заставило партию многих коммунистов бросить на Восточный фронт. А весной 1919 года против подошедшего к Волге Колчака необходимо было сосредоточить такие силы, которые должны были нанести ему сокрушительное поражение. Центральный Комитет мобилизовал партию на решение этой задачи. Очевидно, что

костяком такой сокрушительной силы должны были стать коммунисты и что Курская организация разделяла решение указанной задачи со всей партией. Руководствуясь указаниями ЦК, Курский губком постановил произвести мобилизацию 50% коммунистов, подразделив отправку мобилизованных на фронт на 2 очереди. В течение апреля и мая уезды начали производить мобилизационную работу. Как она проходила на местах, достаточно рисует типичный для большинства уездов документ—решение Ст.-оскольского укома от 29 апреля 1919 г.

„Во исполнение постановления Губкома о мобилизации коммунистов,—говорится в нем,—руководствуясь инструкцией Губкома, создать бюро по мобилизации в составе представителей от Губкома..., от уездвоенкома, от уездкома РКП... Бюро должно произвести регистрацию всех членов партии, кандидатов и сочувствующих по форме согласно анкеты Губкома и из них мобилизовать 50%, согласно циркуляра, из коих 28% немедленно отправить в распоряжение Губкома и 25% ввести в состав военного коммунистического отряда при Ст.-оскольском уездкоме, впредь до востребования их на фронт. Для проведения мобилизации на местах поручить горкому немедленно представить в распоряжение уездкома членов общегородской организации по числу волостей уезда. На обязанность этих товарищей, параллельно с мобилизацией, возложить агитационную и организационную работу, а также устройство празднования 1 мая. Мобилизованные члены деревенских ячеек должны немедленно явиться в город в распоряжение уездкома, все уклоняющиеся от мобилизации немедленно исключаются из партии навсегда с опубликованием их и ея как в местной, так и партийной печати“¹⁾.

Практическую работу по мобилизации 50% коммунистов, таким образом, проводили по уездам специально выделенные тройки, возглавляемые представителем Губкома. В свою очередь, в волости посылались представители укомов, которые должны были не только ограничиться самой мобилизацией, но и развернуть соответствующую политическую агитацию, увязывая ее с важнейшими вопросами переживавшегося политического момента. Оставление при укомах примерно половины мобилизованных имело очень большое значение, т. к. частые кулацкие выступления, как будет видно ниже, постоянно напоминали о необходимости иметь под руками парткомов надежные отряды для их подавления.

Партийные мобилизации были лучшим видом революционного испытания для членов партии, ибо угроза немедленного и безвозвратного исключения из партии уклоняющихся от мобилизации, имеющаяся в цитированном документе, не была пустыми словами. Партийные организации беспощадно выбрасывали из своих рядов трусов и шкурников, случайно получивших партбилеты. Когда, например, на заседании Суджанского укома (6-VI 1919 г.) было установлено, что некоторые мобилизованные коммунисты, подлежавшие отправлению на фронт в первую очередь, еще не отправились по назначению, уком постановил:

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Ст.-оскольск. укома, д. № 14, „Протоколы“ за 1919 г., л. 55.

„предложить горорганизации немедленно исключить из состава горорганизации (список на 5 чел.—И. К.)..., причем с получением сего распоряжения отобрать от них партийные билеты, а также вооруженных из них обезоружить“¹⁾. В Обояни, когда обнаружилось, что многие из мобилизованных оказались не на высоте своего партийного долга, было решено (19-VII 1919 г.) „произвести полную перерегистрацию партии, в осуществление чего по-новому спросить всех мобилизованных, кто из них остается в рядах партии и кто выбывает, или кто не считал себя членом партии“²⁾. Так боролась парторганизация за революционную стойкость своих рядов перед лицом угрожавшей как с востока, так и с юга опасности.

Мобилизация 50% коммунистов весной 1919 г. с разным успехом, но прошла по всем уездам. Коммунисты в первую очередь своим мужеством, дисциплинированностью и стойкостью цементировали ряды Красной армии, нанесшей сокрушительный удар Колчаку в непосредственных боях с ним. В этом отношении курские коммунисты не отличались от членов всей партии.

Огромную роль сыграла партоганизация в деле проведения общегражданских мобилизаций, которые были необходимы в связи с тем, что белогвардейщина, поддерживаемая интервентами, имела довольно крупные регулярные армии. Еще 24 апреля 1919 г. декретом СНК, в целях „скорейшего сокрушения колчаковской контрреволюции... и банд Деникина“ была объявлена частичная мобилизация трудового населения, по которой „каждая волость должна мобилизовать от 10 до 20 человек стойких и надежных защитников рабоче-крестьянской советской республики, способных с оружием в руках отстаивать ее“, причем на волисполкомы возлагалась обязанность „по возможности обути, одеть, снарядить и вооружить“ мобилизуемых из своих ресурсов с тем, однако, чтобы „ни в коем случае под страхом суровой ответственности не обременять крестьян середняков и бедняков“³⁾.

Уже один подбор людей требовал большого внимания от парторганизаций, а необходимость снабдить их соответствующим снаряжением заставляла еще более бдительно осуществлять классовую линию, т. к. в противном случае из мобилизации стойких защитников советской власти могло бы получиться как ухудшение политических настроений населения, так и недостаточно надежный состав мобилизованных. Через свои советские фракции при усиленной агитационной работе Курская парторганизация удовлетворительно решила эту задачу, несмотря на открытое сопротивление разбитых мелкобуржуазных демократов, которые в Курске, например, попытались в противовес моби-

1) Партархив ЦЧО, д. № 35, „Проток. Суджанск. укома“ за 1919 г., л. 43.

2) Прот. Обоянского укома, 1919 г., д. № 1.

3) Цитирую по телеграф. тексту в д. № 1 „К сведен. и руков.“, л. 22. Обоянского укома, Партархив ЦЧО.

лизации даже организовать забастовку. Те, которые разделяли политику учредилловцев, подготовивших колчаковскую авантюру, были биты и на этот раз. Готовившаяся забастовка сорвалась, т. к. большинство рабочих не пошло на нее.

Напряженная работа всей парторганизации не могла быть ослаблена, в особенности тогда, когда в связи с усиленным нажимом Деникина, советское правительство в мае 1919 г. призвало к оружию все мужское трудящееся население от 18 до 40-летнего возраста. Агентура буржуазной и кулацкой контрреволюции в некоторых уездах также попробовала свои силы. Один из наиболее колоритных эпизодов этой борьбы вокруг мобилизации разыгрался в Обояни, где 17 и 18 мая шесть агентов буржуазии и кулачества, собравши мобилизуемых на митинг, повели на площади контрреволюционную агитацию.

„Контрреволюционная агитация,—описывает в своем рапорте Обоянский военком,—выражалась в следующем: выступая с трибуны..., они в своих речах призывали не итти по нарядам, согласно приказам от 8 мая № 117..., а итти только тогда, когда будет собран весь уезд в один и тот же день и чтобы вместе со всеми мобилизованными также пошли все комиссары, председатели исполкомов, волостных и сельских, коих они называли дезертирами, а также формируемый добровольческий отряд Кузнецова, местную караульную роту, весь кадр запасного батальона, отряды по охране сахарных заводов и другие команды, находящиеся на территории Обоянского у., говоря, что мы составим свой полк, выберем своих командиров и только тогда отправимся на фронт... Они также призывали выпустить всех арестованных и всех дезертиров, вернуть конфискованное у дезертиров имущество, требовали выдать им вооружение, обмундирование, грозя, что только с оружием мы сумеем сделать чистку комиссаров. Старались убеждать, что на фронте царит голод, кормят кониной, у власти стоят жиды“¹⁾.

Смысл всей этой агитации настолько очевиден, что документ не стоит долго комментировать. Совершенно ясно, что спекуляцией на голоде и антисемитизме, агитацией за то, чтобы мобилизованные сразу собрались со всего уезда и требованием очищения уезда от каких бы то ни было советских отрядов и стойких советских работников, путем отправки на фронт, равно как и требованием выборности своих командиров на предмет расправы с коммунистами открыто подготавливалось контрреволюционное восстание. Уговоры коммунистов прекратить агитацию не подействовали на буржуазно-кулацких агентов. Пришлось арестовать „подстрекателей и других сто человек“. Хотя мобилизация в эти дни была прекращена, но потом она была проведена неплохо.

Приближающиеся деникинские войска заставили многих переоценить свои позиции. На сборные пункты охотно пошли не только честные трудящиеся граждане, но массами возвращались и дезертиры. В результате по тому же, взятому к примеру, Обоянскому у. через комиссии прошли 13537 мобилизован-

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Обоянского увоенкомата, д. № 2, „К свед. и руководству“, за 1919 г.

ных, а в укомдезертир явились добровольно 9858 дезертиров. В результате организованной партией мобилизационной работы увоенком рапортовал в другой раз: „мобилизация от 18 до 40 лет прошла хорошо“.

„Председательствовали в комиссиях—прибавлял он— члены уездного комитета партии и другие активные товарищи коммунисты и только благодаря такой постановке дела пришлось выполнить такую колоссальную работу. (Подчерк. мною—И. К.) ...За все время мобилизации среди мобилизованных и дезертиров, которые являлись чуть ли не по четыре-пять тысяч сразу, настроение было спокойное и никаких шероховатостей не было“¹⁾.

Далеко не во всех уездах губернии мобилизация происходила с такими осложнениями, как это было первоначально в Обоянском уезде—зато подъем среди трудящегося населения перед вступлением на территорию губернии деникинских банд, массовая добровольная явка дезертиров и исключительно напряженная организационная работа коммунистов по мобилизациям и обороне советских территорий были общими для всех уездов. Разнообразный документальный материал достаточно красноречиво говорит об этом.

Разумеется, парторганизация опиралась прежде всего на организованных рабочих и деревенскую бедноту. Еще в марте и апреле 1919 г., по свидетельству т. Глебова, организовывались и отправлялись на фронт специальные взводы бедноты из Курска, Дмитриева, Н. Оскола, Щигров, Корочи, Суджи и др. городов. В мае 1919 г. Губпрофсовет, руководимый уже большевиками, объявил мобилизованными 100% рабочих и служащих. Мобилизация самих коммунистов и непрерывные отправки на фронт добровольцев партийцев с приближением Деникина учащались. 24 июня деникинцы взяли Белгород. С лета 1919 г. борьба с ними, таким образом, вступила в самую обостренную фазу.

Работая под руководством партии, комсомол не отставал от партийной организации в деле мобилизации своих рядов на защиту пролетарской диктатуры.

„Когда первая мобилизация коммунистов в Курской губернии была закончена, Курский губком комсомола по своей инициативе в апреле 1919 г. мобилизовал и послал на фронт 25% состава губернской организации“.

„Вслед за первой мобилизацией комсомольцев на Восточный фронт, Курский губком РКСМ в мае месяце проводит мобилизацию комсомольцев на Южный фронт. Молодые рабочие и крестьяне, вступившие в комсомол, горячо откликнулись на призыв союза“²⁾.

А двумя месяцами позже, по свидетельству того же автора, „все члены Курской организации комсомола“ были мобилизованы на фронт и перешли на военное положение. По примеру коммунистов, курские комсомольцы распускали те свои орга-

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Обоянск. увоенкомата, д. № 5, „С докладами“ за 1919 г., л. 8.

²⁾ Анучин, „Комсомол ЦЧО в борьбе за Октябрь“, цит. изд., стр. 67, 69, 71.

низации, которые пытались увильнуть от своей революционной обязанности. Политико-просветительная работа комсомольских организаций как внутри себя, так и среди беспартийной молодежи, обращенная целиком на подготовку масс к разгрому белогвардейщины, дополняла готовность их драться против колчаковцев, деникинцев и им подобных с оружием в руках.

В данной историко-партийной книжке невозможно подробно рисовать конкретно историческую картину борьбы с деникинщиной и детально анализировать внутреннюю политику последней. Ограничимся отдельными штрихами.

Хроника гражданской войны свидетельствует, что в июне месяце 1919 г. деникинцы стали довольно быстро распространяться по территории губернии, 24 июня они забрали Белгород, а в июле, после неоднократных переходов из рук в руки—заняли Новый Оскол и стремительно продвигались далее. Во второй половине августа и в начале сентября наступление деникинцев было приостановлено. Красная армия выбила последних из Н. Оскола, Корочи, Коренева, Суджи, Обояни и Путивля. Однако, во второй половине сентября сдержать белогвардейскую лавину не удалось. 20 сентября после упорных боев Красная армия оставляет Курск, вслед за которым в течение оставшихся дней сентября противник занял Льгов, Щигры, Ст. Оскол, Рыльск и Фатеж, а за первую половину октября белые не только заняли всю Курскую губернию и добрую половину Орловской, но и город Орел, подошедши к Болхову. На этом продвижение Деникина на север кончилось.

Двадцатого октября Красная армия наносит ему решающее поражение под Орлом, после которого деникинские войска откатываются назад еще быстрее, чем они наступали. В течение каких-нибудь 40 дней белогвардейские банды были выброшены из пределов не только Орловской, но и Курской губернии. Третьего декабря в последний раз деникинцы были выбиты из Н. Оскола, наконец, седьмого—они были выброшены из последнего важного в стратегическом и политическом отношении города изучаемой губернии—Белгорода. Дальнейшие операции против Деникина, как известно, через несколько месяцев привели к полному разгрому последнего.

Комбинированный удар против Деникина состоял из трех основных моментов: 1) переход в решительное наступление Красной армии непосредственно под Орлом, 2) выход в тыл белых с левого фланга кавалерийской дивизии червонных казаков, которая еще 5 ноября заняла Фатеж и 19 ноября захватила Льгов, наконец, 3) глубокий удар в правый фланг деникинских войск от Касторной на Купянск конного корпуса Буденного. Этот комбинированный удар нанес сокрушительное поражение противнику. Но столь стремительное бегство деникинцев из пределов ЦЧО объясняется не только удачей правильно и глубоко задуманной и настойчиво проведенной Орловской операцией.

Последняя имела, разумеется, исключительное значение. В данной связи, однако, необходимо подчеркнуть еще то обстоятельство, что деникинцам было буквально негде остановиться. Буржуазно-помещичий классовый характер ее, приведший к реставрации помещичьих отношений поднял против себя рабоче-крестьянский тыл. В районе Екатеринославщины громил деникинские тылы Махно (выродившийся позднее в главаря уголовно-кулацкого бандитизма), в Курской губернии и особенно в Воронежской — начались антиденикинские партизанские крестьянские выступления. То самое крестьянство, которое своими колебаниями облегчило наступление Деникина, с возвращением помещичьих порядков стало решительно против него. Партийная организация, прежде всего оставшиеся в тылу у белых коммунисты должны были возглавить начавшееся рабочее и крестьянское движение и они это сделали.

Насколько глубока была деникинская реставрация буржуазно-помещичьих отношений показывает один сухой перечень некоторых мероприятий, проведенных деникинцами, в частности, в Курской губернии. Обязательным постановлением главного начальствующего южными губерниями Май-Маевского были: „воспрещены собрания, митинги, с'езды, лекции, образование обществ, союзов и т. п. организаций, печатание и расклейка всякого рода афиш и т. д.“.

Для управления губернией был назначен губернатор (Римский-Корсаков), который в свою очередь восстановил дореволюционные должности начальников уездов и волостных старшин. По железным дорогам на смену революционного управления пришли специально назначенные начальники дорог. Городские и земские управы попросту назначались¹⁾. Не менее реставраторскими были мероприятия в области экономической. Указать хотя бы на обязательное постановление губернатора от 26-X 1919 г., по которому половина сбора урожая трав с лугов и других сенокосных угодий, отошедших после революции крестьянам, должна была быть возвращена прежним владельцам, в то же время крестьяне обязывались возратить прежним землевладельцам треть урожая всякого рода хлебов и масличных растений, собранных с земель, запаханных ими по земельному закону советской власти²⁾. Земельная собственность и собственность на фабрики и заводы восстанавливалась.

Таким образом как в области экономических, так и политических отношений, деникинщина пыталась целиком реставрировать дореволюционные порядки. Мудрено ли после этого, что она получила против себя весь рабоче-крестьянский тыл, а де-

1) Рукопись Глебова „Советы и гр. война на территор. Курского края“, стр. 60 и др.

2) Обяз. пост. Римского-Корсакова, цитиров. у Алексеева, „Гражд. война в ЦЧО“, Воронеж, 1930 г., стр. 103-104.

зертирство из рядов Красной армии неустойчивых крестьянских элементов почти совсем прекратилось, дезертировавшие же ранее сотнями и тысячами возвращались к борьбе за советскую власть.

К реставраторским потугам присоединялись жесточайшие кровавые репрессии и издевательства по отношению ко всем, кто не считал белогвардейские мерзости благом. Вот маленький штрих белогвардейских порядков в Курске.

„За первые три дня,—описывает Семовских,—в курские тюрьмы было брошено до 500 политзаключенных, которых избивали и истязали. Из арестов сделали доходную статью: арестовывали богатых евреев, брали крупные куши, освобождали, вновь арестовывали и т. п. Расстрелы сопровождалось невероятными пытками: доктору Фрадкину перед расстрелом отрезали язык, редактору левозэсеровской газеты „Курская жизнь“ Ливанову кинжалом распороли живот и т. п.“¹⁾.

Процитированный отрывок представляет собой лишь один маленький штрих бесконечного количества насилий, творимых са-трапами международного империализма, русских помещиков и буржуазии над трудящимся населением. Такого рода насилия восстанавливали против деникинщины даже те элементы, которые не были восторженными сторонниками советов.

По мере продвижения Красной армии, наступавшей по пятам уходивших деникинских войск, перед изучаемой партийной организацией, переключившейся на собственно-боевую работу в период непосредственных схваток на территории Курской и Орловской губерний с деникинцами, вставали новые задачи: по организации власти, восстановлению партийных комитетов и переводу на нормальную работу по хозяйственному и культурному восстановлению разоренной территории.

В течение ноября и декабря организуются ревкомы, которые прежде всего восстанавливают советские и партийные организации. Правда, ревкомы, как известно, организовывались военными частями; в губернских городах и особо важных пунктах они созывались особой инспекцией при Реввоенсовете Южного фронта, а в уездных городах и волостях строились революционными советами армий под контролем Реввоенсовета фронта, но совершенно очевидно, что по личному составу они состояли из коммунистов, и в проводимой работе опирались на парт-организации. Следовательно, вся тяжесть восстановительной работы легла прежде всего на коммунистов.

Курский губревком возник в середине ноября и после некоторых перемен в личном составе к концу ноября развернул интенсивную работу. (Состав Губревкома: Залуцкий, Бутов, Мазутов, Гологудин и Константинов). К началу 1920 года организация коммунистических сил и объединение вокруг парторганизации трудящихся при внефронтной обстановке подвинулись настолько, что в первых числах января удалось провести волост-

¹⁾ „Курск в революции“, цит. изд., стр. 76.

ные съезды советов, в течение первой декады января—уездные, а на 17 число того же месяца был назначен губернский съезд советов. Таким образом, с самого начала 1920 г. избранные исполкомы во всех звеньях советской лестницы заработали более или менее нормально. Примерно в то же время прошли и партийные конференции.

Восстановление советской власти и укрепление тыла партиями являлось одной из самых важных забот всей партии вообще и Курской парторганизации в частности. Последняя не только справилась с этой задачей внутри губернии, но и оказала значительную помощь своим людским составом более южным районам. По телеграмме ЦК Курский губком мобилизовал, например, 205 членов партии на работу в Донбасс. Более мелкие посылки коммунистов в другие районы по документам встречаются неоднократно.

Не прошло и полгода после изгнания деникинской белогвардейщины из пределов губернии, потребовавшей исключительного напряжения всех сил парторганизации в деле обороны территории и в деле восстановления партийной и советской жизни, как началась война с Польшей. Последняя, подчеркивая особенно ярко международный характер Октябрьской революции и гражданской войны в России, вновь заставила бросить значительную часть партии и комсомола на фронт. Правда, Колчак и Деникин были уже разгромлены, но форпост международного империализма—Польша—представляла собой огромную опасность. Центральный Комитет призвал местные парторганизации „бросить необходимую часть сил на Западный фронт и в кратчайший срок... провести мобилизацию для Западного фронта“¹⁾. Курский губком постановил: „мобилизовать по 10 товарищей от каждого уезда с одним ответственным работником во главе и от Курска 25 товарищей“²⁾. Семьдесят пять коммунистов должна была выделить против белополяков в первую очередь, только что восстанавливающаяся после деникинского разгрома, еще немногочисленная Курская парторганизация.

Уездные организации не только выполнили целиком губкомовскую разверстку, но и перевыполнили ее. Даже относительно наиболее слабая Грайворонская организация еще в мае 1920 г. вынесла решение „поручить уездному в срочном порядке мобилизовать 25% партийных товарищей“³⁾ для отправки на польский фронт. Провели частичную мобилизацию своих членов и профсоюзы, лишний раз продемонстрировавшие тем самым правильность партийного руководства ими и действенную поддержку пролетарской диктатуры. Как всегда, горячо откликнулась

1) Цитирую по телеграфному тексту. Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 27, „С материалами ЦК“, за 1919-20 гг.

2) Там же.

3) Партархив ЦЧО, д. № 12/34, „Грайворонск. у.“, за 1920 г., л. 173.

на призыв ЦК и Губкома партии комсомольская организация. В самом Курске, например, „на общем собрании в городском саду комсомольцы постановили: мобилизовать 75% комсомольцев на фронт, и уже через день организация с песнями выступила на фронт“¹⁾. Стало быть, ослабленная Курская парторганизация в деле борьбы против буржуазной Польши по мобилизации своей себя, комсомола и беспартийных масс также не отставала от других частей нашей партии.

С неменьшей готовностью к борьбе курские большевики пошли под руководством ЦК на разгром последнего вооруженного оплота буржуазно-помещичьей контрреволюции — врангелевщины, попытавшейся из остатков деникинской армии, вновь мобилизованных, на средства интервентов организовать новый поход на Москву из Крыма. Эта последняя попытка, несмотря на некоторые первоначальные успехи, окончилась в конечном счете тем же результатом, что и походы предшественников Врангеля: Колчака и Деникина. Партия еще раз напрягла все свои усилия, чтобы организовать „массы“ на уничтожение последнего очага генеральской контрреволюции. Что взятием Перекопа она решила эту задачу — общеизвестно. Курская парторганизация, наряду со всей партией, еще раз бросила своих членов на фронт. В октябре и ноябре 1920 г. по всем уездам опять проходят партийные мобилизации. Льгов дал 54 товарища, Фатеж — 11, Обоянь, наряду с посылкой на фронт в конце 1920 г., переводила на казарменное положение всех коммунистов и т. д. Словом, как и прежде, члены партии своим участием в боях цементировали ряды Красной армии и решали, будучи сведенными в отдельные отряды, самые важные тактические задачи, где были необходимы наиболее устойчивые и беззаветные бойцы.

В борьбе партии за боеспособность Красной армии на всех этапах гражданской войны немаловажную роль играла борьба с дезертирством и забота о политико-моральном состоянии красноармейских частей и гарнизонов. По всем уездам Курской парторганизации вопросы, связанные с работой в Красной армии, начиная с партийных конференций, кончая собраниями отдельных ячеек, не сходят с повестки дня. Посылкой в военные части для работы отдельных коммунистов, укреплением военных партийных ячеек, контролем за снабжением и воспитанием гарнизонов, посылкой в аппарат военных комиссариатов лучших членов партии и усиленным контролем за работой последних, жестокой борьбой со всякого рода злоупотреблениями в войсках и различными другими путями парторганизация стремилась подготовить бойцов к лучшей защите Октябрьских завоеваний. Что же касается дезертирства, которое, к сожалению, вносили в Красную армию преимущественно крестьянские малосознательные массы или кулацкие элементы, получившие винтовку, то оно было опа-

¹⁾ Анучин, „Комсомол ЦЧО в боях за Октябрь“, цит. изд., стр. 74.

сно не только тем, что численно ослабляло красноармейские части и в известной степени деморализовало их, но и тем, что, собираясь по лесам в „зеленые“ группы, дезертиры накапливали силу уголовно-кулацкого бандитизма.

Курский губком неоднократно давал укомам указания об усилении мероприятий по борьбе с дезертирством. В частности, в мае 1920 г. губком предлагал укомам „обратить сугубое внимание в деле ликвидации дезертирства путем рассылки соответствующим образом проинструктированных товарищей по волостям и селениям“¹⁾. Агитационная работа по деревням и посылка коммунистических отрядов в помощь местным партийным и советским организациям было наиболее распространенным методом ликвидации этой формы антисоветской кулацкой борьбы. А в мае 1920 года после „недели добровольной явки дезертиров“ была организована решительная кампания по искоренению этого явления путем назначения по уездам, помимо постоянно действующих комиссий по борьбе с дезертирством, чрезвычайных уполномоченных с вооруженными отрядами, в значительной своей части состоявшими из партийцев. Эта кампания, кстати, была очень недурно подготовлена и агитационно.

По уголовно-кулацкому бандитизму Курская губерния была одна из наиболее опасных губерний, хотя последняя и не отличалась особенно высоким процентом кулачества. Близость фронта или даже прохождение его по территории губернии окрыляла кулачество надеждой на успешную борьбу с советами, а непрерывные мобилизации коммунистов и уход деревенской бедноты в армию несколько ослаблял непосредственно в деревне антикулацкие силы, тогда как леса постоянно кишели дезертирами. Кулацкие выступления во всех концах губернии следовали одно за другим как перед приходом деникинщины, так и после. Сводки о политическом настроении населения достаточно красноречиво свидетельствовали об этом. За многочисленностью кулацких выступлений, увеличившихся в особенности перед приходом Деникина, нет возможности даже перечислить все такие восстания. Ограничимся показом положения по полумесячным сводкам в выборочном порядке.

„В Фатежском уезде,—гласит сводка за период времени с 25-II по 10-III 1919 г.,—в Дмитриевской вол. вспыхнувшее восстание на почве перевыборов и в связи с хлебной нормой ликвидировано; арестовано 51 человек; дальнейшие аресты продолжаются; настроение продолжает оставаться тревожным.

В Н.-оскольском уезде, В.-Михайловской вол., замечаются шероховатости на почве нежелания выслать мобилизованных. В Булаговской вол. того же уезда произошло контрреволюционное выступление на почве мобилизации лошадей. Выехал военком уезда с отрядом красноармейцев и городской конной милицией для подавления выступления.

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Тимского укома, д. № 26, „Декреты, распоряжения и циркуляры“, л. 41.

В Корочанском у. настроение населения неудовлетворительное... В Грайворонском у., Головчанской вол., было волнение среди крестьян; все ликвидировано.

В Ст.-Оскольском у., Вязовской вол., при реквизиции продотрядом хлеба произошел инцидент между отрядом и населением... В Дьяконовской и Лазовской волостях обнаружилось недовольство крестьян местной сельской и волостной властями...¹⁾

Из сводки за время с 25-III по 10-IV 1920 г.:

„В Белгородском гарнизоне 27 марта произошло восстание красноармейцев караульного батальона. 28 марта вторая рота сдала оружие, а остальные разбежались. 29 марта все улажено.

В Обоянском гарнизоне недовольство на почве недостатка обмундирования.

В Суджанском у... мобилизуемые собрались у уездисполкома... и требовали на фронт вместе с ними виднейших коммунистов Исполкома. Вечером несколько демагогов проникли в местную роту и уговаривали последних дать им оружие и действовать вместе с ними. Митинг этот был ликвидирован, демагоги ушли. На следующий день повторилось то же. И только после настойчивых требований красноармейцев местной роты и коммунистов все призываемые пошли на врачебную комиссию. Главари арестованы. Мобилизация теперь проходит удовлетворительно. В Грайворонском у. (среди гражданского населения—И. К.) настроение колеблющееся...

В Курском у., Казацкой вол., настроение возбужденное на почве учета лошадей. Наблюдались в уезде небольшие эксцессы на почве реквизиции хлеба и мобилизации лошадей...

В Льговском у. в некоторых волостях происходит самовольная рубка леса и разграбление имущества... В с. Ольшанке толпа контрреволюционеров избила 2 агитаторов...

В Дмитриевском у. настроение неудовлетворительное. 30 марта в Кармановской в. появилась шайка вооруженных грабителей... Уездвоенком послал туда отряд в 20 красноармейцев с пулеметом...

В Обоянском у... в сс. Быканове и Знаменке замечались волнения, в связи с мобилизацией духовенства... В с. Долгих Будах на сходке кулаки выступали против местной власти, в связи с призывом духовенства, и нанесли побои коммунистам...

В Белгородском у., в с. Луговом за взятие отмера на помол хлеба на мельнице крестьяне напали на реквизиционный отряд и обстреляли его. Отряду пришлось с боем отступить...²⁾

Наконец, сводка за период времени 23-V по 8-VI отмечает, что:

„Среди гражданского населения были восстания: в г. Короче, в Белгородском, Грайворонском и С.-оскольском уездах“³⁾.

То, что рисуют сводки, находит полное подтверждение в докладах с мест на партийных конференциях. Достаточно самого беглого просмотра процитированных мест, чтобы убедиться, что многочисленные волнения на почве продразверсток, реквизиций, мобилизаций людей, лошадей и духовенства, взимания чрезвычайного налога и т. п. были результатом кулацкой агитации, ибо все эти мероприятия касались прежде всего зажиточного крестьянства. Конечно, в обстановке прифронтовой полосы известная доля всех этих тягот ложилась и на середняка, но это обстоятельство лишь облегчало кулачеству брать

¹⁾ Областной ЛОР ЦЧО, ф. № 1410, д. № 172, л. 6.

²⁾ Там же, л. 8.

³⁾ Там же, л. 13.

на короткое время руководство в деревне, но не восстанавливать все-таки середняка против советской власти. Военно-политический союз пролетариата со средним крестьянством при опоре на бедноту, несмотря на отдельные случаи, когда середняки поддавали под кулацкое влияние, оставался нерушимым. Недаром, с приближением деникинских войск, „колеблющееся“, „неудовлетворительное“ настроение крестьянства становилось удовлетворительным, и последнее охотно шло на борьбу с помещичьей контрреволюцией.

Сводка за время с 23 VI по 8-VIII наглядно подтверждает это.

„Отношение рабочих и крестьян к советской власти,—гласит она,—удовлетворительное.

В местностях, прилегающих близко к фронту, наблюдается революционный подъем и добровольная явка дезертиров.

Отношение рабочих и крестьян к мобилизации удовлетворительное“¹⁾ (Подчеркнуто мною—И. К.)

После изгнания деникинских банд количество кулацких выступлений сократилось.

Крестьянские массы, на своих плечах изведавшие всю тяжесть помещичьей реставрации, еще более тесно сплотили свои силы под руководством пролетариата и его партии в деле хозяйственного возрождения края. Вследствие этого социальная база кулацкого бандитизма стала еще уже, нежели была она накануне прихода Деникина. Правда, и в 1920 г. и в 1921 г. отдельные случаи довольно серьезных кулацких выступлений имели место (восстание в апреле 1920 г. в Вязовской вол., Грайворонского у., банды Шубина в Путивльском у. и т. д.). Но по количеству восстаний 1920 г. ни в какое сравнение с 19 годом не идет. Их было значительно меньше.

В деле ликвидации уголовно-кулацкого бандитизма, перемешавшегося с дезертирством, партийная организация сыграла огромную роль. Как в 1918, так и 19, 20, 21 годах она бросала большую часть сил на подавление кулачества. Косвенным свидетельством этому утверждению являются вышецитированные сводки, в которых неоднократно упоминается о мероприятиях партийно-советских органов по разгрому антисоветских выступлений. В связи с усилением кулацкой борьбы, в 1919 году Губком и укомы партии особенно часто занимаются вопросами борьбы с кулачеством. 21 марта 1919 г. Губком в результате специального обсуждения этого вопроса, объявил всю губернскую партийную организацию мобилизованной и призвал укомы к напряженной работе по организации сил на разгром кулацкого, уголовно-дезертирского бандитизма.

Как приняли это решение уезды, лучше всего характеризует решение Льговской упарторганизации от 8-IV-19 г.

¹⁾ Областной АОР ЦЧО, ф. № 1410, д. № 172, л. 15.

„а) Всех товарищей коммунистов,—читаем мы в резолюции специального партийного совещания по вопросу о политическом положении,—объявить мобилизованными, согласно постановлению Губкома.

б) Все коммунисты, не проходящие военного строя, должны пройти таковой и по первому требованию уездкома должны явиться в его распоряжение...

в) Ячейкам на местах заняться активной работой по просвещению населения...

г) Уездкому вменяется в обязанность напрячь все силы, чтобы деревня вообще и ячейки в частности, были снабжены литературой, во-вторых, усилить агитацию, как для разъяснения крестьянам положения в республике, так и для содействия организации ячеек. (Подчеркнуто мною—И. К.).

д) .. для подавления контрреволюции в губернии дать в распоряжение Губкома 80 человек коммунистов из Львовского уезда¹⁾).

Дальше идут пункты о сосредоточении внимания на ликвидации очагов кулацких восстаний, о создании мобилизационного бюро и телефонизации ячеек и о необходимости тщательного подбора ответственных работников. Но не столько важны эти факты, сколько совершенно правильное сочетание основных мероприятий, указываемых в резолюции: партийной мобилизации, усиления политико-воспитательной работы на местах, укрепления и создания новых партячеек, наконец, передачи в распоряжение Губкома отряда коммунистов для антикулацких операций в губернском масштабе.

Все это были действительно необходимые и результативные меры.

В конце марта Ст-Оскольская парторганизация формирует боевой оперативный отряд и решает „объявить всех коммунистов во всем уезде мобилизованными“²⁾. То же самое делали и другие уезды. Таким образом, кроме объективной предпосылки спада антисоветского движения в деревне, коей являлось вступление в пределы губернии деникинских войск, огромную роль сыграла упорная работа партии по организации рабочих, бедноты и прежде всего самих членов партии на борьбу с уголовно-кулацким бандитизмом. Курские коммунисты не только выступали против контрреволюции с оружием в руках, но и вели интенсивную агитационно-просветительную и организационную работу на местах. В сочетании с правильной политикой партии, рассчитанной на удовлетворение интересов подавляющего большинства трудящихся, все это дало прекрасные результаты. Кулачество было разбито.

В последний раз особенно оживилось было курское кулачество тогда, когда в губернию налетели сбитые со своих насиженных мест махновские части. Преследуемые конным корпусом Нестеровича, махновцы появились в Курской губернии 20 января 1921 г. Побывали они разной силы отрядами в Суджан-

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Львовского укома, д. № 34 „Протоколы“ за 1919 г.

²⁾ Партархив ЦЧО, ф. Ст-Оскольского укома, д. № 14 „Протоколы“ за 1919 г., л. 37.

ском, Корочанском, Обоянском уездах, нанесли обычные для них разгромы и грабежи и, не встретя сколько-нибудь серьезной поддержки, быстро ушли из пределов губернии. По свидетельству Волкова ¹⁾, партийные организации, с получением известий о появлении махновцев, немедленно приняли как по своей, так и по советской линии соответствующие меры. В результате этих мер и прихода следующих по пятам Махно частей Нестеровича, бандиты принуждены были поспешно оставить пределы губернии.

Как в боях против Колчака, Деникина, Врангеля, на польском фронте, так и в борьбе против кулацких выступлений и махновщины неотступным помощником партии был комсомол.

„... Курские комсомольцы приняли деятельное участие в подавлении махновщины, создавая боевые отряды по борьбе с бандитами. Приходилось часто выезжать и на ликвидацию мелких восстаний. В конце марта 1919 г. 60 членов Курской организации комсомола выезжали в район ст. Полевая, Шумаково, Солнцево и др. для подавления происходивших там крупнейших кулацких восстаний“ ²⁾.

Обобщая изложенный конкретно исторический материал, надо сформулировать, что вся коммунистическая партия и изучаемая парторганизация, как составная часть ее, была важнейшим субъективным фактором победы рабочего класса в гражданской войне. Мобилизуя свои собственные ряды под винтовку против генеральской контрреволюции, империалистической интервенции на фронтах и кулачества в тылу, представляя собой наиболее стойкие и беззаветные храбрые воинские соединения, коммунисты скрепляли ряды Красной армии и своим участием в боях повышали ее боеспособность. Организуя мобилизацию беспартийных масс рабочих и крестьян, неуклонно борясь с кулачеством при помощи оружия и завоеывая на свою сторону середняка мирными средствами, укрепляя военно-политический союз пролетариата с середняком, коммунисты обеспечивали безопасность тыла и умножали силы армии. Строя ревкомы, советы, партийные ячейки, развертывая агитационно-пропагандистскую и культурническую работу, они объединяли вокруг себя беспартийные массы и обеспечивали непобедимость советской власти. Все это были средства организации победы пролетариата; все это делали курские коммунисты на своем участке борьбы да еще в усложненной обстановке, созданной деникинщиной. Стало быть, Курская парторганизация была далеко не последним из передовых отрядов рабочего класса в борьбе за дело его. Изучаемая парторганизация в боях гражданской войны понесла много жертв, но силы пролетариата и беднейшего крестьянства неисчерпаемы. Они возместили эти жертвы.

¹⁾ Волков С. Е. „Банда Махно в Курск. г.“ Курск, 1929 г., изд. Курск. окр. арх. бюро.

²⁾ Анучин „Комсомол ЦЧО в боях за Октябрь“, цит. изд., стр. 77.

3. Военно-коммунистическая политика в ее конкретном преломлении на территории губернии.

Гражданская война, в частности, деникинщина, нанесла огромные разрушения всем отраслям хозяйства изучаемого края. Убытки, понесенные во время гражданской войны Курской губернией, по самым грубым подсчетам, составляли сумму свыше 400 миллионов рублей по довоенным ценам ¹⁾. Деникинцы разрушали или увозили с собой не только продовольственные запасы, военное снаряжение, но и фабрично-заводское оборудование. Особенно сильно пострадали лесное и сельское хозяйство, в частности — совхозы, с.-х. коллективы и животноводство.

Обеспечить такую хозяйственную политику, которая соответствовала бы обстоятельствам вооруженной борьбы классов, причем поддержать и возродить хозяйство губернии, пришедшее в полный упадок за время непосредственной борьбы с белогвардейщиной и кулацким бандитизмом, мог только хорошо слаженный, беззаветно преданный делу рабочего класса хозяйственно-советский аппарат при помощи профсоюзов и всей массы трудящихся. Ибо только такие советы, которые проводили подлинно пролетарскую политику, могли мобилизовать энергию масс на окончательный разгром буржуазии и преодоление кулацкого сопротивления. Вот почему партия так тщательно боролась за надлежащий состав органов власти, против каких бы то ни было злоупотреблений отдельных советских работников, за повышение удельного веса коммунистов в советах, за изгнание кулацких элементов из них всякими мерами, вплоть до досрочных перевыборов, не говоря уже о том, что при каждой перевыборной кампании в каждом уезде, особенно по селам и деревням, рассылались самые надежные члены партии из городских учреждений и рабочих ячеек. Фактический материал, характеризующий такую борьбу за качество советской работы по Курской губернии можно было бы привести чрезвычайно обильный.

Хорошее качество советской работы служило ключом обеспечения тыла гражданской войны. Недаром, из центра для укрепления, инструктирования, а подчас и для организации советов рассылались по периферии специальные группы товарищей под руководством наиболее выдающихся партийных работников. По Курской губернии, в частности, несколько месяцев работала группа Бухарина, оказавшая, судя по отзывам из ряда южных уездов, весьма существенную помощь местным парторганизациям. Недаром также и то, что 52,1%, т. е. более половины всех членов Курской парторганизации (по данным партперерегистрации 1920 г.) работали непосредственно в советском аппарате. Доби-

¹⁾ АОР ЦЧО, д. № 25 „Об убытках, понесенных во время гражд. войны“ Курск. комиссии. Суммировано по оценочной описи погибшего имущества.

ваясь высокого качества советской работы от коммунистов, парторганизация не забывала требовать точности, исполнительности, устранения бюрократических извращений и напряжения всех сил в работе от беспартийных сотрудников аппарата. Любопытной иллюстрацией этой линии является приказ, изданный от имени чрезвычайного заседания укома, уисполкома и упродсовещания от 21-II-20 г. Обоянского уезда, которым все сотрудники каждого учреждения, от руководителя до курьера, обязывались „напрячь все силы, внимание, интенсивность, знание, опыт и энергию к быстрому, целесообразному и правильному выполнению всех задач и к достижению практических результатов в порученном им деле“.

„Всякая служебная деятельность,—говорилось в приказе,—оценивается по практическим результатам данного дела, а потому всякое дело должно быть избавлено от излишней формальности, бумажной волокиты и пр. нежелательных явлений“¹⁾.

Укрепление органов власти, органов непосредственной борьбы с контрреволюцией—ЧК, повышение качества работы их было первой предпосылкой решения всех задач военно-коммунистической политики, из которых первой по остроте и политической ответственности была задача продовольственная.

Если при реализации урожая 1918 г. главную тяжесть изъятия в деревне продовольственных излишков взяли на себя под руководством партийной организации комбеды и весной 1919 г. экспедиционные отряды лишь довыполняли продовольственные наряды в районах с особенно сильным кулацким влиянием, то реализация урожаев 1919 и 1920 годов выпала целиком на долю продовольственного аппарата и низовых советов. Отсюда первой заботой партийных организаций была забота о том, чтобы дать в продорганы наиболее выдержанных партийных работников и так обставить всю продовольственную кампанию агитационно-пропагандистскими мероприятиями, чтобы выполнить задания Наркомпрода.

Подбор людей в экспедиционные отряды, составлявшиеся из лучших представителей рабочего класса и деревенской бедноты и посылаемые в наиболее опасные районы, также требовал большого внимания партийных комитетов. Формирование экспедиционных отрядов, посылка агитаторов по волостям и деревням, тщательный подбор людей на руководящую работу, разбор случавшихся злоупотреблений и др. связанные с работой вопросы то и дело служили предметом обсуждения Губкома и укомов.

Чтобы не загружать работы иллюстративным материалом, перейдем прямо к выяснению результатов работы.

¹⁾ Партархив ЦКЮ, ф. Обоянского укома, д. № 21 „Разные приказы и воззвания“, за 1920 г.

Судя по результатам, Курская парторганизация неплохо боролась за хлеб, что, по выражению Ленина, для того времени означало борьбу за социализм. Правда, к маю 1920 г. выполнено было лишь 30-35% продразверстки, составлявших не более $3\frac{1}{2}$ миллионов пудов разных хлебов¹⁾, но и эта цифра была большим достижением, т. к. в период реализации урожая губерния была занята деникинцами, которые два раза прошли ее территорию. Пришедшие с Деникиным помещики постарались в значительной части вывезти „свой“ хлеб, а военные реквизиции белогвардейщины довершили дело. В результате, продработа с начала 1920 года производилась по опустошенной территории с погибшими озимыми. Учитывая это, V губс'езд советов, собранный Губревкомом, уже в январе 1920 г. высказался за снижение разверстки на 40%²⁾. Итоги в конце мая оказались даже меньшими, чем ожидал с'езд советов. Однако тот факт, что изучаемая губерния, несмотря на изъятие значительной части продовольственных продуктов еще продаппаратом Южного фронта на потребление армии прокормилась до нового урожая за счет собственных ресурсов, свидетельствовал о серьезных достижениях в деле борьбы парторганизации за хлеб.

Наибольшего напряжения всех сил парторганизации потребовала продовольственная кампания 1920-21 года, проходившая в условиях дальнейшего снижения посевных площадей и значительного недорода, благодаря засухе. Учитывая тяжесть продовольственной кампании 1920 г., сулившей в общегосударственном масштабе меньший, по сравнению с урожаем 19 года, сбор хлебов, ЦК партии еще 1 сентября обязал губкомы „мобилизовать (на продработу—И. К.) такое количество партийных работников, которое составляло бы не менее 50% общего числа волостей губернии“. Недостающее же количество работников должно было по решению ЦК быть мобилизованным укомами. „Упомянутые партийные работники,—говорилось далее в постановлении,—мобилизуются на все время продкампании“³⁾. Следовательно, с самого начала продкампании ЦК партии заботился о недопустимости текучести среди продработников, что для успеха кампании было весьма важно.

К концу сентября по 13 уездам губернии (без Фатежского, Путивльского и самого города Курска) мобилизованных на продработу членов партии числилось 243 человека⁴⁾. Если же к этому количеству прибавить цифры, исходя из среднего числа мобилизованных на уезд, за счет Фатежа и Путивля, а также

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 11 „Протоколы президиума губисполкома“ за 1920 г.

²⁾ „Курская Правда“ № 15 от 22-I-20 г.

³⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского Губкома, д. № 1 „По мобилизации коммунистов на раз. рода кампании“ за 1920 г., л. 42.

⁴⁾ Там же, л. 1.

цифру, соответствующую удельному весу парторганизации губернского города, то общее количество мобилизованных выразится числом в 320-380 человек, которое приближается к требованию Центрального Комитета. Решение последнего, стало быть, было выполнено. Вместе с мобилизацией по специальному указанию ЦК организовывались продагиткурсы для соответствующей подготовки агитаторов.

Что касается величины самой разверстки, то Наркомпродом на долю Курской г. она была установлена по зерновым культурам в 5 млн. пудов плюс 3 млн. пудов помольного сбора. Кроме этого довольно значительная разверстка была на фуражные, мясные, масличные и др. продукты. Центральный Комитет в своем сентябрьском постановлении специально подчеркивал перед губкомами, что „указанные разверстки являются для губ. продкомов безоговорочным боевым приказом“. Как величина разверстки, так и указание ЦК о безоговорочном ее выполнении ставили проработку в центре внимания парторганизации. Недаром в упомянутой директиве ЦК прямо говорилось, что „большую часть своих сил и внимания должны губкомы уделять продовольственной кампании“. Эта установка тем более понятна, что „при разверстании наряда волостью по селам и селами по домохозяевам в основу кладется,—писал ЦК,—классовый принцип“¹⁾. Таким образом, давая республике необходимое количество продовольственных продуктов, разверстка острием своим направлялась против зажиточных элементов деревни, т. е. представляла собой специфическую форму классовой борьбы.

Если в кампанию 1919-20 гг., как сформулировано выше, парторганизация боролась за хлеб неплохо, то не ослабла эта борьба и в кампанию 1920-21 гг. Для лучшего политического руководства продработой в августе 20 г. создаются в губернии и в уездных городах продовольственные советы, под председательством председателей исполкомов и при непосредственном участии секретарей парткомов. Губерния разбивается на 4 основных района с выделением так называемых головных уездов.

„В каждый из районов,—предписывала утвержденная 18-VIII губисполкомом инструкция,—для извлечения продовольственных продуктов командировается губпродсоветом районная экспедиция, объединяющая в себе силы: агитационные, продовольственно-партийные, продовольственно-технические и вооруженные (части В. ВОХР и ряды).“

Паралельно с продработой экспедиции ведут борьбу с дезертирством и производят изъятие у местного населения незаконно хранимого оружия“.

Таким образом, уже самим составом экспедиции (комбинация полиграбтников и вооруженных сил) и поставленными перед ними задачами политический смысл продкампании — достаточно

¹⁾ „Известия ЦК РКП(б)“ № 21 от 4-IX-20 г., стр. 3.

определенно заострялся. Именно поэтому во главе каждой районной экспедиции ставился назначаемый губпродсоветом „руководитель“ „из числа опытных партийных продработников“, который в уездах во время работы экспедиций являлся „председателем местного уисполкома (он же председатель упродсовета“¹⁾), в то время как постоянный предуйка в течение этого срока работал в качестве заместителя его. Последний пункт еще более подчеркивал ту значимость продработы, которую придавала ей партия.

Результаты продработы оправдали принятые парторганизацией меры. К началу декабря 20 г. некоторые, прежде всего „головные“ уезды выполнили продразверстку на 60-75%. По всей же губернии, судя по докладу предгубисполкома на пленуме Губкома от 3-XII, было выполнено 50% разверстки по картофелю и 30% по хлебу²⁾. Правда, указанные цифры, как будто бы не были велики, но если принять во внимание тогдашние темпы продкампании по всей РСФСР, то оказывается, что Курская губерния стояла на 4-м или 5-м месте (на 1-V 21 г. разверстка по хлебу была выполнена на 83%, по мясу на 87%). Для губернии, недавно освобожденной от деникинщины, это было почетное место. Следовательно, одну из самых центральных задач, стоящих перед партией и советской властью в 1920 г.—задачу продовольственную Курская парторганизация решила вполне удовлетворительно.

С меньшим эффектом, чем в области продовольственной, шла работа по восстановлению местного хозяйства, в частности, промышленности; во первых, вследствие того, что губерния как в 1918 г., так и в 19 году не выходила из полосы военных действий и в лучшем случае находилась в прифронтовой обстановке, во вторых, вследствие отсутствия топливной базы. Деникинщина нанесла огромные разрушения и без того слабой промышленности Курской губернии, а тот факт, что по характеру своему (сахарные, спиртоводочные кожевенные и т. п. предприятия) она была преимущественно связана с сельским хозяйством, обусловил такое положение, что она в значительной мере разделяла судьбу сельского хозяйства. Исключение представлял собою железнодорожный транспорт, но он целиком был связан (по характеру предприятий и структуре руководства) с мероприятиями центральной власти, и роль парторганизации сводилась на этом участке к помощи транспортным организациям в деле подъема грузооборота, путем очистки ж.-д. путей от снега, ремонта их и т. д.

После IX съезда партии, принявшего, как известно, единый хозяйственный план, центром которого была борьба за улучшение

¹⁾ Инструкция районным экспедициям по загот. продуктов в Курской г. Изд. отдельн. брошюрой, Курск 20 г.

²⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 2 „Протоколы пленума ГК“ за 1920 г.

транспорта и под'ема в первую очередь отраслей промышленности наиболее связанных с ним, работа парторганизации оживилась и в Курской губернии, тем более, что с 1920 года ее территория вышла из полосы военных действий навсегда. Вопросы хозяйственного строительства (о топливе, о коммунальном хозяйстве, больницах и т. п.) ставятся и на пленумах Губкома и на с'ездах советов. Характерно, что обсуждение этих вопросов шло преимущественно в плоскости организационной, поскольку парторганизация только что принималась за них.

Как в этом отношении шло дело, некоторое представление дает доклад президиума Губисполкома на пленуме Губкома 3-XII-20 г.

„В работе ГСНХ,—говорил докладчик,—есть сдвиг к лучшему. Трамот становится заметен большей налаженностью. Металло-отдел тоже подвинулся. С отделом утилизации слабо... Национализация кожевенной промышленности прошла довольно прилично. Закончилась передача губпродкому аппарата заготовки сырья. В некоторых уездах есть яркие точки, работают хорошо, конечно размах работы в уездах нашей губернии не может быть значительным, вследствие слабо развитой промышленности. Рауспирт картофелем обеспечен на 50%. Производство спирта будет более или менее прилично. Хуже дело с раймасло.

С топливом за неподготовленностью клетней кампании текущего года, было нечто кошмарное, но в результате работы на будущий год подготовлены. Остается подготовить кадр специалистов торфяного дела; с этой целью открываются курсы. Подведена почва под сахарные заводы, засеяно до 7 000 дес. хлеба и др. злаков.“

„Главки, работавшие прежде так независимо и разрозненно, теперь вполне подконтрольны нам“¹⁾.

Конечно, по краткой протокольной записи доклада трудно судить о количественном и качественном объеме промышленности, но самый характер центральных положений его, почти не выходящих за пределы организационных вопросов, показывает, что забота о восстановлении промышленности, после того, как построен был продовольственный аппарат, только что начала ставиться всерьез. Во всяком случае, произведенная национализация кожевенной промышленности, подготовка к разработке местного торфа, подведение базы под сахарную промышленность, т. е. засев не только хлеба для рабочих, но и свеклы—как сырья, координация руководства отдельными отраслями хозяйства путем контроля за губернскими „главками“—все эти мероприятия, свидетельствуя о подходе парторганизации к этим вопросам вплотную, не могли не дать положительных результатов.

В качестве основного метода привлечения населения к делу хозяйственного восстановления страны, в условиях еще продолжающейся гражданской войны практиковалась, как известно, специфическая для политики военного коммунизма всеобщая трудовая повинность. Имело известное значение использование

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского Губкома, д. № 2 „Протоколы пленума ГК“ за 1920 г., проток. запись доклада.

военнослужащих в форме трудовых армий. Наконец, субботники как метод коммунистического труда, широко распространившийся после первого субботника на М.-К. ж. д., названного Лениным „великим почином“. Всеобщая трудовая и гужевая (для лошадных) повинность применялась и по очистке от снега, и по ремонту транспорта, и по подвозу продовольствия и топлива, и по уборке городов и др. населенных мест и т. д. Насколько серьезное значение придавалось трудовой повинности парторганизацией и как она стремилась к ее более организованному проведению, показывает специальная инструкция „партийным ячейкам на фабриках, заводах, предприятиях и др. хоз. органах Советской республики по поднятию производительности труда и проведению всеобщей трудовой повинности“.

„Комячейки,—говорилось в ней,—ведут беспощадную борьбу со всякими нарушениями партийной дисциплины, в связи с отбыванием всеобщей трудовой повинности. Ведут среди беспартийных масс агитацию по вопросам трудовой повинности (как печатно, так и устно.—И. К.)... всегда стараются выдвигать себя на самые тяжелые и грубые работы, не считаясь со временем и затратой личной энергии“¹⁾.

Дальше в инструкции детальнейшим образом разъясняется организационный порядок участия членов партии в исполнении трудповинности, но это уже не важно. Важно подчеркнуть, что курские коммунисты были правильно ориентированы в своих партийных обязанностях по отношению к проведению всеобщей трудовой повинности, поскольку она существовала.

В данной связи нет необходимости останавливаться на трудповинности и использовании трудармий, т. к. эти формы организации масс на работу по хозяйственному восстановлению общи всей Советской республике. Они отжили вместе с политической военной коммунизма. Но по вопросу о субботниках нужно хоть коротко остановиться, ибо партия рассматривала их не только с точки зрения непосредственных результатов труда, но и, главным образом, с точки зрения внутрипартийного воспитания и единства партии.

„Участие в субботниках,—указывалось в сентябрьской директиве ЦК—необходимо сделать абсолютно обязательным для всех членов партии, как это предусмотрено в положении о субботниках. Время, затраченное на субботнике, нужно рассматривать не только с точки зрения непосредственных результатов труда, но, главным образом, с точки зрения укрепления единства внутри партии на основе выполнения каждым коммунистом без изъятия своих партийных обязанностей“²⁾.

Участие коммунистов в субботниках действительно имело огромное значение. Оно сплачивало их, воспитывало коллективные навыки в работе, заражало производственным энтузиазмом, приучало к организации вокруг себя беспартийных масс на конкретной основе практического действия и, таким образом,

¹⁾ Партархиз ЦЧО, ф. Тимского укома, д. № 25. „Бумаги, принятые к сведению и руководству“ за 1920 г., л. 105-106. Инструкция.

²⁾ „Известия ЦК РКП(б)“ от 4-IX-20 г. № 21, стр. 2.

вместе с большим политическим эффектом приносило эффект производственный. Недаром, Владимир Ильич усматривал в субботниках форму коммунистического труда, IX партс'езд предложил местам уделить им „несравненно большее внимание“, чем оно было, а субботники сохранили свое политико-производственное значение вплоть до настоящего времени.

Насколько большое значение придавало им советское правительство, показывает хотя бы тот факт, что, в связи с обращением главных усилий страны на трудовой фронт, Президиум ВЦИК постановил празднование 1 мая 1920 г. „превратить во всероссийский субботник“, что и было проведено на всей советской территории по тщательно разработанным инструкциям со стороны Главкомтруда, который стремился к наиболее рациональному и эффективному использованию организованных на первомайский субботник сил трудящихся.

1920 год в Курской губернии, как во всей стране, проходил под знаком особенно учащенных субботников по ремонту мостов, дорог, школ, больниц, тех или иных предприятий, по вспашке и уборке земель семьям красноармейцев, по древонасаждению и благоустройству городов и населенных мест и т. д. и т. п. Кроме всюду проведенного первомайского субботника, всякого рода „недели“: фронта, трудового фронта, крестьянина, раненого красноармейца и другие ударные кампании периода военного коммунизма обычно также сопровождались организацией субботников.

За отсутствием подытоженных цифровых данных нет возможности установить результаты этой формы борьбы за коммунистическое воспитание и хозяйственное восстановление в масштабе всей губернии. Ограничимся примерными данными. По Фатежскому у. за период времени май—сентябрь 1920 г. было проведено 13 субботников, с участием 107 коммунистов и 333 беспартийных, которые в общей сложности дали 2393 человеко-часа. (Подсчитано по сведениям из отчета укома партии). По Путивольскому у., в октябре того же года, в связи с „неделей фронта“ было произведено работ на 1318190 руб.¹⁾ На Киево-Воронежской ж. д за октябрь было проведено 36 субботников, в которых участвовало 2798 чел. В уездах организацией субботников руководили обычно специально выделенные парткомами бюро.

Подъем народного хозяйства в советской действительности немыслим без участия профсоюзов в борьбе за хозяйственное возрождение. Поэтому, IX партс'езд в резолюции по вопросу о профсоюзах подчеркнул, что „более чем когда-либо, партия должна обратить самое серьезное внимание на усиление про-

¹⁾ Партархив ЦЧО, д. № 11 „Свед. о произвед. работах в Путивльск. у. за 1920 г.“.

фессиональных союзов, в первую очередь на усиление их личного состава, путем вливания наиболее преданных, твердых, по возможности прошедших суровую школу гражданской войны коммунистов¹⁾. В то же время сами профсоюзы съезд призвал к повороту на борьбу за хозяйственное возрождение, к точности, исполнительности, быстроте в работе и к ответственности за нее, к уничтожению разгильдяйства, к борьбе за гибкий административно-производственный аппарат и „постепенное введение единоличного управления“ производством, наконец, к широкой производственной пропаганде и подготовке руководящих кадров промышленности из рабочего класса. В соответствии с решением съезда, в начале сентября 1920 г. ЦК партии предложил всем губкомам и укомам твердо осуществлять идейное руководство профдвижением, не превращая „это руководство в мелочное вмешательство во внутреннюю жизнь и работу органов профсоюзов“, укрепить фракции профсоюзов организационно, а также усилить „новыми и свежими работниками“, прекратить снятие и переброску профработников без ведома фракции губпрофсовета или упробюро, теснее связаться с профорганами путем введения их руководителей в президиумы партийных комитетов и усилить партийную ответственность профработников²⁾.

Такой коренной поворот в профсоюзной работе, связанный с попытками перехода партии к решению мирно строительных задач на рельсах военного коммунизма послужил толчком к решительному оживлению и улучшению профработы (разумеется, и в Курской губернии) как по содержанию ее, так и по организационным формам. Если в 1919 г. и в первой половине 20 г. профработа в губернии была чрезвычайно слаба, что отчасти связано с деникинской оккупацией, то к 21 году положение сильно меняется. Вторая половина 20 года являлась переломным периодом, причем поворот чувствуется после проработки профсоюзного вопроса на ноябрьском пленуме Губкома на основании директив IX съезда партии, ЦК и решений III съезда профсоюзов.

В каком хаотическом состоянии находился в 20 году даже руководящий губернский профсоюзный аппарат, достаточно ярко показывает доклад председателя Губпрофсовета т. Баумана на указанном пленуме Губкома.

„Технический аппарат,—говорил он,—до крайности слаб. Организационно-инструкторский отдел не существует. Информационно-статистический подотдел слаб, работает 1 человек. Контроля над расходами почти нет. Тарифный отдел сравнительно работает, но контроля над тарифами также нет. Культурно-просветительный и экономический отдел вовсе не организованы... Президиум не имел определенной плановой линии. Этим нетрудно объяснить отсутствие автори-

1) „РКП(б) в резол. ее съездов и конференций“. Гиз, 1924 г., стр. 213.

2) „Бюллетень ВСЦПС“ № 3 от 15-X-20 г.

тета. Связь с рабочими массами выражалась лишь в мобилизациях. С Губсовнархозом связь была формальная...

Уездкомы, не понимая профработы, не работают в союзах¹⁾.

Нарисованная картина состояния профработы в Курской губернии свидетельствует об исключительно хаотическом положении дел еще осенью 1920 г., за что несомненно не могла быть снята с Губкома и фракции Губпрофсовета ответственность, какие бы причины в объяснение такого положения не выдвигались. А ведь профорганизация была достаточно многочисленна. Губпрофсовет объединял 19 профсоюзов, общей численностью в 50 тыс. человек, из которых около 20 тысяч человек относились к уездам²⁾.

После ноябрьского пленума Губкома, давшего директивы как фракциям профсоюзов, так и укомам, положение спроработой начало улучшаться. Увеличено было количество коммунистов профработников. Если по данным перерегистрации 1920 г. в профсоюзах всего на ответственной работе (т. е. в губ. и уездных органах) было 70 коммунистов, то по данным того же Баумана, избранного секретарем Губкома, на 8-й губпартконференции в июле 1921 г., среди членов правлений губотделов насчитывалось 92 члена партии, которые составляли больше 50% руководящего состава профсоюзов (92 на 180)³⁾. Вместе с тем, в начале 21 года прошел ряд съездов профсоюзов (просвещенцев, швейников, работников земли и леса), где поворот парторганизации лицом к профсоюзной работе был реализован в безраздельном руководстве этими съездами со стороны коммунистов.

Таким образом, признание Губкомом партии профработы „ударной“ принесло ощутительные результаты.

В конце 1920 г. профсоюзное движение работников транспорта перешло к более нормальным формам. Вместо „дорполитов“, которые сочетали в себе „две неразрывно связанные между собой задачи“, улучшение состояния транспорта и укрепления профсоюзной организации железнодорожников методами полувоенного характера руководства и управления, возникли дорпрофсожи и учкпрофсожи. Насколько велика была роль коммунистов в дорполитах и ж.-д. профорганизации, показывает хорошо и безболезненно проведенная реорганизация дорполитов и тот факт, что на съезде железнодорожников Киево-Воронежской линии из 30 делегатов 26 принадлежали к коммунистической партии. Стало быть, на железной дороге, в силу исключительной значимости транспорта для хозяйственно-политической жизни всей страны, качество профсоюзного руко-

1) Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома д. № 2 „Протоколы пленума гк“ за 1920 г.

2) Там же.

3) Цифра ком-тов за 20 г. взята из вышеуказ. статист. издания Секретариата ЦК, а остальные изд. № 14-21 „Материалы 8-й губпартконфер.“, л. 3. в партархиве ЦЧО.

водства стояло на надлежащей высоте уже в 1920 году, что же касается качества профработы, то оно было продемонстрировано прекрасно подготовленной и хорошо проведенной на К.-В. ж. д. реорганизацией дорполитов в дорпрофсожи.

Ни опрофсоюзивая государство, ни огосударствливая профсоюзы, ни противопоставляя профсоюзы советам, ни противопоставляя их партии, последняя своей политической линией, выраженной как в решениях IX, так и X съездов, обеспечила снизу доверху участие профсоюзов в организации и подеме производства. Курская парторганизация, хотя и с запозданием, путем улучшения профработы и ее руководства шла по линии решения этой общепартийной задачи.

Особое внимание организации с момента перехода к мирному строительству было обращено на сельское хозяйство. В сельскохозяйственной Курской губернии парторганизация проводила огромную и небезрезультатную работу по развитию социалистических форм земледелия. Если в области промышленности у курских коммунистов было ограниченное, вследствие ее малого удельного веса, поле деятельности, то в деревне разворачивались большие возможности. И нужно подчеркнуть, что парторганизация, судя по результатам работы, энергично боролась за организацию совхозов, коммун, с.-х. артелей и развертывание на селе культурно-просветительной работы. В самом деле, за один по сути дела 1920 год, после разрушительной белогвардейщины были созданы почти заново: 96 совхозов с 1 772 рабочими, 20 коммун и 59 с.-х. артелей.

В отчете отдела по работе в деревне, откуда взяты только что приведенные цифры, культурно-просветительная работа характеризуется нижеследующими итоговыми данными. На 10 XII-20 г. по губернии значилось: 70 народных домов, 458 культурно-просветительных кружков, 335 библиотек, 851 изба-читальня и 235 школ для взрослых. Количественные показатели агитационно-политической работы в деревне выражались в таких цифрах: 837 митингов, 1 281 собеседование и 1385 собраний, проведенных только за время с 1-XI по 10-XII-20 г. ¹⁾ Одно простое перечисление всех этих новых, в значительной степени небывалых форм вовлечения крестьянства в культурно-политическую жизнь страны, форм, невиданных в дореволюционной деревне, показывает, какой переворот происходил за период военного коммунизма в деревне, в то время, как организация совхозов и коммун наглядно демонстрировала перспективы будущего ее развития.

Помимо перечисленных мероприятий, отделом по работе в деревне была налажена специальная губернская крестьянская газета „Красная Деревня“ и совместно с агитотделом организо-

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 9 „Доклады и отчеты губинструкторов“ за 1920 г.

ван в Курске „рабоче-крестьянский университет“ с трехмесячным курсом лекций по политическим наукам для повышения политической квалификации работников по деревенской линии.

Деревня после революции, особенно в условиях относительно спокойной обстановки 1920 г., рванулась к культурно-политической жизни. Центральный Комитет партии, ориентируя губернские организации на необходимость максимального усиления деревенской работы еще со времени VIII съезда партии, нашел правильные методы руководства крестьянством, обеспечивающие сохранение рабоче-крестьянского союза при неустанной борьбе с кулачеством.

Парторганизация бросила большие силы на деревенский сектор работы. Только на постоянной организационной работе в деревенских отделах на 10-XII по губернии было 43 человека в качестве членов коллегии отдела и 153 человека в качестве вол-организаторов. Правда, это количество было недостаточно и с течением времени пополнялось, но тут надо приплюсовать еще огромное число агитационно-пропагандистских работников, которые периодически обслуживали деревню по соответствующим приказам парткомов. Наконец, 3538 членов партии (223 ячейки) и 1123 комсомольца (162 яч.¹), живших постоянно в деревне, были существенной политической силой, боровшейся за социалистический путь развития сельского хозяйства, данный установлением диктатуры пролетариата и ее систематическим воздействием на мелкого товаропроизводителя.

Куда, главным образом, направлялась вся партийная работа в деревне, показывают „общие положения по организационному вопросу в области деревенской работы“—специальный руководящий документ. В этом документе, наряду с указаниями по части культурно-политической работы на селе вообще, подчеркивается необходимость в каждом совхозе вести усиленную организацию комячеек, культурно-просветительную работу показательного порядка и работу по организации низовых профсоюзных точек Всеработземлеса. Вместе с тем партячейки обязываются всемерно бороться за общественную обработку земли. Таким образом, не забывая важнейшего политического значения руководства мелким единоличным крестьянством, партия и ее часть—Курская организация стремилась расширить обобществленную и последовательно-социалистическую (совхозы) базу сельского хозяйства.

Созыв отделом по работе в деревне губернского съезда коммун и артелей (в октябре 1920 г.) служил одной из конкретных форм стимулирования процесса обобществления сельского хозяйства, как всякого рода совещания волорганов по работе в деревне в уездном масштабе, уездных организаторов—в

¹) Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 9 „Доклады и отчеты губинструкторов“ за 1920 г.

масштабе губернии, которые имели место неоднократно, способствовали организации всей партийной работы в деревне. Правда, многие из совхозов далеко еще не были рентабельными и некоторые коммуны и артели имели потребительский характер, или хуже того—иногда представляли собой даже окопавшиеся в своих имениях помещичьи гнезда (артель „Отрада“, Тимского у.), но эти отдельные моменты не меняли того основного факта, что советская деревня за период военного коммунизма на рельсах военно-коммунистической политики сделала заметный шаг по пути обобществления и укрупнения сельского хозяйства. Борьба за надлежащую постановку государственных с.-х. предприятий, борьба против попыток классового врага иногда использовать для своего прикрытия коллективное знамя была делом текущей партийной работы, и Курской парторганизацией, в частности, проводилась.

Одной из наиболее ярких страниц партийной работы в деревне было проведение в сентябре 1920 г. „недели крестьянина“, в которой политико-просветительная и агитационно-пропагандистская работа сочеталась с конкретной помощью селу со стороны города в деле хозяйственного строительства. По Курской губернии крестьянство к этому мероприятию, судя по многочисленным заявлениям докладчиков с мест на партконференциях, относилось очень хорошо и сама „неделя крестьянина“, по оценке Губкома, была проведена „вполне удовлетворительно“. В самом деле. Политико-просветительная работа за „неделю“ выразилась: в 79 митингах, 140 концертах и спектаклях, 27 лекциях, 8 кино-сеансах, в открытии 34 новых изб-читален, 11 волостных народных домов и т. д. Что же касается конкретной хозяйственной помощи, то о ее больших размерах свидетельствует хотя бы такой далеко не полный список произведенных работ.

Инвентарь	Построено или произведено новых	Отремонтировано старых	Инвентарь	Построено или произв. новых	Отремонтировано старых
Изб	162	674	Борон	7	696
Сараев	111	558	Повозок	38	598
Амбаров	83	114	Лемехов	79	122
Школ	1	135	Лопат	300	63
Колодцев	140	464	Вил	5	284
Мельниц	—	71	Упряжей	1	209
Молотилок	—	124	Дверей	106	12
Веялок	—	72	Кухон. утвари	516	140
Плугов	—	1769	Топоров	126	577
Сох	—	648	Обуви	151	773
			Колес	98	3398

Из полевых работ: посеяно озимого 1 778 дес., обмолочено 1 908 копен и свезено на гумна 2 072 копны. В работах принимало участие 28 353 человека рабочих. Приведенный список не составляет и трети того списка разнообразных работ, которым подводились итоги „недели крестьянина“ по Курской губернии¹⁾.

Столь блестящие политические и производственные результаты получились благодаря тщательной и длительной подготовке парторганизации к „неделе“. Еще 24 июля, т. е. за полтора месяца до кампании Губком телеграфно предписал укомам создать уездные комиссии по проведению „недели“ и послать представителей в волости с тем, чтобы под их председательством формировались волостные комиссии. Таким образом, от ЦК до волкома, партийные организации через свои комиссии (в составе: заводделом по работе в деревне в качестве председателя и представителей: земотдела, продкома, профсоюзов, отдела труда, наробраза, печати, женотдела, КСМ, военкома и др.) полтора месяца напряженно вели подготовку к „неделе“ по заранее разосланным Центральной комиссией (Невский, Кураев, Кубяк и др.) инструкциям, по тщательно разработанным и утвержденным вышестоящими комиссиями планам, с созывом ряда совещаний с руководителями нижестоящих комиссий и т. д.

Не имея возможности за недостатком места описать все, что было связано с проведением „недели крестьянина“, укажем лишь, что все мероприятия этой своеобразной кампании состояли из работ „по агитации и пропаганде“ и „оказанию реальной помощи крестьянам“, причем последние в свою очередь делились на „а) работы общественного характера, б) работы по оказанию помощи индивидуальным хозяйствам“²⁾. Совершенно очевидно, что такое сочетание агитационно-пропагандистской и реальной производственной помощи деревне от города в условиях военного коммунизма было одной из самых лучших форм укрепления военно-политического союза пролетариата со средним крестьянством. Очевидно также и то, что все такого рода „недели“—фронта, тифа, транспорта и т. п. кампании ударного порядка, были связаны со всей политикой военного коммунизма.

Отделы по работе в деревне при всех парткомах, начиная с ЦК, сыграли огромную роль в деле укрепления военно-политического союза рабочего класса с трудящимися слоями крестьянства. Но их работа по сути дела, обнимала вопросы и орготделов, и агитпропов, и даже женотделов, что создавало большую нечеткость в структуре партаппарата. Поэтому, когда поворот города к деревне был осуществлен, т. е. когда отделы по работе в деревне выполнили свою основную задачу, они были ликвидированы. Уже сентябрьская Всероссийская партконференция (1920 г.) высказалась за подчинение агитпропотделам „отде-

1) Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, № 12, „Циркуляры“, за 1920 г.

2) Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 13, „Циркуляры, инструкции ЦК“ за 1920 г.

лов по работе в деревне, женотделов и секций нацменьшинств¹⁾.
 ✓ В начале 1921 года на периферии происходит слияние отделов по работе в деревне с агитотделами. В Курской губернии такую реорганизацию Губком предложил укомом произвести своим инструктивным письмом от 16-II-1921 г.

Агитационно-пропагандистская работа Курской парторганизации за период 1919-21 гг. по своим формам мало отличалась от 1918 года. Как тогда, так и в это время чрезвычайно много сил и внимания брала политпросветработа в армии и среди мобилизуемых. Как в 1918, так в 1919-20 гг. организуются партийные школы, пролетарские или „рабоче-крестьянские университеты“, кружки, митинги и т. п. Одно небольшое изменение надо отметить: несколько меньше стало митингов, зато больше начали организовываться одного определенного типа совпартшколы. Парторганизация с течением времени переходила к более углубленной работе по политическому воспитанию своих членов.

Усложнение задач, стоящих перед партией, когда к мобилизации сил трудящихся на разгром вооруженной буржуазии присоединились задачи хозяйственного строительства в условиях голода, холода и эпидемических заболеваний, поставило перед партией во весь рост необходимость усиления работы среди женщин и беспартийных—вообще. Создание при парткомах в 1920 г. специальных отделов по работе среди женщин, оформление института женделегаток, созыв отдельных конференций женщин и введение в практику работы беспартийных конференций—все это служило целям мобилизации всех сил трудящихся на борьбу с классовым врагом на фронте, за хозяйственное восстановление страны, на борьбу с голодом, эпидемиями, словом, на борьбу за победу рабочего класса в гражданской войне. Все это имело место, разумеется, и в практике работы Курской парторганизации.

Работа среди женской части трудящихся как в профсоюзах, так и в деревнях развернулась довольно широко. „Работа среди женского пролетариата в профсоюзах—говорил докладчик Губкома на 8 губпартконференции (VII 1921 г.)—признана ударной“. Что же касается деревни, то „нужно отметить—продолжал т. Бабуман—полосу волостных конференций (женских—И. К.), которые охватили одну треть волостей всей губернии“. На 1 апреля 1921 г. женотделом, по свидетельству докладчика, было проведено 50 митингов, 200 собеседований. Курский горженотдел, например, провел 55 собраний по фабрикам и заводам, одну городскую конференцию беспартийных женщин с 500 участниками и 11 делегатских собраний. Работа среди женщин непосредственно реализовалась во вступлении их в партию. Так, к 1 мая 1921 г. в партию вступило 39 женщин²⁾.

1) „РКП в резолюциях“... цит. изд., стр. 225.

2) Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 14/21, „Материалы 8 губпартконференции“, за 1921 г., л. 4.

Очень широко развернулись и общие беспартийные конференции.

Для руководства при созыве беспартийных конференций Губком разработал специальную инструкцию, согласно которой должны были созываться уездные и волостные крестьянские конференции.

В этой инструкции указывалось также, какие вопросы могли обсуждаться на них.

„На уездных беспартийных конференциях,—говорилось в ней,—делают доклады информационного порядка заведующие отделами уисполкома, разъясняются основные вопросы политики рабоче-крестьянского правительства и обсуждаются все животрепещущие вопросы, выдвигаемые моментом“¹⁾.

Просмотр повесток дня такого рода конференций показывает, что обсуждались, как правило, такие вопросы: текущий момент, доклады президиумов уисполкомов, продовольственный вопрос, вопрос о трудовой повинности, доклады по отделу народного образования, даже доклады укомов партии и т. д., причем очень часто беспартийные конференции проводились совместно со съездами женщин. Хотя их резолюции не были обязательными для партийных и советских органов, однако, в смысле мобилизации внимания трудящихся масс вокруг партийной политики они имели большое значение.

О политической направленности этих собраний свидетельствует следующая типичная резолюция от 10-X-1920 г.

„Заслушав доклад по текущему моменту... Курская уездная конференция беспартийных и уездный съезд женщин проклиняет преступную политику Антанты, ведущей к задушению рабоче-крестьянской России, в то же время заявляет, что уже больше никогда, несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которых находится рабоче-крестьянская республика... буржуазией не отберется земля, фабрики и заводы, рабочими и крестьянами не будет выпущено из рук оружие. Ярмо капитала отныне не ляжет на нашей шее.

С удовлетворением конференция и съезд констатируют, что государственный аппарат советской власти налажен.

Да здравствуют Советы всего мира!

Да здравствует Красная армия!“²⁾.

Полная поддержка линии коммунистической партии со стороны самых широких слоев беспартийных масс трудящихся и даже самой отсталой в то время части их—женщин, служила наглядным свидетельством правильности политики партии и неосокрушимой крепости диктатуры пролетариата. Об эту крепость, цементированную авангардом рабочего класса,—компартией, разбились потуги всех прихвостней внутренней буржуазии и международной интервенции задушить социалистическую революцию в период гражданской войны и военного коммунизма

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Тимского укома, д. № 26, „Декреты, распоряжения и циркуляры ЦК и губкома“, за 1920 г., л. 21.

²⁾ Партархив ЦЧО ф, Курского губкома, д. № 6, „Протоколы конференций“, за 1920 г., л. 9.

4. От политики военного коммунизма к новой экономической политике. (Заключение).

Политика военного коммунизма, как неоднократно отмечал Владимир Ильич, в условиях затянувшейся жесточайшей гражданской войны была совершенно правильной. Эта политика с ее милитаризацией транспорта и ряда основных отраслей промышленности, с продразверсткой и решительной борьбой против зажиточных элементов села, с распределением товаров по твердым ценам, с трудовиной и систематическими мобилизациями населения на военный и трудовые фронты, с военно-централистическими формами руководства и управления, с бесконечными ударными, но кратковременными кампаниями („недели“, „двухдневники“, „месячники“), с милитаризацией внутрипартийной жизни, эта партийная политика была не в состоянии, однако, обеспечить полное хозяйственное возрождение страны, когда после разгрома Врангеля РСФСР вступила в период мирного развития.

Единый хозяйственный план IX съезда, построенный на основе сохранения продразверстки, распределения продуктов по твердым ценам и всеобщей трудовой повинности с неизбежными мобилизациями, соответствовал военной обстановке, но он не мог решить все хозяйственные задачи, т. к. не давал никаких стимулов мелкому товаропроизводителю, составляющему подавляющее большинство населения. Правда, поворот внимания партии к хозяйственным задачам, усиление работы в деревне и среди беспартийных масс вообще, давали соответствующий производственный эффект, однако, основного экономического явления: процесса натурализации сельского хозяйства и распыления промышленности и пролетариата, приводившего к разрыву хозяйственных связей между городом и деревней, единый хозяйственный план 1919 г. не устранил. Не устранил, следовательно, и наметившейся тенденции к распаду политических связей города с деревней. Кронштадтское восстание и антоновщина служили предметным напоминанием об этой реальной опасности.

Тот факт, что хозяйственная политика периода военного коммунизма не могла решить проблемы восстановления народного хозяйства в условиях перехода к мирному периоду, отнюдь не дает права к выводу об ошибочности политики военного коммунизма, который делала правооппортунистическая школа Бухарина, ибо Ленин прямо считал необходимым поставить политику военного коммунизма „в заслугу“ нашей партии, т. к. эта политика обеспечила победу пролетариата в гражданской войне. Вместе с тем тот факт, что политика военного коммунизма была правильной, неизбежной и целесообразной в условиях затянувшейся гражданской войны не дает права идеализировать ее и распространять на все положительно страны, в которых пролетариат будет производить свою рево-

люцию, как это делают Варга и Крицман, ибо попытку перейти к коммунистическому способу производства и распределения военно-коммунистическими методами Ленин признал ошибочной, т. к. наличие значительного количества мелких товаропроизводителей в какой бы то ни было стране „делает необходимым в той или иной мере сохранение на начальных ступенях развития—рыночных форм связи, денежной системы и т. д.“ (Программа Коминтерна).

Однако „может появиться необходимость в военно-коммунистической хозяйственной политике“ в случае вероятной военной интервенции капиталистов и длительной контрреволюционной войны против диктатуры пролетариата.

На X съезде, происходившем в марте 1921 г., партия нашла новую форму связи города и деревни—это продналог, принятый взамен продразверстки, нашла новые методы руководства пролетариата крестьянством—это руководство на основе хозяйственной заинтересованности мелкого товаропроизводителя в уничтожении строя, основанного на эксплуатации, нашла новые формы организации—это развертывание нормальной внутрипартийной демократии взамен „крайнего организационного централизма“ и „системы боевых приказов“, поневоле установившихся в практике партийной работы периода военного коммунизма. Переход к новой экономической политике, начало которой составляли перечисленные моменты, повел к пересмотру ряда ранее принятых партией решений.

Так, на X съезде была отменена резолюция о кооперации, построенная на признании принципа продразверстки, сформулирован ряд новых моментов по вопросам о профсоюзах и внутрипартийной жизни. С весны 1921 года, таким образом, начинается поворот к новой экономической политике, душу которой в условиях восстановительного периода ее составляют рыночные формы связи между городом и деревней. Лозунг Ленина „учитесь торговать“ становится „гвоздем“ партийной политики до того момента, когда партия, ведя крестьянство по кооперативному пути, в условиях реконструктивного периода дала, в качестве основного лозунга, лозунг производственной смычки.

Курская организация совершила переход к нэпу вместе со всей партией. Разумеется, не в декаду и не в месяц совершился этот переход. Он происходил постепенно и наиболее наглядно сказался только во время проведения продналоговой кампании осенью 1921 года.

Весной и летом 1921 г. в изучаемой парторганизации развертывалась чрезвычайно интенсивная работа. Переходный период накладывал на нее, конечно, своеобразный отпечаток. Во второй половине мая 1921 года проводится „неделя трудового фронта“. По директиве Губкома „Все без исключения члены РКП и кандидаты должны (были—И. К.) личным трудом принимать самое активное и живое участие в подготовке и проведе-

нии „недели трудового фронта“¹⁾. Эта кампания была проведена с таким же широким размахом как и „неделя крестьянина“ в 1920 г. Немного позднее организуется „неделя красного пахаря“ затем проводятся „топливный трехнедельник“ и „неделя просвещения“. В подлинном смысле по боевому Курский губком организует весеннюю посевную кампанию, на проведение которой было мобилизовано 20% всей организации. Численно мобилизованные составляли 875 человек, 60 человек из городской организации. В результате такой боевой работы 75% земель оказались все-таки обсемененными. Все перечисленные кампании сочетались с огромной агитационной работой. Чтобы ясен был весь ее размах, достаточно указать что за это время было проведено 2 700 митингов с 52 тысячами слушателей.

Совершенно очевидно, что все только что перечисленные кампании по форме их организации носили на себе полную печать военного коммунизма.

Однако, за то же самое время появляются такие виды и формы работы, которые должны были обеспечить проведение новой экономической политики.

В самом деле. По линии советской работы,—говорил т. Бауман, из доклада которого на 8-й губпартконференции заимствованы все выше приведенные данные,—„главное наше внимание сосредоточено было на кооперации“. Достижения партийной организации в этом отношении заключались в том, что „весь аппарат управления находится под влиянием коммунистов“, несмотря на наличие там эсеров и меньшевиков. Готовясь к проведению продналоговой кампании, Губком заботился также о подготовке кадров для нее. „Мы,—сообщал далее докладчик, мобилизовали 170 человек на курсы налоговых инспекторов и 30 человек на курсы кооперации“²⁾. Последнее мероприятие имело чрезвычайно существенное значение, ибо новые виды продналоговой и кооперативной работы требовали значительно количества новых подготовленных людей. В полном соответствии с заботами парторганизации о кадрах для кооперации и продналоговой кампании и об улучшении руководства кооперативами находилось дальнейшее усиление внимания к работе профсоюзов, которое было фиксировано уже решениями IX партс'езда. Вопрос о профсоюзах, по свидетельству Баумана, ставился Губкомом на обсуждение неоднократно. Несомненно что безраздельное руководство коммунистов на III губс'езде профсоюзов „несмотря на то, что они составляли менее 50% общего числа депутатов“ относится за счет усиления в них работы парторганизации.

1) Партархив ЦЧО, ф. Тимского укома, д. № 23, „Воззвания, обязательные постановления“, за 1921 г., л. 25.

2) Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 14 21, „Материалы 8 губпартконференции“, лл. 3, 4, 6 и др. Доклад Баумана.

Восьмая губпартконференция, происходившая в начале июля 1921 г., подводя итоги определенному этапу партийной политики, решения свои построила на основе принципов, принятых X партс'ездом. Возникает вопрос теперь, как проходил этот переход от военного коммунизма к нэпу в изучаемой парторганизации, привел ли он к кризису в ней, или прошел безболезненно?

Во всей партии переход к нэпу ознаменовался, как известно, исключительно напряженной дискуссией по вопросам о профсоюзах с целой дюжиной различных платформ (троцкистов, „буферной“ группы, рабочей оппозиции, гр. демократического централизма, игнатовцев и т. д.). В данной книжке нет нужды распространяться по поводу всех имевших место платформ и всей профсоюзной дискуссии, т. к. основные сведения о ней читатель найдет в любом элементарном учебнике по истории партии. Необходимо, однако, отметить, что дискуссия несколько месяцев трепала силы партии, это, во-первых, во-вторых, что все антиленинские платформы в той или иной степени отражали анархо-синдикалистские черты, в то время как платформа „рабочей оппозиции“ (Шляпников, Коллонтай и др.) была прямым выражением анархо-синдикалистского уклона в нашей партии; в-третьих, что профсоюзная дискуссия по сути дела охватила ряд первостепенных проблем: вопрос об отношении партии к советам, вопрос об отношении профсоюзов к государству, т. е. о месте их в системе диктатуры пролетариата, проблемы рабоче-крестьянского союза, вопросы внутрипартийной демократии и др. Стало быть, крупнейший стратегический маневр партии — переход к новой экономической политике — заставил поставить на обсуждение вновь многие, уже решенные партией вопросы, когда известные ее слои под давлением мелкобуржуазного окружения заколебались.

Сам по себе вопрос о профсоюзах приобрел столь острое значение потому, что в цепи звеньев, при помощи которых можно было создать предпосылки дальнейшего социалистического наступления, профсоюзам принадлежало почетное место.

Если с точки зрения Ленина профсоюзы были прежде всего „школой коммунизма“, школой классового политического воспитания, организацией, которая, организуя рабочих и прививая классовое сознание элементам, пополняющим пролетариат из деревни, из ремесленников и кустарей, должна была обеспечить надлежащее отношение всех рабочих к производству, непосредственно организовать рабочий класс на борьбу за подьем производства и участвовать в управлении хозяйством через систему советов, то „рабочая оппозиция“ по-синдикалистски отставала тезис о том, что с'езд производителей должен быть полным хозяином производства, управляющим промышленностью через свой выборный орган. Ясно, что такая позиция была осуждена X партс'ездом, как осуждены были взгляды троцкистской

и бухаринской („буферной“) фракций, которые также заключали в своих платформах синдикалистские мотивы—с одной стороны, а с другой—еще ряд существеннейших ошибок, вроде: попыток бюрократического перетряхивания союзов или тенденций к огосударствлению их и т. д. (Троцкий), или попыток эклектического соединения ленинских взглядов с синдикалистскими установками и теории „сращивания“ профсоюзных аппаратов с административно-хозяйственным аппаратом (Бухарин).

Партия решениями своего X съезда призвала, как известно, организованный в профсоюзы рабочий класс к борьбе за восстановление промышленности, исходя из единственно правильной ленинской оценки профсоюзов—прежде всего как „школы коммунизма“ и подвела итоги длительной внутрипартийной борьбы резолюцией „об единстве партии“, в которой съезд поручил ЦК „провести полное уничтожение всякой фракционности“ с правом „безусловного и немедленного исключения из партии“ всех, кто не выполнит этого решения.

В связи с профсоюзной дискуссией Курская парторганизация пережила довольно острую внутреннюю борьбу. Нужно сказать, что это была, по сути дела, первая идейная схватка курских большевиков с внутрипартийным уклоном непосредственно в своей организации. В 1917 году она только еще организовывалась, в 1918 и 1919 годах вела исключительно напряженную борьбу с интервенцией и контрреволюцией на территории своей губернии, а в 1920 году бешено работала над восстановлением хозяйства, сильно пострадавшего от белогвардейских разрушений.

Правда, в данной связи нельзя не отметить многократных столкновений внутри партийного руководства, особенно в уездных организациях, по внешней форме на беспринципной основе. Однако, при более детальном ознакомлении с такого рода борьбой оказывается, что часто дело заключалось в борьбе выходцев из левоэсеровской партии против уездного руководства, составленного, как правило, из наиболее выдержанных и не связанных в прошлом с другими партиями коммунистов. Следовательно, и в таких случаях приходится предполагать некую принципиальную основу, хотя последняя затухала обычно довольно тщательно. Несомненно, люди, еще не освободившиеся от левоэсеровского груза, пользуясь случайными поводами, иногда пытались овладеть руководством в той или другой организации. Но попытки эти обычно обрекались с самого начала на неудачу, ибо принципиальная позиция быстро вскрывала их левоэсеровские уши, а беспринципная—восстанавливала против себя всю организацию, т. к. наша партия, как известно, никогда не жаловала интриганов.

Переход к новой экономической политике (1921 г.) в организации со столь малым удельным весом промышленных рабочих не мог не сопровождаться возникновением мелкобуржуаз-

ных уклонов, в частности „рабочей оппозиции“, коль скоро по своей классовой природе она представляла собой мелкобуржуазный уклон. Были и другие оппозиционные оттенки.

Значительной остроты внутрипартийная борьба достигла на июльской конференции 1921 г. „Недавно состоявшаяся 4 июля 8-я губпартконференция—говорится в докладе Губкома ЦК—протекала в напряженной атмосфере борьбы различных групп и оттенков“.

Анализируя содержание оппозиционных настроений, Губком сводил их в указанном докладе к двум основным группам.

„1) Наличие недовольства у некоторой части ответственных советских работников, вытекавшего из стремления к большей независимости от влияния партии как советских аппаратов, так и самих ответственных работников, недовольства, усугубляемого той тенденцией борьбы с бюрократизмом, которую проявлял Губком старого состава.

2) Недовольство группы так называемой... местной рабочей оппозиции, выражавшейся в желании более решительной борьбы с бюрократизмом, с одной стороны, и стремление к механическому орабочению аппаратов, с другой. Эта группа имеет значение лишь в Курской городской организации...

Кроме этого течения в городской организации имеется еще одно оппозиционное течение, на практике близко сливающееся с вышеуказанным течением, но имеющее другую исходную точку. Эта группа, желающая усиления Курской городской организации в губернской политике“¹.

Даже по этой довольно странной губкомовской оценке можно установить, что борьба против „рабочей оппозиции“ в Курской парторганизации началась в промежуток между 7 и 8-й конференциями, достигших своего завершения на 8-й конференции—это во-первых. Во-вторых, несомненно „рабочая оппозиция“ питала тенденции „независимости“ некоторых ответственных советских работников от партийного руководства, ибо такая тенденция могла проистекать только из неправильного понимания отношения партии к советам, точнее, из непонимания того, что руководство партии есть центральное звено в системе диктатуры пролетариата. А такое непонимание было свойственно „рабочей оппозиции“. Наконец, она же способствовала попытке превратить естественно сложившуюся руководящую роль Курский городской организации во всей парторганизации губернской в опеку над последней. Очевидно, что в Курской городской организации были группы, которые, спекулируя на наличии более сильного рабочего ядра в Курске, пытались добиться монопольного руководства в партийных и советских органах, что тормозило участие в руководящей работе выдвигающихся работников из уездов.

Насколько неосновательны были тенденции у некоторых групп городской организации, показывает факт полного отсутствия этих тенденций в подлинно рабочей Ямской организации, которая наряду с Белгородской и Льговской организациями играла роль опорной—для Губкома.

¹) Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 10, „Протоколы пленума Курского ГК“, за 1921 г.

Повидимому, после X съезда, решительно осудившего „рабочую оппозицию“, у курских сторонников ее уже нехватало смело идти в открытую борьбу против партии, тогда они попытались пуститься в борьбу против Губкома обходными маневрами, но губпартконференция решительно осудила и эти маневры. Кстати, другим очагом местной „рабочей оппозиции“ была Щигровская уездная типичная крестьянская организация, где оппозиционеры несколько месяцев держали руководство в своих руках. Разбитые, однако, партией принципиально, щигровцы организовали у себя форменное сопротивление руководству Губкома. Дело дошло до того, что Губком вынужден был назначить для работы в Щигры специальное оргбюро. Но старое руководство (Тесленко и Поветкин) не хотело уступить место оргбюро, выступив тем самым прямо против Губкома. Тогда оргбюро прибегло к аресту их.

Такое резкое столкновение Щигровского укома с Губкомом выросло из тех безобразий, которые воспитаны были в Щиграх тамошними руководителями. А насколько велики оказались безобразия, достаточно красочно описывает посланная туда в апреле 1921 года специальная следственная комиссия. Вот несколько фактов из ее доклада:

„... общепартийных горсобраний за весь 1920 год и за 3 месяца 1921 г. состоялось всего лишь три, что указывает на отсутствие партработы. Политико-просветительной работы никакой не ведется. Общшения между членами партии нет. Колоссальный отрыв руководителей от общепартийных масс... Уисполкома, как высшего органа власти в уезде, не существует, он является простым исполнителем заданий укома... Имеют место незаконные конфискации... Отсутствует борьба с варкой самогона... Большинство ответственных работников имеют собственные довольно крепкие хозяйства, в интересах которых, не стесняясь, используют свое положение. Многие из них бывшие богатые крестьяне. Круг ответственных работников весьма ограничен и является чуть ли не кастой, в их число не могут примкнуть инакомыслящие“ и т. д. ¹⁾.

Следственный доклад рисует картину полного разложения щигровской верхушки. Вот почему Губком был совершенно прав, когда после того, как щигровцы не выполнили решения его о переброске Тесленко и других в другие уезды, а затем отказались сдать дела новому оргбюро, прибегнул даже к аресту их.

Местнические тенденции, т. е. попытки некоторых отдельных работников укомов эмансипироваться от твердого руководства Губкома благодаря „щигровскому делу“ получали некоторое усиление, но после 8-й губпартконференции эти попытки, выраставшие из слабости коммунистического воспитания и крестьянского состава организаций, был все-таки ликвидированы, как ликвидированы были описанные выше нездоровые тенденции в Курской городской организации. Посылкой оргбюро, выездами в

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 10, „Прот. плен. Курского ГК“, за 1921 г.

Щигры отдельных членов Губкома и снятием там руководящей верхушки была оздоровлена и щигровская уездная парторганизация.

Переход на новую экономическую политику не прошел безболезненно и в профсоюзах, и даже в Губисполкоме.

„Фракции губернских отделов союзов слабы,—говорится в докладе Губкома ЦК за сентябрь 1921 г.,—наблюдалось скептическое отношение к новой экономической политике, но не в серьезной форме, в союзах пищевиков и всеработземлеса чувствуются синдикалистские влияния“.

Что же касается Губисполкома, то доклад характеризует положение следующим образом:

„Между ответственными работниками Губкома и Губисполкома имели место разногласия по вопросам: создания частных кредитных учреждений и о роли кооперации, в связи с новой экономической политикой, которые носили чисто принципиальный характер“¹⁾.

В чем заключались синдикалистские тенденции в профсоюзах и принципиальные разногласия Губкома с „ответственными работниками Губисполкома“, документы очень глухо говорят. Но, повидимому, они не имели глубокого характера, т. к. очень скоро исчезли. В другом докладе Губком уже пишет в ЦК:

„Между Губкомом и Губисполкомом наметился полный контакт и взята твердая коммунистическая линия“²⁾.

Что дружная работа Курской губпарторганизации после летнего кризиса к осени действительно установилась, показывает решительная борьба ее за боевое проведение решающей для осени 1921 г. продналоговой кампании. В полном соответствии с директивами ЦК партии и СТО об укреплении продаппарата дополнительными мобилизациями коммунистов и возвращением почему-либо освобожденных обратно на продработу, об установлении деловых взаимоотношений продаппарата с кооперативным заготовительным аппаратом, об усилении партийного руководства над кооперацией, Губком развертывает интенсивную работу.

„Для улучшения и усиления продработы и кооперации произведена (была—И. К.) дополнительная мобилизация коммунистов в слабые уезды. Из Курской городской организации 70 человек, из Белгородской—20, вынесено ряд постановлений по усилению продналоговой кампании ... организовано и послано в каждый уезд по выездной сессии Ревтрибунала... Созданы в губернии и уездах агитпроптройки. На совместном совещании фракции губсоюза с секретариатом Губкома пересмотрен и усилен работниками аппарат кооперации по периферии, вынесен ряд руководящих указаний и устранены наживающие конфликты в правлении губсоюза“³⁾.

Хотя количественное выражение продналога было ниже продразверстки, но в связи с засухой на Поволжье, урожайной Курской губернии приходилось сильно форсировать кампанию. 25 августа, констатируя недовыполнение уездами разверстки на

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 10, „Протокол плен. Курского ГК“, за 1921 г.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

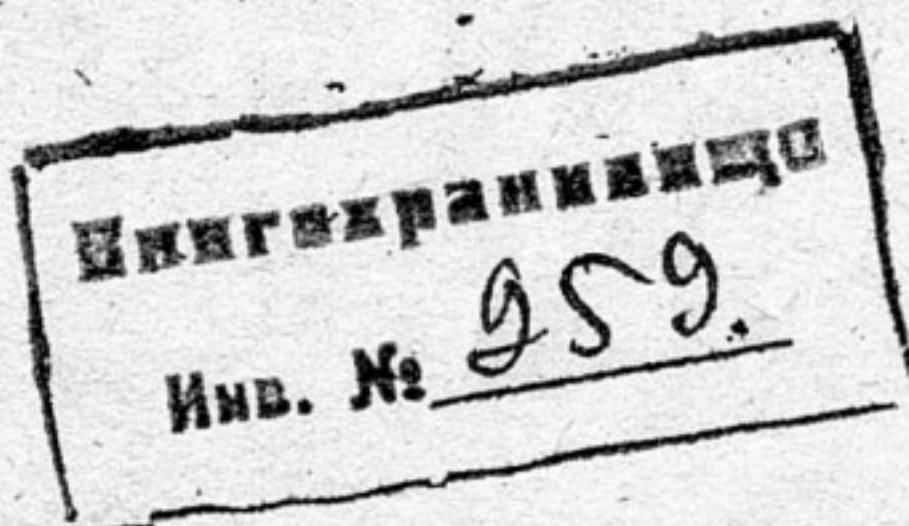
мобилизацию коммунистов и ставя на вид Обоянскому и Дмитриевскому уколам недочеты в продналоговой работе, Губком категорически предложил всем уколам „Довести в течение 48 часов объявленную... мобилизацию до 90% нормы... При этом не останавливаться перед обезлюдением некоторых отделов и свертыванием их функций“ ¹⁾.

Такое распоряжение весьма красноречиво свидетельствует, как умела Курская парторганизация мобилизовать себя на тот участок борьбы за социализм, который был решающим. В списках мобилизованных коммунистов на продработу в 1921 г. значатся 131 человек, но это, повидимому, еще не все, иначе не было бы смысла в столь категорическом предписании Губкома.

Борясь за улучшение материально-бытового положения рабочих (была создана специальная комиссия по улучшению быта рабочих), не ослабляя работы в Красной армии, хотя вооруженные операции и окончились уже, всемерно развивая политико-просветительную деятельность в деревне и среди пролетариата, поднимая хозяйственную жизнь как в городе (промышленность), так и в деревне, укрепляя профсоюзы, решительно развертывая работу по ликвидации политнеграмотности среди членов партии и комсомольцев, а также углубляя теоретическую квалификацию руководящих работников коммунистов (организация губсовпартшколы, многочисленных кружков, лекторской коллегии, партшкол в уездах и т. п.), по-боевому организуя продналоговую кампанию и укрепляя кооперацию, Курская губпарторганизация, преодолевая разные синдикалистские и другие политические уклоны в себе самой, вместе со всей партией под руководством Ленина вступала в период новой экономической политики, рассчитанной на длительный период упорных боев за социализм в новой обстановке, в обстановке нэпа.

„Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики“. (Сталин, Из заключит. слова по политотчету ЦК ВКП(б) на XIV партс'езд, „Вопросы ленинизма“, ГИЗ, М.-Л., 1926 г., стр. 408).

¹⁾ Партархив ЦЧО, ф. Курского губкома, д. № 16, „Материалы по проведению продналога“, за 1921 г. (Подчеркнуто мной—И. К.)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Истпарта Обкома ВКП(б) ЦЧО	3
Предисловие	4
 <i>Глава I. От буржуазно-демократической революции к пролетарской (1905-1917 гг.)</i>	
1. Рабочее и крестьянское революционное движение	7 ✓
2. Большевики в борьбе за руководство массами. (От 1905 к 1917 году)	14 ✓
3. Предпосылки и развитие Февральской революции	24
4. Нарастание большевизма в массах и его организационное оформление	45
 <i>Глава II. В борьбе за социалистическую революцию</i>	
1. Курский Октябрь (борьба большевиков за власть)	53 ✓
2. Борьба за социалистическую революцию в деревне	67 ✓
3. Организация масс на борьбу с контрреволюцией и вооруженную защиту Октябрьских завоеваний	78 ✓
4. Укрепление парторганизации	85
 <i>Глава III. Парторганизация в период гражданской войны</i>	
1. Состояние парторганизации в период гражданской войны	105
2. Разгром деникинщины и борьба с кулацкими выступлениями	121
3. Военно-коммунистическая политика в ее конкретном преломлении на территории губернии	136
4. От политики военного коммунизма к новой экономической политике. (Заключение)	152

Изд. № 298.

Уполн. облита № 2455.

Заказ № 1843.

Тираж 2600.

Сдано в набор 2/V—33 г.

Сдано в печать 15/VII—33 г.

Статформат А⁵ 148 × 210. 10¹/₄ печ. лист. × 43 500 печ. знак.

Типография изд-ва „Коммуна“, проспект Революции, 51.

124 (6. 1. 1914)